

Андрей Милов

Без любви

о двух концах
с
Прологом в начале и Эпилогом в конце

ИЛИ

Лифт в Преисподнюю

18+

Андрей Милов
Без любви, или Лифт
в Преисподнюю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40496241

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10922-3

Аннотация

У озера, в виду нехоженого поля, на краю старого кладбища, растёт дуб могучий. На ветви дуба восседают духи небесные и делятся рассказами о юдоли земной: исход XX – истоки XXI вв. Любовь. Деньги. Власть. Коварство. Насилие. Жизнь. Смерть... В книге есть всё, что вызывает интерес у современного читателя. Ну а истинных любителей русской словесности, тем более почитателей классики, не минуют ностальгические впечатления, далёкие от разочарования. Умный язык, богатый, эстетичный. Легко читается. Увлекательно. Недетское, однако ж, чтение, с несколькими весьма пикантными сценами, которые органически вытекают из сюжета.

Содержание

Без любви	5
Каждый десятый	6
Никита Леонтьевич Борг	9
Руслан Милославович Казановских	101
Над озером у кладбища рос дуб могучий	183
Лифт в преисподнюю	189
Три слова	190
Лифт в преисподнюю	217
Генерал и его мыша	272
Σύμβαση	287
Жупел	295

*Я за всех свое отплакала, отвыла.
Только смерть измерит глубину утрат.
В смерти видишь лучше то, что в жизни было...
А. Милова*

Без любви

Як умру, то поховайте мене на могилі...

Тарас Шевченко. Заповіт

Каждый десятый

Пролог

*Трижды блаженны те, кто не видел, но уверовал.
Даниил, игумен русской земли*

Однажды двое заспорили горячо, кому из них двоих на самом деле повезло в этой жизни больше, да так и не сумел ни один переубедить другого. Ну а поскольку спорщики были не глупы, но упрямы, то, препираясь, перекинулись на весьма насущный во всевышних сферах вопрос, а каким же образом впредь снаряжаться к предстоящей жизни, чтобы обрести наконец человечье счастье. Причём спорили они так долго, что за спором не заметили, как жизнь прошла стороной. Когда всё ж таки уверились, что жизни уже нет, то было слишком поздно что-либо переустраивать в ней на свой собственный лад.

Всё равно сидят, однако ж, на ветке могучего дуба в виду озера на краю кладбища, где в землю вот-вот схоронят их косточки, и прекословят без усталости.

Имена их под стать нравам – смешно сказать: один откликается на имя Ой, а другой – на имя Ай. Но много, очень много вещают сии немудрёные, хотя и колкие имена человеческому сердцу, проникая в ухо и достигая самой души, что

привыкла прятаться от них в пятки.

Да и как укорять-то их за память короткую, за небрежение грехами, коль сами не помним, что вышли из чистейших вод и состоим в основном из воды. Ведь рано или поздно, однако ж в строго определённый кем-то час, покинув брненное тело, устремляется душа ввысь... – и в свой час роковой низвергается душа с высот лазурных, чтоб, забывшись, опять с головой окунуться в бурные воды земного бытия.

Кстати бы заметить тут: некто однажды подсчитал, будто землю в наши дни одновременно населяет одна десятая часть от всего рода человеческого, кто от первобытных времён и до нынешнего дня имел удовольствие быть рождённым и прожить до самой своей смерти. Стало быть, каждый десятый обретается где-то по соседству с нами и, должно быть, полагает, что земля и есть тот рай, который человек своими руками превращает в ад.

Так это или иначе, но за спиной любого современника выстроилась длинная череда из всевышних неудачников, чьё «я» вынуждено ждать своего счастливого часа, чтоб обрести брнную плоть для бессмертной души и запустить тикающий механизм, прикрытый бронёй из крепких косточек, что люди рёбрами зовут.

Таким образом, совсем неудивительно, что всякий ново-рождённый, закрывая за собой дверь того непознанного разумом мира, откуда он пришёл, слышит отзвук недовольного, завистливого ропота. Впрочем, кто ж искренне пожалеет

своего завистника и уступит ему своё место?! Никто не может желать удачи сопернику, как никто не выбирает времени, географическое местоположение или мать свою, не говоря уж о языке и вере в свой путь обратный.

Собираясь налегке в нелёгкий путь, чтоб явить себя свету божьему, да и смутить род человеческий своим громким несмышлёным криком, не забыть бы удачу, и тогда то, утверждают бывалые, что не должно было случиться вовсе, то и произойдёт самым обычным образом – естественным как роды.

Главное при этом, не терять времени даром.

Но ежели в наспех собранном багаже заваялась ещё и толика совести, то везунчик этот должен помнить, что за фарт надо платить сполна, и потому от роду он уже должен всем, в том числе и самому себе.

Никита Леонтьевич Борг

Конец первый

*О, что бы я сделал, если б я не потерял времени даром...
И. С. Тургенев. Первая любовь*

Единственно, чего не должен был вовсе наш удачливый герой, так это родиться на свет божий.

Некто посеял семя, а посеяв, забыл и думать о нём. Сорняком взошло семя; нечаянный росток не подумали вовремя прополоть, и сотворилось великое чудо без намёток: родился человек. Родился в рубашке, то бишь в пузыре, что предвещало удачу на крутых виражах судьбы. А судьба, всем известно, ой какая капризная подруга жизни!

При рождении нарекли везунчика Никитой. За неимением отцовской, родовая фамилия досталась ему от матери – Борг, ну а по батюшке назвали попросту и без затей – Леонтьевич.

Так и записали в метриках: Никита Леонтьевич Борг.

Как с яслей неустанно твердили малышу воспитатели, наш несмышлёныш должен был быть благодарен лично Леониду Ильичу за своё счастливое детство. Губа не дура, кого-кого, а его-то он и поторопился определить себе в тайные отцы – по недоразумению, должно быть. Слава богу, держал

при себе сие откровение, иначе не избежать бы кривых намёков да вечных насмешек, коими доброхоты склонны сгладить любую судьбу, пускай даже и предначертанную свыше.

К началу нашего рассказа старые добрые времена, которые хлёсткие языки окрестили недобрым словом – застой, уже изрядно изменились, да и сам герой наш повзрослел настолько, чтобы понимать, откуда и как берутся дети. Все свои повинности, в том числе военные, он отбыл, безропотно и без сожаления расставшись с иллюзиями детства и отрочества, – познавая себя, готов уж был познавать и окружающий его мир. И вот запнулся он, в конце концов, на распутье дорог... и волен выбирать любую, тем более что время недвусмысленно подсказывало, подталкивая в спину, – на какую стёжку-дорожку да как именно ступить.

Таким образом, Никите Леонтьевичу Боргу ничего другого не оставалось, кроме как отдать должное настоящему зову времени и довериться слепой удаче. Казалось бы, все свои долги отдал – задолжал разве что самому себе: быть богатым, здоровым и блаженным, да маленьких Боргов приплодом осчастливить всё оставшееся не удел человечество.

Когда ты молод, смышлён и настойчив, то мечты не кажутся тебе несбыточными, а если ещё и энергия брызжет через край, то ты крайне нетерпелив в своих желаниях. Хочется всего и сразу, и мысль опережает действие. Лишь бы при этом не надорваться. Но вот чего Боргу было не занимать, так это здоровья, а из здоровья выходила силушка и страсть

неуёмные. Он, конечно же, транжирил их, как водится, особливо не раздумывая; только подошвы горели да асфальт плавился под его башмаками.

По-летнему яркий и тёплый, апрельский день был в самом разгаре, располагая к послеобеденной неге и безделью. Чуть парило, и в воздухе пахивало прошлогодней пылью. Далёкое беспечное облачко на горизонте сулило к вечеру умыться охлаждающим душем землю.

Никита с сожалением бросил прощальный взгляд в бездонную лазурь небес, как будто пытаясь вдохновиться внешним настроением, которым, казалось, была насквозь пропитана возрождавшаяся от зимней спячки природа, вздохнул прерывисто и спустился едва ли не на ощупь по щербатым ступеням лестницы в отсыревший полумрак полуподвальной прихожей. Яма. Перевёл дух – решительно постучал кулаком в крашенную кистью металлическую дверь. Неспешное эхо очнулось от мечтательного забытья, чтоб спросонья откликнуться изнутри недовольным скрипом: отворилось небольшое квадратное зарешёченное оконце, осветив пятачок пространства и лицо посетителя, и его спросили с вызовом:

– К кому?!

– В кассу.

– Как представить?

– Никита... Никита Леонтьевич Борг.

Оконце со скрипом затворилось, и точно бы после томительных раздумий дверь приоткрылась непочтительно узкой щелью. Протиснувшись внутрь, он спустился ещё ниже на три крутых ступени.

– Осторожно, – буркнул в спину охранник, в камуфляжной форме, без знаков отличия, и предупредил: – Не ударьтесь головой.

– Спасибо. Уже учёный.

Никита нагнулся, чтоб при входе в зал ожидания не зацепить лбом поперечную бетонную балку, и подался внутрь – на свет дневных матовых ламп, одна из которых с порога, будто нервным тиком, криво подмигнула ему. Поймал скупающие взгляды и поздоровался кивком головы, невнятно промямлив под нос, лишь шевеленьем губ обозначая приветственное слово, и занял свободное место в ряду скреплённых между собой кресел – наверняка из соседнего кинотеатра, который как-то однажды закрыли на реконструкцию, да так, к слову, и забросили до лучших времён.

Охранник запер за ним дверь на засов и занял место стража за столом при входе. Тут же склонился над газетой, освещённой настольной лампой, не обращая внимания на коммерсантов, что в ожидании своей очереди нетерпеливо поглядывали на фанерную перегородку с врезанной в неё самодельной дверью. По всему залу разносился оттуда едва приглушенный стрёкот машинки, пересчитывающей купюры.

На оптимистическую вскидку ждать было минут сорок, не

меньше. Никита скользнул взглядом по коленкам в ряду, и его лицо невольно исказила кривая ухмылка: во, блин, конспираторы! И, положив к себе на колени, прижал к животу свёрток – такой же пакет из супермаркета, как и у прочих в очереди в кассу.

Покосился с тоской на соседнюю дверь, с автоматическим замком, что вела во внутренние помещения, и задумался на чуть... да и решил не торопить события. Хотя и не терпелось. Ему удобнее сначала сдать в кассу деньги, а потом только идти к менеджерам и обсуждать новый заказ, чтоб выторговать хоть какие-то скидки да продвинуть свой ассортимент.

Офис корпорации «Текстайл Интернешнл» располагался в подвале жилого дома и был если и не шикарным по тем временам, то очень даже ничего, с виду вполне достойно смотрелся: ни труб, ни вентиляей, стены свежевыкрашены розовой краской и потолок почти белый, без протечек. Не пыльно. Не сыро. Чуть душновато. Вентиляционные отдушины под потолком облагорожены ажурной кованой решёткой и играют роль окон, причём не только создавая видимость, но и на самом деле пропуская внутрь норы лучик дневного света да глоток свежего воздуха. Тем не менее, подумалось, электрический счётчик расточительно наматывает круги сутки напролёт.

Никита прикрыл глаза и впал в чуткую спячку. Почти два часа длился его вынужденный сон, пока наконец ни подошла очередь. Он стряхнул дрёму с глаз долой и, приободрив-

шись чуть, вошёл через дверь за перегородку. Глухой тесный тамбур был освещён яркой до рези в глазах лампой. На стол бросил пакет и, заглянув в полукруглое окошечко, куда можно просунуть руку, но не голову, приветствовал по-свойски, при этом приязненно улыбаясь:

– Привет. Как дела?

– Здравствуй, – устало и безразлично ответила ему женщина изнутри, очевидно не разделяя его радушия.

Никита, впрочем, будто не замечал прохладцы ни во взгляде, ни в тоне и продолжал как ни в чём не бывало улыбаться вешним солнышком – ей или не ей, не суть важно. Он просунул в окошечко плитку шоколада. Кассирша прибрала её небрежно в ящик стола, что под рукой.

Тем временем Никита принялся выкладывать на прилавок денежные пачки, перехваченные накрест резинками.

– Ого! – кассирша несколько смягчила тон и ждала, когда же он выложит всё без остатка. – Хорошая выручка, как погляжу.

– Стараюсь, – приободрился от гордости Никита. – Дела идут. Не жалуюсь.

– Мелочёвки, только гляжу, больно много, – не преминула остудить его пыл. – Пересчитывай тут до посинения!

– Ничего не поделаешь, – нашёлся с ответом. – Розница есть розница, да и ассортимент мелочный.

– А ты бы загодя, не дожидаясь конца торгового дня, откладывал купюры покрупнее. Как все.

– Тут уж как придётся.

Кассирша без суеты, взяв в руки очередную пачку денег, снимала резинку, перелистывала купюры и запускала в счётную машинку, затем просвечивала в поисках фальшивых банкнот, кое-какие перепроверяла на ощупь, разглядывала в лупу, опять пересчитывала, перевязывала и откладывала в сторону у него на виду. Счётная машинка то и дело сбоила.

– Влажные, – недовольно проворчала она.

– Ну, соответственно, наверное, вчерашней погоде, – усмехнулся Никита.

– Машинке про погоду не расскажешь.

– Надо спиртиком почаще потчивать.

– Без умников! Сама, небось, разберусь, – обрезала его и уже выговаривает: – На будущее, кстати. Сначала сушите.

Тут не поспоришь, и перечить Никита не посмел. Он лишь спросил в недоумении:

– Как сушить?

– Не знаю. Хоть на батарее.

– Батареи-то отключили!

– Тогда утюгом.

– Лучше на балконе, – хмыкнул, – как бельё на солнышке...

Никита терпеливо, с незлобивой улыбкой на губах сносил обиду, представляя, как и в самом деле на бельевую верёвку прищепит – тысячи денежек полощет на ветру, и все как одна на глазах завидующих... соседей.

– Следующий раз, так и знай, мокрые купюры не приму, – и вдруг смешинка закралась в уголки губ и глаз усталых. Капризная, однако ж. Улыбнулась едва и ворчит уже: – Я вам не нанималась ни мыть, ни сушить. Чисти тут машинку после всяких! Да ещё спиртом.

Никита смирил свой неуместный смешок, решив терпеливо переждать волну раздражения, и помалкивал с нарочито виноватым видом, чтобы только не накликать каких неприятностей на свою грешную голову. Осложнения ему нынче пуще беды какой. Наконец она завершила своё счётное дело и, искоса глаз на него положив, уже буравит пытливым вопросом сквозь прорезь окошечка:

– Сколько здесь?

Никита назвал сумму и скрепил своё слово росписью от руки на обороте протянутого ему листа бумаги. Кассирша кивнула: угу, дескать.

Она внесла сумму в ведомость, пометила что-то в журнале, выписала приходный ордер и передала ему на подпись кучу всяких бланков. Он подписал всё со знанием дела, взял квитанцию и вышел из кассы, пожелав ей всего самого доброго и приятного, чего только можно было пожелать в подобной обстановке.

– Теперь к менеджерам! – от порога, возвращаясь в зал ожидания, обратился Никита к охраннику, бочком смещаясь к двери с автоматическим замком.

– К кому именно?

– К Натали, – уточнил он и уж взялся было за ручку двери.

– Занята!

Экая досада! Ну что тут поделаешь?! И спорить не стал, хотя тоска, прикинувшись смирением, так и ныла, свернувшись комочком у него в груди. Невезуха...

Никита походил кругами и, не найдя более достойного себе занятия в пустом зале, долго разглядывал картинки, которыми вдоль и поперёк была оклеена дверь, ведущая в кассу. Оглянувшись, да, не измыслив, о чём неназойливо заговорить с охранником, чтоб хоть как-то скоротать за праздной болтовнёй время, так и сел, наконец утомившись, на прежнее место в кресло. Участь крайнего незавидна, пожалуй, в любой очереди, коими во все времена была полна наша сторона родимая. Скучно нам без очередей: не с кем даже словом добрым обмолвиться.

Время тянулось медленно, а охранник будто забыл о нём. Никита начинал с беспокойством ёрзать в своём кресле и недовольно кряхтеть: рабочее время заканчивалось.

– Послушайте, любезный! – вконец потеряв всякое терпение, он поддался раздражению и решил напомнить о себе: – Сколько можно ждать?

Охранник пожал плечами, смерил его взглядом: мол, много вас тут всяких, – и опять уткнулся в газету.

Когда до конца рабочего дня оставалось с четверть часа, Никита вдруг рассердился:

– И всё-таки снимите трубку! Ждать мне или не ждать?

Или что?! Так я уйду!

Охранник вздохнул тяжело:

– Как вас представить?

– Борг, Никита Леонтьевич, – огрызнулся Никита.

Снял тот трубку телефона и говорит:

– Наталья Ильинична, к вам тут рвётся посетитель...

Борг... Да-да, Никита, кажется... Хорошо, сейчас впущу его. – И Никите уже: – Вот видите? Так что напрасно вы волновались.

Нажал кнопку, и замок на двери щёлкнул. Полагая, должно быть, себя тут заглавным, охранник повёл рукой, разворачивая ладонь указательной стрелкой:

– Знаете, куда идти?

Никита кивнул, вставая с места, – не впервой, дескать. И смерил напоследок охранника уничижительным взглядом: присиделся, блин.

– Тогда проходите, пожалуйста. Вас ждут... – уже в затвор двери процедил.

В лабиринте из узких кривых коридоров, не зная дороги, было легко заблудиться. Никита, однако ж, уверенно миновал двери одного склада, затем другого, свернул за угол и в самом конце ещё раз завернул. В закутке, за простенком, обреталась менеджерская. Вошёл внутрь – с улыбкой на устах:

– Всем аборигенам – здравствуйте! – приветствовал он весело рабочий люд, подступая к ближайшему столу: – Привет, Натали.

– Здравствуй, Никита, – отозвалась девушка и кивнула ему на кресло в углу. – Присаживайся. Мы уже заканчиваем. Глянь пока – завтрашний прайс. – И протянула ему несколько листов.

В менеджерской царила суета, сопутствующая окончанию рабочего дня. Но Натали в самом деле была занята. Клиентов было двое: оба, вполоборота, нога на ногу, развалились в креслах напротив неё и полистывали, почти не глядя, рекламные каталоги. Они явно никуда не торопились.

Никита занял указанное место в углу в ожидании своей очереди.

– Вы платите нам за то, что мы продвигаем на рынок ваш товар, – говорил один. – И главное, без посредников. У вас остаётся как оптовая, так и розничная наценки. Иными словами, вся маржа оседает в вашем кармане, но нам вы оплачиваете услугу по продаже своего товара на наших торговых площадях. Ну, доставка ещё ваша, и больше никаких затрат. Я не понимаю, что вас может не устраивать? Взаимовыгодная схема...

– Политика нашей компании, разумеется, не исключает комиссионных, но только от объёмов продаж, а не размера торговых площадей. Это называется бонус.

– Наш торговый центр весьма популярен, и у нас уже открываются филиалы в разных районах. С нами очень выгодно сотрудничать, и многие стремятся, но мы хотели бы работать именно с вами.

– Я и не сомневаюсь. Мы солидная оптовая компания, и сами в розницу не торгуем. Это не наш бизнес. Всё, что могу предложить вам, так это беспроцентный товарный кредит под залог.

Достаточно было послушать их с пару минут, чтобы тут же заскучать, приуныв. Но на случай, если вдруг прозвучит здесь что умное и полезное, Никита вполуха прислушивался к их разговору, при этом отмечая в прайсе для накладной ассортимент и количество.

Рабочее время истекло.

– Кстати, реклама бесплатна. Только себестоимость работ и материалов.

– Наша компания не нуждается в рекламе. Производитель рекламирует свою торговую марку, а мы предлагаем рекламируемые им товары своим клиентам...

Трудно было понять, как только Натали не теряет хладнокровия, выслушивая весь этот бред. Один вёл беседу, а другой помалкивал и разглядывал её, совершенно без стеснения и не тая заинтересованного взгляда. Когда она наклонялась за какой-либо очередной бумажкой, он выпрямлялся в кресле, даже шею вытягивал, чтобы заглянуть ей за глубокий вырез блузки, а однажды непроизвольно уронил бумажки, а поднимая их с пола, бросил взгляд под стол.

– Если политика нашей компании изменится, – объясняла Натали, уже бросая взгляд в сторону, на Никиту, – то мы обязательно подумаем над вашим предложением и возьмём

у вас в аренду торговые площади, если ставки удовлетворят.

– Вряд ли. Мы не сдаём в аренду торговых площадей. На своих торговых площадях мы торгуем сами, а вы просто оплачиваете услугу по продвижению вашего товара. Ведь это выгодно вам и выгодно нам.

Будучи видной девушкой, Натали смотрелась эффектно – не столько лицом, главным украшением которого были волосы и искусная косметика, сколько абрисом в целом. Худенькая, стройная, длинноногая, и при этом формы как если бы очерчены твёрдым карандашом. Туалет подчёркивал грудь, бёдра и талию – соответственно положению менеджера по продажам модной одежды: короткая фирменная юбчонка и приталенная блузка на выпуск, с глубоким вырезом и стоячим воротничком. Кулон голубого камушка на золотой цепочке болтался как раз в начале расщелины меж приоткрытой груди.

Натали посмотрела с выражением на настенные часы: терпение, дескать, лопнуло, и говорит наконец:

– Мы обсудим с руководством ваше предложение. И непременно свяжемся. А сейчас прошу меня извинить: дела.

И посмотрела на золотые часики на руке, столь крохотные, что вряд ли что можно было разглядеть там, на их циферблате, ну разве обладая орлиным взором, и перевела взгляд на ждущего своей очереди клиента – на Никиту.

– Ну, что ж. Я думаю, это тоже вариант, – вдруг открыл рот тот, что всё это время помалкивал, разглядывая её то

сверху, то снизу. – Когда вам позвонить?

– Я сама свяжусь с вами.

– Не сомневаемся даже. Но лучше, Натали, давайте всё-таки я позвоню... Завтра, после обеда?

– Директор в отъезде. До конца недели. Поэтому...

– Ну, так я позвоню всё-таки, – сказал ей на прощание с многозначительной ухмылкой и положил на стол визитную карточку: – Всегда буду рад.

Поблагодарив, Натали взяла карточку и, не глядя, бросила в верхний ящик стола.

Когда эти двое – невольно подумалось: хамоватые – наконец откланялись, Никита пересел к столу. Он подсунул Натали заявку на товар, а сам, пока она бежала глазами по строкам, при этом с сомнением покачивая головой, облокотился о край стола, придвинувшись вместе с креслом вплотную, и, упокоив голову подбородком меж рук, придав им форму двурогой чаши, следил глазами за её движениями. Ещё и пальчиками барабанил по щекам.

– Да, и цены, Наталочка, прошу, пожалуйста, обратить внимание, – в его фривольном тоне проскальзывали нарочитые нотки, но оттого, что голос не громок и бархатистый шепоток исходился, а в глазах мелькали весёлые искорки, его слова звучали – двусмысленно. – Накопительные скидочки пора включать – по второй колонке. А что тут шла за речь о бонусах?

Она оторвала взгляд от накладной, откинулась в кресле и

молчит, покачивая головой. Глаза тёмные, большие, поблёскивают загадкой.

– Что-то не так? – спрашивает Никита.

– Как там, кстати, у тебя с балансом?

Он подал ей квитанцию от приходного кассового ордера и говорит:

– Нормально. Я закрылся по деньгам.

Натали чуть склонила голову на бок. Лёгкой усмешки кривизна тронула губы, в глазах у неё затеплился плутоватый огонёк, и лицо исказилось милой недоверчивой гримасой.

– Ну, почти, – поправил себя Никита, совершенно не смущаясь. – На руках всякое барахло осталось. Могу вернуть по первому же требованию или предъявить. Но один – два воскресных торговых дня, и вообще всё тип-топ будет. По деньгам я даже в плюсе.

– Как это ты так лихо?! Умудрился-то выкрутиться, а? Даже не верится.

– Потом расскажу. Нужен ходовой товар, чтоб красиво закрыться.

– Да вот и гляжу, что ты тут понаотмечал мне. Завтра, как положено, рассмотрим твою заявку, сверим взаиморасчёты...

– Во как нужно!

Никита провёл рукой по горлу, не отрывая глаз от её лица.

– Завтра, ну пускай хоть после обеда, но чтоб в пятни-

цу товар с самого утра уже лёг на прилавок – иначе... сама понимаешь, опять всё зависнет на целую неделю. Бодяга сплошная. Надо рвать волокно.

Она усмехнулась его словам – каким-то чудным, необычным, совершенно не таким, какие привыкла слышать в своём кругу.

– Обещать не буду, но постараюсь сделать всё, что от меня зависит. – Натали бросила взгляд ему за спину: – Пока... До завтра... Между прочим, о бонусе. Бонусы предусмотрены для тех, кто работает по предоплате... До свидания...

И послала кому-то на прощание с улыбкой воздушный поцелуй, подчёркнуто чмокнув в пустоту.

Никита оглянулся, провожая взглядом уходящих, и, когда они, наконец, остались вдвоём, наедине в опустевшей менеджерской, вздохнул с облегчением, при этом осмелев настолько, чтобы зашептать, напуская на себя многозначительный вид:

– А этот так тебя разглядывал – просто кошмар! То сверху пялится, то снизу подсматривает.

– Я не слепая. Он мог разглядеть только то, что видят все. А ты что, ревнуешь?

Никита хотел сказать, что вовсе нет, не ревнует, и это было бы почти правдой. Ему даже было приятно осознавать, что многие с завистью кладут неравнодушный взгляд на предмет, который не более, как три дня тому назад, он тискал в тёмном подъезде, – и знает не только на глазок, но

и на ощупь, даже на вкус и запах.

– Ну, не то чтобы совсем так уж и ревную...

Правда без прикрас очень часто звучит невежливо, и, как знать, порой так и вовсе бывает обидно прочесть чужие мысли, особенно когда твой собеседник в этот момент думает о тебе. И он ответил, поворачивая эту свою откровенность другой, приятной ей во всех отношениях стороной, что, после лёгкого замешательства, и в самом деле стала похожей на правду:

– Намёки... – И после заминки, как бы пропуская через себя: – Есть чуточку – занозливое. Так бы и треснул по голове!

– Кого, меня, что ли?!

– Нет, тебя я просто задушил бы – в объятиях!

Натали по нраву пришёлся искренний комплимент, и она залилась кокетливым хохотком, возведя к потолку глаза и часто-часто заморгав, чтобы тушь не потекла, при этом слабо, безвольно махнув рукой в воздухе: ой, ну и уморил, дескать.

Ну а для чего ещё такой прикид, подумал Никита, как ни для того, чтобы залучать недвусмысленные взгляды, едва прикрывая те прелести, которые воображение само дорисует и приукрасит. Но что если и беспокоило его всерьёз, так это подъезд её дома – тёмный, грязный, проходной. Один раз, по случаю, терпимо: за поцелуями и не заметишь, насколько неприятный уголок выбрали, а вот потом – надо что-то думать и как-то говорить об этом. Он не знал, что и как. И

она сама – чёрт её знает, что подумала, и куда её вдруг понесёт, случись, ляпнет что он своим неловким языком. Боялся подпустить к себе очень близко, и оттолкнуть было жалко.

– Ладно. Поговорим позже, – молвит Натали, принимая серьёзный, если не сказать – суетливо-деловой вид. – Мне в самом деле некогда.

– Ты что, занята? – Никита вдруг почувствовал укол беспокойства. – А я хотел проводить тебя после работы. Может, зашли бы куда посидеть?

– Увы, не сегодня. Как-нибудь, может, в другой раз.

– Ты извини меня, если чем обидел. Я должен был позвонить, но у меня нет твоего телефона. Я не пропал. Я все эти дни, как проклятый...

– Перестань! Я не обиделась. Я просто опаздываю.

– Куда?

– В кабак.

– С кем?

– Ты что – ревнуешь?

– А как ты думаешь?! Не то слово!

– Успокойся. Я с шефом иду.

– Чем, интересно, успокоиться? Ещё хуже, что с шефом.

– Почему?

– Не пошлешь... Да он же, ты говорила, в командировке?

– Ой, ты слушай побольше! Я соврала: эти двое просто достали меня. По полной программе. Не знала, как и отделаться. А с шефом – это так, деловое предприятие. Нас там

всякой твари будет по паре. И куча нудных клиентов.

– А-а, ну что ж... – Никита развёл руки в стороны, не скрывая своего разочарования. – Ну, раз такое дело, давай хоть до ресторана провожу. Это где, далеко?

– Нет-нет, вот только этого, пожалуйста, не надо...

Задержала на нём задумчивый сочувственный взгляд и как будто смилостивилась, подсластив его горькую кручинушку:

– А впрочем, если хочешь, можешь встретить меня после. Только не у ресторана. Подождёшь у подъезда.

– Да-да, конечно же. Да хоть до утра! – ему не пришлось прикидываться, будто обрадовался, потому как он и вправду был рад...

И неожиданно смутился, удивившись чувству занозистому и нарывающему, что обнаружил нечаянно в себе, с утра ещё на пустом, казалось бы, месте, – как сладкая дёргающая боль. Опомнился – и запоздало притушил вспыхнувшую в глазах искорку тенью хмурой тучки, что заботой омрачила его дотоле безоблачное чело. Дошло, что опять сплеховал, – и разгладил озабоченную складку меж бровей, прояснившись белозубым оскалом глупой улыбки.

– Ну, до утра, надеюсь, дело не дойдёт, – задумчиво проговорила Натали, успев заметить нечто неладное в выражении его глаз, и потупила свой взгляд, чтобы скрыть, как тронула её эта его судорога на лице, что улыбкой, должно быть, зовётся, но тут же, совладав с кокетства невольными позы-

вами, исправилась на серьёзный лад: – Где-нибудь, думаю, после одиннадцати. Пока то да сё, пока доеду... Сам понимаешь, мероприятие протокольное. Не слиняешь.

И подпустила ещё больше холодку во взгляд, отчего глаза приняли будничное и отчуждённое выражение, утратив глубину и загадку.

Хотел спросить Никита, при себе ли у неё зонтик, да отчего-то вдруг передумал.

Так и расстались, распрощавшись до вечера, отстранёнными, и каждый на свой деловой лад – задумчивым.

С некоторых пор Никита стал очень чувствительным к погоде и ко времени. Часы за ненадобностью он вовсе не носил на руке. По каким-то своим особенным признакам определял он, который час, где должны быть солнце и луна и будет ли дождь, когда начнётся и как долго продлится. Ошибался он редко. Минуты не проходило, чтоб не глянул на небо. Он помнил, какой был накануне закат, и какой сегодня рассвет. Давление нутром чуял. Он точно знал, откуда дует ветер, и легко осязал влажность и температуру воздуха. Смешно сказать, и потому он никому не признавался: однажды, роясь в старых вещах в чулане, наткнулся там на свои школьные географические дневники и с тех пор завёл толстую канцелярскую тетрадь, куда записывал не только свои наблюдения над погодой, но и разные приметы, предчувствия, жалобы знакомых на недомогание и прочее. Всё это, разумеется, по-

ка вне строгой системы и время от времени, в часы скуки и интереса ради. И тем не менее, результат был налицо: он никогда не сворачивал напрасно торговлю при виде тучки и зря не выкладывал на прилавок товар – как если бы ветерок спешил по-дружески нашептать ему на ушко тайное знание, упредив любые капризы природы.

С природой, таким образом, он был на дружеской ноге. Поэтому, если кто подглядывал сейчас за ним со стороны, то мог бы заметить, что он встал с детских качелей и вошёл в подъезд ровно за несколько мгновений до того, как дождь буквально обрушился с небес. Ни одна нечаянная капля не упала ему на плечи.

Натали повезло меньше. Она подъехала как раз в самый разгар ливня, и Никита промок до нитки, извлекая её из такси. Она тоже вымокла, хоть выжимай. Не отрезвил её апрельский душ, – наоборот, казалось, ей стало много хуже: из машины вышла на своих двоих, а в подъезде уже просто повисла у него на руках.

Дождь испортил им вечер: мокрый, на сквозняке долго миловаться не будешь, – ни от поцелуев не просохнешь, ни объятиями не согреешься. Ну разве что чуть-чуть, минуток с пять отдать на прощание во власть легкомысленной ласки – не дольше.

Он обнял её, напрасно пытаясь согреть телом, и она обмякла, безвольная и покорная.

– Нет, так не пойдёт, – сказал он ей, почувствовав дрожь

в теле. – Ты простудишься.

– Что? – спрашивает Натали.

– Простудишься, говорю. Заболеешь. И кто тогда мне, бедному, выпишет товару, а?

Он, конечно же, подтрунивал, хотя во всякой шутке, знает каждый, есть толика правды.

– А кто? – спросила Натали и, откинув голову назад, уставилась на него непонимающим, бессмысленным взглядом.

Какие, однако ж, глаза у неё – большие и тёмные!

Она начинала вздрагивать на сквозняке. Апрель оправдывал свой коварный и подленький характерец. Дрянной месячишко: вот так вот подставить в самый неподходящий момент. Впрочем, грядущая неделя, представлялось ему, обещала тепло и много солнца. Особенно ближе к майским. Завтра он непременно должен заполучить ходовой товар. Торговые дни будут что надо, так что он надеялся быть первым на рынке, чтобы собрать все самые густые и жирные сливки, пока цены не упали, и дачники сметут все остатки, которые перепадут им после утреннего поезда с оптовиками. Привередничать начнут чуток погода. Летний сезон облагородит себя определением модный только к июню, когда нерасторопные челноки, ввиду серьёзности и основательности своих намерений, на машинах повалят на рынок как на базар, устраивая гонку вниз по ценам. Главное, успеть обернуться до того, как летний бум ни накроет с головой.

– Пошли, – говорит Никита, – я провожу тебя до двери

дома и сдам с рук на руки. А то, и правда, заболеешь, не дай бог. Вон, гляжу, вся озябла, продрогла.

– А ты?

– А я никогда не болею, – ответил Никита и, приняв на себя роль подпорки, повёл её по ступеням наверх. – А вот ты простудишься, если тебя не переодеть.

– И никто тебе, голуб мой, не подаст товару, – бормочет невесть что. – И будешь на бобах сидеть, слёзно вымаливая подавание.

Он только посмеивался, поднимая её по ступеням на четвёртый этаж хрущёвки – без лифтов.

Остановились у двери. Никита крепко держал её за талию, чтоб не споткнулась. Напустил на себя степенный и вместе с тем скромный вид и свободной рукой нажал на звонок. Раз. Потом другой. Наконец третий.

– Чего звонишь? – спрашивает Натали. – Уже поздно. Весь дом перебудуешь.

– Твои не хотят открывать. Заснули, что ли?

И опять позвонил, долго не снимая пальца с кнопки дверного звонка.

– Ты чего, спрашивается, звонишь? Там никого нет. Входи.

Он толкнул дверь – заперто.

– Какой ты смешной!

– А где ключи?

– Где-где? В сумке. Где ж ещё?

Никита прислонил её к себе, прижимая одной рукой, а другой полез к ней в сумочку – за её спиной. Всё то время, что он рылся в её сумочке в поисках ключей на ощупь среди всяких там побрякушек, она мотлялась из стороны в сторону, зацепившись вокруг руками за его шею, и стойчески удерживалась на ногах. Что-то невнятное бормотала себе под нос. Наконец он нащупал ключи, закрыл сумочку и кое-как отомкнул дверь. Перенёс через порог. Приставив к вешалке в прихожей, закрыл дверь ключом изнутри. Брыкаясь, она скидывает с ног туфли на каблуках, и туфли летят далеко по сторонам. Чуть сама не съезжает по стеночке на пол следом за своими туфлями. И упала бы, не подхвати её в самый последний момент.

– А теперь в туалет неси, – говорит Натали.

Как тут быть? Сама не дойдёт. И Никита повёл её – бочком по узкому коридорчику. Ему это напоминало какой-то старинный танец, который он многожды видел на экране, но только исполняемый теперь в совершенно неуклюжей манере.

Натали цепко держится обеими руками за шею и шатается, так что даже можно особо не придерживать – не упадёт. Задрал юбочонку, спустил трусики ей до колен и посадил на толчок. Попридержал чуть, направляя, и прикрыл дверь.

Стоит. Ждёт. Время идёт и ничего не происходит.

Минут пять прошло, прежде чем он решился потянуть за ручку. Не заперта. Приоткрыл украдкой дверь – спит? Нет,

не спит. Тянет ручонки к нему.

– Забери меня отсюда, – бормочет.

Никита положил её руки себе на шею, поднял с толчка, подтянул ей трусики. Повёл в ванную.

– Не надо, – бормочет. – Я и так мокрая.

– Надо, – хихикает, включая воду, и стаскивает с неё блузку, юбочку, спускает трусики, а потом сажает в воду, приговаривая: – Чтоб согрелась.

Кое-как, сидя уже по грудь в тёплой воде, с грехом пополам смывает подушечками двух пальцев тушь с глаз и пытается встать. Он удерживает её на руках. Скользко. Вода стекает с неё ручьями и льётся мимо ванны. По его рубахе. Штаны хоть выкручивай. Нащупывая за спиной на вешалке полотенце, он натывается на махровый халат и набрасывает на плечи ей.

– В спальню неси, – бормочет, вцепившись в шею и подгибая ноги в коленках.

Берёт на руки и несёт, огибая многочисленные углы, чтоб не зашибить ненароком. Опускает на край кровати, откинув одеяло. Смеётся.

– Ты почему смеёшься? – спрашивает, запутавшись руками в рукавах.

– Ложись, я тебе сейчас чайку горячего заварю. Или, может, кофе?

Он помог ей выпростать руки и попытался уместить её головой на подушку, но распрямиться она ему не позволила.

Повиснув на шее, с силой пригнула ещё ниже, притягивая к себе. Он поцеловал её в щёчку и хотел было опять отойти, но она не отпускала – настойчиво прижимая к себе, крепче и крепче.

– А кто придёт? – шепчет и, не получив ответа, сдаётся безропотно.

– Иди ко мне, дурачок. Никого же нет, и не будет уже...

Всё произошло очень быстро и пронзительно, причём настолько, что он не успел ни понять, ни толком расчувствоваться. Он мог насладиться ощущением близости только после всего, что произошло, когда гладил её, целовал. Ей были приятны его ласки, а ещё приятнее то, что его нежность не иссякла сразу же после того, как всё закончилось, и она прошептала:

– А ты ласковый.

И отзывалась на ласки, давая понять, что для него ещё не всё закончилось, что она ждёт. И он трепетал от мысли, прикасаясь, – и силы восстановились быстро, ну а желания близости ему было не занимать.

Ему нравилось целоваться с ней. Она не смущалась, когда его руки трогали ей грудь. Она подставлялась под его ласки и даже помогала почувствовать в себе уверенность, когда ему вдруг казалось, что он слишком осмелел, позволив своим рукам слишком многое, но не всего ещё, на что они были способны. Он боялся оскорбить, обидеть. Но не был робок

настолько, чтобы отдаться во власть сковывающему смущению.

Натали чуть отстранилась, лицом к лицу держа в ладоньках его голову, чтоб разглядеть получше, взяла его руку и поднесла к губам, обцеловала пальчики, не спуская с него глаз и не позволяя приблизиться его губам к губам своим, и прошептала:

– У тебя такие нежные руки.

Он увидел её глаза близко-близко. Они были большие, тёмные и блестящие. Щёки зарозовели. И веснушки разглядел. Веснушки были какими-то родными, близкими – уютными, как старые домашние тапочки. Он коснулся губами глаз и опять прильнул к губам, пытаясь пылко испить весь её сосуд.

Она положила ему руки ладонями на щёки, и он почувствовал её вытянутое упругое тело под собой, но она вовремя отклонила его. Опять поглядела в глаза и медленно с расстановкой вертела его голову лицом то туда, то сюда, как будто разглядывала, а сама наносила поцелуи – точно жалила.

Он хотел сказать, но она приложила палец к его шевельнувшимся губам. Ему нужно было сказать, потому как молчать он не мог, – он должен был сказать ей, и она заткнула ему рот, впившись поцелуем.

Он чуть растерялся, и было к ней прильнул – она опять охладила его порыв, а ему уже было мало её. Взяв руку в свои руки, долго целовала, а потом, не выпуская его руки, глядя

глаза в глаза, повела его в долгое путешествие по всем географическим закоулкам своего богатого на открытия тела.

Никита вдруг почувствовал себя рядом с ней мальчиком. Конечно же, мальчиком он не был, но и особым опытом похвастаться не смог бы. И не скажешь, будто не от мира сего. пытлив не в меру и чуток ко всему. Но что есть знания без опыта? Любовь чужая, беглая и эфемерная, – суха как наука, без страсти к познанию.

Он сгорал, но терпел. Он должен быть послушным, а будучи послушным, прислушивался к языку чувств, и ритму страсти, и порывам тел. И покорялся с безрассудством, с каким стыдливость прячут на потом.

Она его вела. И привела к вратам. Глаза закатились, и выдох громкий вырвался наружу. Его было не удержать. Она и не держала, а лишь сопротивлялась, причём настолько, чтоб миг, когда крепость пала под напором, был для него и для неё сладчайшим мигом и удачей.

Схватывая намёки на лету, он только-только учился понимать, что в танце страсти в паре ведущих двое, и взлетит он так высоко, как высоко взлетают оба. И взлетели вместе до небес – и не пали, распустив ласки нежный парашют.

Та ночь была полна чудес и открытий чудных. Он любил. И ревновал. Страдал и наслаждался. Он мучился и отдавался страсти. Он себя забыл – и забылся, как будто он не он.

Затихли с первыми лучиками рассвета. Никита был совсем уже не тот, каким сюда входил. Он должен был, и ценою

долга полагал он жизнь свою отдать. И счастлив был, и видел счастье в отблеске глаз рядом на подушке. Не обмануть. Не обмануться.

Провалился лишь на миг, боясь утратить счастья дуновение, и проснулся, когда солнце встало.

Погладил по щеке, коснулся лба устами, разгладил бровь, морщинку растянул – и потянулись благодарно губы, чтоб коснуться губ его и прошептать невнятно:

– Милый мой.

Он разглядывал так близко при свете утреннего солнца чёрточки, вдруг ставшие милее и родней всего на свете. Вот завиток упрямый колосится. Пылинка на носу сидит. Белым крылом рука взмахнула и обняла. Скользнула и упала. Как смешно. Как мило нос сопит. И вдруг притих. Спит – не спит. Ласки ищут губы. И прикосновений трепет пробуждает чувства, наполняет силой.

И вдруг откуда всё взялось опять. Ни сна, ни неги, но страсти запросила любовь, внезапно пробудившись. Изгибы тела и извилины души как будто слились в долгом поцелуе.

Он вёл её – дорогой страсти нежной. Не кончилось – всё только началось.

Натали ещё дремала.

Никита потихоньку выскользнул из постели. Его тревогой наполняло. Не заснуть уже.

Он привёл себя в порядок, прибрал вокруг и ждал невесть

чего, будто сидя на иголках, а не в кресле у окна. Прислушивался, ловя посторонние шорохи. Ждал он пробуждения. Ждал в дверь звонка. Он вдруг представил, что вот встанет и уйдёт. Как уйдёт – дверь не затворив? А как назад вернётся? Или запереть, чтоб не ушла? Что скажет ей? Что вздумает она?

И вдруг дождался: ключ в замке – и провернулся, не открыв запертой на засов двери. Звенит звонок. Никита на ходу придумывает, что сказать.

Отворяет дверь.

– Ты кто? – ему с порога.

– Я?

– Ну не я же?!

– Я – Никита.

– Где Натали?

– Спит ещё.

– А ты?

– Я жду, когда она проснётся.

– Ты что, жених?

– Никита я, а вы кто?

И робко тянет руку. Пришелец, что вдруг, пришедши, разладил этот тихий мир, – вторгся, разворошил и всё смешал, как инопланетянин, приземлившись посреди торговой площади в базарный день. Смотрит задумчиво на протянутую ему руку, о чём-то своём размышляет... и после раздумий делает-таки одолжение, нехотя вкладывая пальцы в откры-

тую ладонь.

– Я Серёга. Брат. Чего так долго спит?

– Я не сплю. Чего кричишь?

В проёме двери объявилась Натали, зябко кутаясь в халат. Лицо хмурое, недовольное. Чужая. И в груди сосёт уже тоска при взгляде на отчуждённые черты.

– Где мать с отцом?

– Не спрашивай. А ты чего ни свет, ни заря припёрся?

– А ты чего не на работе?

– Видишь, собираюсь.

– Оно и видно. Так где мать с отцом?

– Где-где? Уехали, где ж ещё!

– Куда уехали?

Натали махнула рукой:

– Туда и уехали. Не помню. Не знаю.

И пошла в ванную. И уже кричит оттуда:

– На похороны. В экспедицию.

– Так на похороны или в экспедицию?

– Не знаю. Мать позвонила и сказала только, что кто-то там у них разбился.

– Где разбился? Почему разбился?

– А я почём знаю?!

– А почему мне не сообщили?

– Тебя не было. Они мне позвонили и сказали, что всё срочно. Я тебе звонила, у тебя никто трубку не брал.

– Ну, правильно. Я ж работал.

– А если работал, то почему спрашиваешь?

Серёга только головой покачал, скривив гримасу: беда, мол, с ней.

– Рыба снулая! – пробурчал вполголоса, так чтобы уже в метре волны звука сами по себе затухли.

Разулся, по-хозяйски вставил ноги в шлёпанцы и пошёл на кухню. Сел за стол. Никита прошёл за ним следом. Сел за стол напротив.

– Ты кто? – спросил опять Серёга.

– Я коммерсант.

– А-а, ну-ну!

– А ты кто?

– А я бомбила! – и засмеялся. – Я коммерсантов подвожу. Стало быть, тоже коммерсант, только на иной лад. А ты торгуешь. Тоже шмотками?

Никита кивнул.

– Ладно, не обижайся, – и толкнул Никиту кулаком в плечо по-дружески.

Натали вошла в кухню. Поставила чайник на плиту.

– Чай будешь? – спросила она брата.

– Пожрать чего есть?

– В холодильнике посмотри.

– А ты чего не на работе?

– Уже спрашивал. Сам, что ли, не видишь?

– Да вижу-вижу.

– А чего тогда пристал?

Натали вышла, и Никита услышал, как она набирает номер телефона, а потом говорит, что задерживается, но скоро будет. И вдруг смеётся. Понизив голос, что-то шепчет и опять смеётся. Слушает и опять смеётся. А потом говорит: пока, мол, – и кладёт трубку.

Никиту словно бы занозило что внутри. Его чувства вдруг как-то обострились, совершенно изменившись в неведомую прежде сторону, и он почувствовал себя несчастным и неловким. Как в школе, когда ты каждое утро встаёшь с чувством, что ты сегодня опять чего-то кому-то непременно должен. И ему не неприятно было это чувство. Ему захотелось быть должным.

– Слушай, Наташка, ты где его откопала? – спросил брат Серёга, кивая в сторону Никиты.

– Где-где? На работе, где ж ещё! Разве я где ещё бываю?!

– Ну, мало ли, может, из клуба ночного притащила.

– На календарь посмотри, а? Какой день недели? Клиент наш. Весь такой несчастный был. Ограбили, обобрали. Весь в долгах пришёл, нахохлившись. Думала, совсем загноётся. Пожалела. А пожалев, пригляделась повнимательнее. Смотрю – ничего воробышек. Оперился и даже чирикать стал.

– Ты его в гнёздышко и затащила?

Никите не нравился этот разговор, да и кому понравится, когда, тебя не спрашивая, о тебе же и при тебе да в третьем лице – как о предмете. Да ещё и с шуточками, с подколом, с подковыркой. Терпел, не имея иного выхода.

– Не болтай глупостей! – говорит она брату, и к Никите с улыбкой: – Извини, он брат, и имеет право задавать вопросы. Привыкай. Или, лучше будет, уши заткни и не слушай.

– Ну да, – приободрился Никита, – представляю: прихожу домой, вставляю ключ в дверь, а на пороге мужик: ты кто такой, спрашивает?

– Ну да, в общем, как-то так, – усмехается брат Серёга, и смотрит, щуря глаз. – Ты, как погляжу, парень вроде как ничего. Занятный. Но смотри мне! Сестрёнку обидишь – головы не сносить...

– Серёженька, вот только не надо, а? Я сама как-нибудь разберусь со своими делами.

– Всё-всё, не буду, как знаешь, – он поднял обе руки вверх. – Сдаюсь!

Натали посмотрела на часы и говорит:

– Ты, Никита, хотел, мне помнится, давеча рассказать что-то.

– Что?

Она смотрит – и голова склонилась чуть набок, в глазах сверкают лукавые чёртики, кривит ухмылка губы. В одной руке щёточка, в другой тюбик с тушью. Зеркало на подножке. Рядом чашка с чаем. Один глаз накрашен и оттого выразительный – другой блёклый. Бровь крутой дугой. Уютно и легко. И вдруг как будто тепло возвращается, и она мила, да и брат вроде как бы не совсем чужой.

– Как ты по долгам умудрился рассчитаться? Обещал рас-

сказать. Любопытно.

– Грабанули, что ль? – спрашивает брат Серёга, сочувственно качая головой. – Ничего, бывает. Меня тоже парочку раз как лоха развели.

– Глупая история, – кивает Никита. – Но если одним словом, то выкрутился-таки. Дела, как говорится, намази.

Осень. Вернулся из армии. Делать нечего. Денег тоже нет. Нас у матери двое: я да сестрёнка младшая. Мать-кормилица троллейбус водит по маршруту в режиме двухсменки.

Пошлялся с недельку с друзьями по улице, винца попил, привык, что всё не в ногу и не строим, да и пошёл искать работу. Взяли в охранники и на рынок определили. Посидел до нового года, присмотрелся – и тоска взяла. Как говорится: и что дальше? Одни торгуют, другие покупают, а я охраняю. Чем я хуже? Тоже хочу быть сам себе хозяин. Так и подался в коммерсанты.

Места забил дерьмовые, на новых, неосвоенных площадях – вдали от метро, под мостом. Если повезло поймать поток с электрички, то хоть как-то отобьёшь свои, а нет – так едва набираешь, чтоб за место расплатиться. Беда, короче говоря.

Но приспособился. Как раз часиков в восемь утра, когда ещё рынок пуст и предложение стремится к нулю, особенно в небазарный день, тянутся вразнобой всякие мелкие оптовички из пригорода. Я им по дешёвке товар сдам, поторгую

ещё часок – другой на карман, и ходу оттуда, пока не обилетили. Чего держаться за места, коих половина в будни пустует? Стал договариваться по времени и ассортименту. Сам торговал полный день только в выходные. Ну и ничего, оборот пошёл, кое-какие деньжата завелись, да и ходовой товар стали давать в кредит. Я живо приучился пристраивать его с нагрузкой по чужим точкам, а кое-что прямо на ходу сплавлять. Идёшь с мячиком против потока в час пик, подбрасываешь – и покрикиваешь: кому футбольный мячик?! А заодно майки, трусишки, носочки, ремни и прочая мелочёвка в сумке за плечами.

И вот однажды партию товара сдал оптовичку, денежку выручил – подходят ко мне. Солнце мартовское тенью заслонили.

– За место не платишь рынку – плати нам.

Забрали деньги, забрали товар и пинком под зад. Остался ни с чем. В долгах как в шелках, хоть вешайся, а жить надо дальше... не с нуля – из ямы подниматься.

Что делать? Пошёл на разборки, поднимаясь от младших к старшим браткам. Под самую крышу не пустили, но по понятиям рассудили правильно: и не должен был платить, но так ведь не бывает, чтоб вовсе никому не платить. Денег не вернули, шмотки не вернули, но пристроили за спасибо на точку проходную, а стало быть, прибыльную, если товар соответствует месту.

Вот тут я и развернулся. Сначала ко второй фирме подь-

ехал, потом к третьей. Распихал товар по точкам. Когда платить нужно первому поставщику, я отдаю ему выручку второго, когда второму – третьего, третьему – первого, и так далее по спирали.

С долгами рассчитался быстро, и на сегодня даже в прибылях, пускай и в расчётных пока что. А чтоб товар ходовой давали, нужны объёмы, так я ведь своих оптовичков не бросил – я им без наценки сдаю, живя исключительно на скидках и курсовой разнице. И им меньше хлопот – всё из одних рук: зараз можно отовариться.

Вот вкратце и вся немудрёная история.

– **Н**-да, лихо, должна признаться, раскрутился, – качает головой Натали, убирая со стола в косметичку тюбики да пузырьки всякие. – Ни за что не подумала б. Теперь, кажется, начинаю соображать.

– Это ещё что?! – говорит, возгордившись, Никита. – Я напарника себе взял и вторую точку открываю. А с оптовиками наладил прямые поставки – по первой колонке, без скидок, с вашего склада. Сейчас вот живыми деньгами начну платить, и бонус от тебя потребую.

Натали смеётся и говорит брату:

– А ты говоришь – где откопала. Коммерсант прирождённый!

– Напарник собрался в Венгрию за майками с рисунком. А у меня другая наметка – но об этом потом.

– Да, и в самом деле. Потом. Мне на работу пора. Уже поздно.

Заметив, что взгляд у неё затуманился, а движения стали суетливо-торопливыми, да и сама она какая-то вдруг рассеянная, задумчивая, Никита встал, собираясь провожать:

– Нам пора.

– Видишь, какой командир у меня? – говорит Натали, обращаясь к брату свысока.

Уже на пороге, при выходе из квартиры, спрашивает он у брата Серёги:

– Бомбишь на своей машине?

Тот кивает: да, мол, шестёрка, причём свежая.

– А что?

– Это хорошо, что своя, – говорит Никита, – а то у меня кое-какие задумки имеются. Ну, пока. Потом поговорим. Рад был познакомиться.

Серёга пожал протянутую ему руку, и Никита с Натали ушли, оставив его наедине с мыслями и какими-то смутными надеждами, которые вдруг забрезжили в тумане намёка.

Пересчитав все ступени в подъезде сверху донизу, с четвёртого по первый этаж, Никита обнаружил, что у него нет таких слов, которые просились бы наружу, а натужно забалтывать своё смущение тоже не нашёл в себе мужества. Он был смущён, и то, что Натали всю дорогу тоже молчала, делало его смущение в его глазах настолько катастрофическим, что скрывать было бессмысленно. Только на троллейбусной

остановке удалось прочистить горло ничего не значащими междометиями и вопросительными местоимениями. В троллейбусе же, придерживая её под спину, кладя руку на талию, касаясь руки, он защищался глупой улыбкой, которую не к месту напускал, а растянувши губы, никак не мог сложить их, чтобы выдать из себя хоть слово. Чувствовал себя глупым, деревянным, и отчего-то даже поймать и задержать её взгляд глазами не смел. Различил только, что глаза у неё отнюдь не тёмные, а, скорее, серые, с примесью какой-то ржавчинки – и при этом размера обычного, ну разве что густо накрашенные ресницы да тени выделяли их на лице. Она была прохладна, безразлична и казалась гордой в своём отчуждении. И он испугался, почувствовав, как мучительно засосало под ложечкой. А при мысли, что она может гадать о нём и о прошедшей ночи, просто пьяной ночи, когда во хмелю человек может чёрт-те что сотворить, а потом каяться, говорить в ночи – и не отвечать за слова при дневном свете, он почувствовал, что краснеет. Он оглянулся, как будто всматриваясь вдаль через лобовое стекло: где там остановка?

Выходя из троллейбуса, он спрыгнул и переступил слишком далеко от поручня. Руки подать не успел, вернее – поздно спохватился. Она не заметила, спустившись со ступеней так, как будто и не нуждалась в поддержке вовсе. А-ах... досадливо махнул в мыслях рукой.

Никита чувствовал неловкость, пребывая рядом с ней наедине, пускай и в толпе посторонних людей. Тесно телам в

толчее людской и чуждо сердцам, как если бы каждый прятался глубоко-глубоко внутри себя, – словно бы отчуждённость в толчее была заразна, и безразличие передалось и им с Натали.

Лишь только в метро он очнулся, придя наконец в себя, и, взяв за талию, прижал к себе, хотя час пик уже миновал и давки не было. Открыл глаза навстречу её глазам. Улыбка была к месту, и слова нашли выход – о каких-то пустяках, которые потом и не вспомнишь. Да и не надо вспоминать, ведь всё равно не расслышать слов в гуле подземки. Главное, что она прижималась, уже не казалась чужой. И у него, при долгом безмолвном взгляде глаза в глаза, что будто бы сомкнулись в поцелуе, чуть закружилась голова, и даже шевельнулось неуместное чувство. Никита погладил её по руке, по щеке и услышал, когда она отстранилась:

– Косметику размажешь.

Никита притянул её тесно к себе и коснулся губами виска, отметив вдруг про себя, что скулы её покрыты бесцветным пушком.

Казалось ему, вот так ехал и ехал бы с ней, хоть на край света, и без остановок. И улыбнулся своим мыслям.

– Ты чего? – вдруг спросила она, приподняв круто бровь.

– Так, – ответил ей, ещё шире скалясь, – люди вокруг какие-то хмурые, безрадостные.

Он опекал её при выходе, твёрдо держа за талию обеими руками да ещё расставив локти в стороны и пряча под себя

ноги, семена и укорачивая шаг, чтоб сдержатъ напор со спины. И на эскалаторе. И в дверях, гонимых сквозняком, что готовы снести на своём пути всё и вся. И ни на мгновение не отпускал её, не отрывался, как будто касание его было вечным.

Поднявшись из-под земли наверх, он посмотрел на небо и сказал:

– Ты кофточку тёплую не взяла с собой.

– Зачем? – удивилась Натали и тоже посмотрела на небо. – Тепло ведь и солнце светит.

– Вечер обещает быть хмурым и прохладным. Но дождя сегодня не жди.

– Ты откуда знаешь, прогноз погоды, что ль, с утра изучал?

– Нет, синоптикам я не очень доверяю. Обычно врут. Погоду я чувствую кожей.

Она засмеялась и говорит:

– Посмотрим. – И вдруг будто вспомнила: – А чего мы остановились? Пошли. Я займусь твоим товаром.

– Нет, я, пожалуй, не пойду.

– Ты чего?

– Я поброжу здесь, а через часок загляну – в общем порядке.

– Да брось ты, глупости всё это.

– Нет, не глупости. Я не пойду с тобой. И вообще, не обижайся, я сделаю вид, что с тобой лично не знаком.

Ему показалось, что в её голосе проскользнуло напряжение:

– Ну, как знаешь.

Он сам расстроился от своих слов. Взял её руку, коснулся губами ладошки и зажал меж своих ладоней, говоря и не глядя в глаза, и при этом как будто разминая ей безымянный пальчик на правой руке:

– Вот такой вот бутерброд. Мне кажется, нас не должны видеть вместе. Я потом объясню. Вечером. У нас на сегодня деловое свидание намечено.

– У нас – это у кого?

Он видел, как прямо на глазах лицо её становится унылым, и она уже собирается с духом, готовая проявить гордость. А его язык не настолько гибок, чтобы след в след ступать за мыслью и чувством. И только пальцы рук трогательны. И глаза лакомы, глаз её нежно касаемы – и растапливают льдышки отчуждения.

– У нас – это у нас с тобой, у меня и у тебя.

Она смотрит и, кажется ему, сейчас спросит с недоумением: товар, дескать, будешь просить со скидками? Так я тебе и так отгружу, чего ни попросишь.

Никита протягивает руку и, не дотянувшись до её лица, бессильно роняет ей на плечо. Заглядывает в глаза и вдруг говорит то, чего вовсе говорить не думал, а если вдруг и подумал бы, то подумавши, говорить не стал бы, потому что не стоило, не время и не место, – и сказал-таки отчаянно:

– Я, кажется, просто без ума.

Она не смогла скрыть удивления, распахнувшего ей широко глаза, тем самым будто обнажая себя, а он уже сказал как уязвил – до глубины души пронзил:

– Я люблю тебя.

И вдруг добавил, видя, что она не испугалась:

– Я так хочу тебя.

И наконец, она ожила – в потемневших глазах засверкали солнечные зайчики, тронуло лукавой улыбкой губы, голова чуть склонилась на бок.

– Что, прямо сейчас?

Натали протянула руку, взяла его за шею, наклонила к себе и поцеловала в щёку.

– Какой ты смешной!

И тут же стёрла пальцами помаду с его щеки. Но скрыть от его глаз, что смущена, никакие уловки ей всё равно не помогли бы.

– Я приду через час. Загружусь. Потом развезу товар, и вечером после работы буду ждать. Во-он у того киоска, чтоб не на виду.

Натали повела неопределённо бровями, чуть, показалось, воздев кверху одну бровь, и молча, не оглядываясь, ушла, гордо выпрямив спину и вздёрнув кверху носик. Высокие каблучки, отстукивая частые удары по асфальту, весёлым эхом отзывались в его сердце.

Тот памятный день выдался суетным. Отоварился. Часть товара забросил домой, забив застеклённую лоджию едва не до потолка, часть спихнул напарнику, разложив по сумкам и на бумажке расписав, что, сколько, кому, как и почём. Одну сумку захватил с собой. И в назначенный час ждал Натали у киоска.

Она опоздала, задержавшись едва ли не на полчаса: должно быть, медлила в отместку ему за ту холодность, за небрежение, даже грубоватость – за всё то, что он посмел в обращении с нею в офисе, да ещё при всех, чуть ли не принижая. Она, было, даже рассердилась и кольнула его недобрым, обидным словом, а он не заметил, пропустив мимо ушей. И вот мстила – от души что называется. Пускай помучится, помается чуток. Может, впредь покладистее будет. Ему только на пользу пойдёт, если ошейник с шипами, а поводок короткий, чтоб не воображал невесть что.

Промелькнула даже мысль, а не обидеться ли всерьёз, но ей вдруг стало легко и радостно при виде Никиты у газетного киоска с одной белой розой в руках. Он, как всегда лицезря её, сиял вешним солнышком. И эта его радость и нетерпение обезоруживали, лишая её чувства всякой мстительности. Никита принял её в объятия и с этого момента не выпускал из рук ни на мгновение. Он будто пленил её своими нежными неустанными прикосновениями, язык которых, казалось, лучше слов говорил, что он чувствует, и она не только не разбирала дороги, но ей было уже всё равно, куда он ведёт

её и что будет дальше.

Кафешка при входе не внушала тёплых и уютных ощущений. Не то чтобы это заведение нельзя было назвать приличным местом: чисто, скромно, достойно – это так, но и только-то. Пожалуй, даже в обеденный перерыв с голодухи не завернула бы в открытую дверь, ну разве что за компанию. При виде столиков, застеленных клеёнкой в красно-белую клеточку, едва удержалась от снисходительной усмешки. Тем не менее, её разбирало любопытство.

Никита усадил её за столик, и сам разместился рядом вполоборота так, чтобы заглядывать ей в глаза и при этом легко дотянуться рукой. То локтя коснётся, то коленки, положит руку на плечо и чуть сожмёт, тронет за талию, пригладит бровь, проведёт подушечками пальцев у виска, по щеке, возьмёт в руки её руку и пальчики переберёт – и вообще, его вездесущие руки были просто чудо. Им, шёлковым и быстрым, не было покоя. Натали была вся затрогана – словно зацелована.

Никита сделал заказ, болтал о чём-то, но она витала далеко-далеко, как те тучки на небе, что, набежав, скрыли солнце, точно спрятав в полупрозрачном подоле, и неяркое светило скользило где-то там, в туманном розовом мареве, склоняясь к самому закату.

За окном хмурилось, поддувал ветерок, но дождя, похоже, и в самом деле ждать не стоило. Фронт пройдёт, и с утра опять выглянет солнце, чуть-чуть сонное, заспанное, а к по-

лудню начнёт распалиться – таков его прогноз, который и в самом деле, похоже, сбывается.

– Я открыл для себя семь законов успешного бизнеса, – говорил Никита, заказав шампанское и шашлыки. – Во-первых. Не сиди на диване перед телевизором и не мечтай об алых парусах. Присидишься. Во-вторых. Никогда не отчаивайся, как бы плохо дела ни шли. И верь в удачу. Муравьи голода не ведают. В-третьих. Не путай деньги с финансами. Деньги – это то, что в кармане. А финансы – это то, что в деле крутится и приносит деньги. В-четвёртых, и это тебе не понравится. Не можешь увеличить доходы, сокращай расходы. И всегда живи по средствам. Умеряй потребности. В-пятых, и это тебе ещё меньше понравится. Никогда не спеши расставаться с деньгами, даже если они лишние. Лишними деньги никогда не бывают. В-шестых. Это закон сохранения и преумножения добытого: учись превращать потраченное время и расходуемую энергию в капитал. Время плюс энергия – равно прибыли. Сумма сторон уравнения должна стремиться к нулю, а сами части уравнения устремляться в бесконечность.

Она плохо понимала, что несут и чем наполнены его слова, но движения рук и нежные прикосновения просто завораживали и дурманили. Её глаза не поспевали следить за этим круговоротом, и голова кружилась, точно она только соступила с карусели и земля вдруг перестала быть её опорой: почва уходит из-под ног, но она почему-то не падает,

по-прежнему кружась. И всё в тумане.

– И седьмой закон, который должен компенсировать все неудобства предыдущих шести: никогда ничего не жалея для любимых – ни времени, ни энергии, ни тем более денег.

Впрочем, ей было всё рано, что он говорит, лишь бы говорил, потому что ей и без слов было приятно слушать его голос. Так воздействует не язык – так музыка наполняет тебя внятными, но невыразимыми звуками, от которых происходят поистине волшебные чувства.

– Восьмой закон ещё не постиг.

Официант принёс шампанское. Никита поднял бокал, глядя ей в глаза:

– За успешность предприятия, – таков был тост.

Они выпили, и он, наклонившись, прошептал ей: «Горько», – поцеловал её в губы. Шампанское кружило голову, да видать, в обратную сторону раскручивало хмельные завитки, так что на мгновение сознание прояснилось, и она спросила:

– А за какое предприятие мы пьём?

– За наше предприятие. Жена должна быть независима, тем более материально, от мужа, и тогда она будет любить его по-настоящему – не за что-то особенное, а вообще, за то, что он есть. А детали я расскажу потом, когда мы вернёмся с тобой домой.

– Куда?

– К нам с тобой. Сначала к тебе, а когда объявятся твои предки, мы снимем квартиру. У меня кое-какие намётки уже

есть. Я в понедельник поеду посмотреть варианты. А потом, когда бизнес раскрутится, мы купим себе квартиру. Купим машину, может, и не одну. Родим детей, как получится, не задумывая, просто от любви, и будем жить долго и счастливо, а урём в один день и один час.

У неё открылись глаза, как будто она забыла, что векам привычнее моргать, и от той сухости глаза будто воспалились; у неё упал подбородок и повисли руки. Она не знала, что подумать и что ему сказать.

Никита прошептал – она не расслышала что, и, приобняв бережно, просунув руку ей подмышку, так что кончики пальцев едва-едва касались груди сбоку, долго целовал, пока она не начала приходить в себя.

Очнулась. Никита держал её пальцы в своих ладонях, а на безымянном пальчике красовалось тоненькое колечко с крохотным бриллиантом, похожим на случайно оброненную слезу. Она даже не заметила, как его лёгкая рука обручила её.

– Это что, ты делаешь мне предложение?

– Нет...

И тут официант не вовремя под руку с заказом. Никита замолчал, дожидаясь, когда же тот разместит на столе блюдо и оставит, наконец-то, их наедине. А тот не ко времени, не к месту пытается угодить своим тщанием.

– Тогда я не поняла.

– Я делаю два предложения. Но это не главное.

– Я не понимаю.

Ушёл-таки официант, наполнив их бокалы шампанским.

– Я беру тебя замуж. И если ты не скажешь сейчас же – нет, то это уже наша свадьба: первая из всех предстоящих в жизни и тайная от всех. Потом ещё будет много всяких свадеб – и бумажная, и ситцевая, и серебряная, и золотая. Если судьба улыбнётся, и до бриллиантовой доживём – счастливо. А потом вместе – в один миг... Но пока не оперился, гнездо надо скрывать от чужого глаза.

Отчаявшись понять, она уже и не пыталась.

– Это что?! – Вдруг, встрепенувшись и сосредоточив взгляд на кольце, Натали нахмурилась и подняла растерянный взгляд на Никиту: – Меня без меня замуж выдают?

Он поцеловал её руку:

– Ты моя жена, да или нет?

Молчание длилось недолго. Натали вдруг прикрыла глаза, покачала головой, и из-под ресниц побежал горько-солёный ручеек. Капелька за капелькой упали ей на блузку, и там, на груди, медленно растекалось серое пятнышко с черниной смывой с ресниц туши.

Никита слизнул со щеки слезу и прошептал ей:

– Горько, ой как горько.

И коснулся губ губами.

– Горько и солёно, – прошептала она, отвечая на поцелуй поцелуем.

Никита вложил бокал с шампанским ей в руку, пальцы ко-

торой онемели и не могли шевельнуться, другой бокал, тремя пальцами за ножку, неловко взял в свою руку и приподнял.

– Ты моя жена?

– Да, я твоя, – отвечала она, уже совершенно не понимая, отчего вдруг отдавала себя ему в жёны, без смущения, без раздумий, без каких-либо расчётов или условий.

Это был сон. И она не знала, хочет она проснуться либо хочет вовсе никогда не просыпаться.

– Я теперь твой муж.

Чокнулись. Выпили. И под горький шёпот губ закрепили в поцелуе крепость брачных уз, в свидетели беря всю горечь и соль её слезы и капризный апрельский вечер.

Ещё вчера вечером, спроси её кто, собирается ли она выскочить замуж, она бы только рассмеялась и без запинки описала бы суженого: портрет вышел бы не просто иным, а с точностью до наоборот.

– А как же мы будем жить? – вдруг спрашивает она, и, не дождавшись ответа, вдруг машет рукой: – А, всё равно! Я больше не могу тут. Меня, наверное, ноги не держат. Отвези меня домой.

Никита махнул официанту рукой и, когда тот подошёл, говорит ему:

– Заверните всё это нам с собой, и ещё бутылочку шампанского на вынос. И побыстрее, пожалуйста. У нас сегодня брачная ночь. Мы торопимся.

– Поздравляю, – опешил официант и поспешил исполнить распоряжение.

Спроси теперь её кто, как же так случилось, что она, всегда такая гордая и своевольная, слушала и покорялась, Натали не ответила бы определённо, как и Никита не сумел бы объяснить, отчего так вышло, что она приобрела над ним власть. Он будто уловил ритм, всю гамму нот и на лету схватил тональность: первый со вторым, переплелись их голоса и звучали то в терцию, то брали квинту, то сливались в унисон через октаву, и пойдя тут разберись, кто первым выводит трели, а кто вторит. Главное, чтоб ни одной фальшивой ноты. Не начавшись, их жизнь превращалась во что-то такое, чему не было объяснения: они вдруг почувствовали, не стовариваясь, что они пара – пара во всём, от постели до бизнеса. И слова тут излишни вовсе, как в лирической симфонии тревожная трель милицейского свистка.

Их ждала безумная ночь, полная откровений, распутства, ласки и нежности, когда границы двух «я» стираются настолько, что перестаёшь ощущать различия между действительностью реальной и вымышленной. Казалось, они были ненасытны, и вышли за пределы человеческих возможностей в своём стремлении к близости. Это был тот редкостный случай, когда можно только удивляться, но нельзя не признать с очевидностью, что две половинки нашли друг друга в том неразделимом целом, о существовании которого прежде ни

один из них даже и не подозревал. И мысль догадкой озарялась: до встречи они вовсе как бы и не жили.

Тем не менее, всему есть свои рубежи, в том числе и божественному провидению. Как сказал классик, мы каждый день делаем две вещи, которые меньше всего хотели бы сделать, – ложимся по вечерам спать и поутру встаём с постели. Ну а в жизни, ежели продолжить мысль дальше, происходит то же, но с той лишь разницей, что происходит это таинство единожды в нашей жизни – мы рождаемся и мы умираем; так не есть ли сон наш маленькой репетицией пред сокровенным таинством божественного начала?!

Никита научился обманывать естество, коим наделила нас коварная природа. Он отдавал сну лишь должное – и только-то. Как придётся. Впрочем, это был самый большой, едва посильный долг. В основном он приучил себя отключаться в метро или автобусе, а также он умел прикорнуть стоя и умудрялся даже спать на ходу. Ночь он сократил всего лишь до нескольких часов кряду. Засыпал мгновенно, а просыпался прежде, чем успевали разомкнуться веки. И никогда не потягивался, не жалел о делах, которые мешали отдыху. Казалось бы со стороны, Никита вообще никогда не спал. Он любил жить наяву, а не во сне, и жил лишь бодрствуя.

Его упокоил негой рассвет на час с чуть-чуть. Восстановившись после ночи, окутанной любовной страстью, настолько, чтобы хватило сил встать со сладкого брачного ложа, Никита забросил за плечи набитую вещами сумку, от-

крыл её ключом дверь и вышел в хмурое зябкое утро, заперев её снаружи, чтоб своими руками начать творить их счастье в этой жизни.

Когда Натали проснулась, то услышала на кухне шум закипающего чайника и звон посуды. Она вдруг вспомнила всё – и поняла, что это был не сон. Увы, на кухне она увидела брата Серёгу, с унылым выражением на лице жующего их свадебный шашлык. На часах был двенадцатый час.

Он посмотрел на неё каким-то чудным долгим взглядом, даже жевать перестал, и спросил с тревогой в голосе:

– Что?

И выдернул длинную жилку, застрявшую меж зубов.

Поплотнее закуталась в халат, передёрнула плечами и очнулась от грёз наяву:

– Жуй уж, братец, и не задавай глупых вопросов, – ответила ему Натали с призывком то ли досады, то ли раздражения в своём охрипшем голосе.

– Ты почему не на работе?

– Я простудилась и заболела.

Развернулась кругом и, без дальнейших объяснений, надолго уединилась в ванной комнате. В ней будто всё опустилось, саднило, и казалось хмурым и неприветливым вокруг, несмотря на яркий свет электрических свечей по бокам ванного зеркала. Она включила воду и склонилась над раковиной, уперевшись руками о край. Подняла голову и уставилась на себя в зеркало. Она смотрела на своё отражение так,

как если бы в зеркале видела отражение чужого лица.

Услышать, как провернулся ключ в замке, она не могла. Должно быть, она почувствовала на расстоянии тепло, которое лучилось от него ещё издалека. И выбежала из ванной, бросившись к нему на шею с криком:

– Ты так напугал меня!

Брат Серёга в оба глядел на них и не понимал ровным счётом ничего, как давеча не понимала Натали ни слова из того, что говорил ей Никита. Ему ясно было только то, что в их доме происходит нечто несообразное с тем, как было всегда и как должно было или могло бы быть.

За поздним завтраком Никита так объяснял брату Серёге новое расположение в их семье:

– С сестрой твоей мы договорились: пятьдесят на пятьдесят. Но поскольку она не может сейчас оставить работу, а мне срочно нужен толковый помощник, чтоб развернуть дело, то она поделится с тобой по-братски. Нам двоим оставшихся трёх четвертей за глаза достанет. Тебе четверть. Справедливо?

– А чего делать-то?

– Я выяснил, бытовуха сейчас идёт нарасхват, и капитал оборачивается за день – другой. Выгоднее дела пока нам не найти, ну а там, поживём – увидим. Я забил место – к осени павильоны будут готовы. Осталось только аванс внести. Я договорился – наш павильон на проходе к универсаму, со сто-

роны метро. Рядом автобусная остановка. Пять штук баксов – и магазин наш. Аванс – ровно половина. Кое-какие переговоры провёл, и со склада товар возьмём без проблем. Под магазин дадут, если поначалу частично оплатим.

– А где я возьму деньги?

– Деньги не проблема. Проблема – время. Мы возьмём кредит.

– Кто ж нам, голодранцам, кредит даст?

– Тебе – никто, а мне твоя сестра даст, – и Никита кивнул на Натали.

– Не только дам, но уже дала.

– Что дала? – захлопал глазами брат Серёга.

– Дала, даю и буду давать.

– Да ладно тебе! Шутки эти... Я серьёзно. Ей-то кто даст денег?

– Никто. Сами возьмём, и спрашивать не будем.

Брат Серёга лишь таращился во все глаза.

– Я всё продумал. Я возьму из торговой выручки, а она прикроет. У меня три поставщика, и перекручиваться я смогу долго. Если нужно будет, удлиню цепочку – до четырёх, пяти...

– Слушай, сестричка, ты не того – а не кинет ли он нас со своей тефалью? Ты его давно знаешь? Сердцем чую – вляпаемся мы с ним в историю. Больно шустр отчего-то, как я погляжу.

– Любимую жену не кидают. Её носят на руках.

– Какую жену? У тебя что, ещё и жена есть... – вдруг насторожился братец Серёга, и в голосе металлом заскрежетали враждебные нотки.

– Да, уже есть, – улыбается Никита и кивает на Натали: – Любить никому не позволю, но жаловать уж будьте любезны. Иначе будешь иметь дело со мной.

Брат Серёга опять ничего не понял и перевёл взгляд на Натали.

– Не въехал! – По беззвучному шевелению губ угадывается внутренний шепоток: чего это, дескать, с ним?

Натали невинно пожимает плечами:

– Я его жена. А он мой муж.

– Вы чего, ребята, разыгрываете? – вертит головой брат Серёга, ошалело пуча глаза. – Я что-то ничего не пойму.

– Ты, что ль, дурак, что не понимаешь? – кривится в усмешке на брата сестра и глядит свысока и с издёвкой. – Или что, по-русски разучился понимать?

Тот трясёт головой. А Никита поднимает примирительно руки вверх и говорит:

– Ладно, проехали, ссориться по пустякам не будем. Долго объяснять. Просто поздравь. И давай ближе к делу. О деньгах, вернее, о финансах, которые нам предстоит быстро обернуть в капитал. Мне некогда. Мне ещё точки снимать. И, главное, выручку собрать. Хочу сегодня же успеть внести залог. Итак, ты согласен?

Брат Серёга переводит взгляд с одного на другую и мычит

что-то невразумительное.

– Так, короче, – говорит ему Никита. – Я побежал. А ты переваривай. Если даёшь добро, то дожидаясь – меня. Здесь. Пока я не вернусь.

– Но мне бомбить? Сегодня пятница.

– Бомбить надо между делом, если карманных денег не хватает. Но ни в коем случае не наоборот. – И Натали: – Держи свой ключ. – И показывает точно такой же: – Я себе дубликат сделал.

Поцеловал Натали и ушёл, не сказав, когда ждать обратно.

– Что всё это значит? – возвысил Серёга на сестру голос на правах старшего брата, как только за Никитой захлопнулась дверь.

– И не спрашивай, – отвечает Натали и уходит. Задержавшись на пороге комнаты, вдруг обернулась и говорит брату: – Пойду, пожалуй, прикорну часок – другой. У меня как-никак медовый месяц. Надо быть свежей, когда милый пожалует.

Не прошло и минуты, как её голова появилась из-за двери:

– И тебе советую поспать пока. А то ночью за рулём заснёшь.

И скрылась в своей комнате, оставив брата наедине со своим недоумением и бесконечными вопросами, на которые ответа ему так и не дали.

В девятом часу вечера открылась дверь, и на пороге объявился Никита. Натали бросилась ему на шею с криком:

– Ну где же ты так долго был?! Я вся соскучилась по тебе.

– Я...

И поцелуй, долгий и глубокий, опечатал его замолкшие уста, заняв губы и язык более красноречивыми объяснениями, нежели тщета напрасных слов. Натали, запрыгнув ему на грудь, обхватила руками шею, поджала ноги и схлестнула крестом их у него за спиной. Он так и переступил порог с женою на груди, которую поддерживал на весу свободной рукой под зад так, как держат малых детей.

Брат Серёга безмолвно стоял в проёме кухонной двери, неловко переминаясь с ноги на ногу, и глядел широко открытыми глазами. Всё как-то было чудно и разом чудно, не человечески. Не так, как должно было бы быть. Он по-прежнему не осознавал, что происходит, но не мог не чувствовать, что это всерьёз и надолго, причём неожиданные изменения в жизни сестры касаются и его. Беда! Удача круто разворачивалась в пока что неведомую никому сторону.

Он вдруг заметил, что Никита приподнял руку, а в руке у него пакет – с продуктами. Торчат бутылочные горлышки. Брат Серёга бросился навстречу, чтобы принять из рук новоявленного зятя сумку, и понёс гостинцы на кухню.

– Мать с отцом хоть знают-то, а?! – крикнул в безнадёге он из кухни, выкладывая из сумки на стол, но на вразумительный ответ, разумеется, даже не рассчитывал уже, догадываясь, какую получит от сестры отповедь.

Четверть часа спустя, Натали накрывала на стол, а зять с

шурином толковали по-свойски, как если бы знакомство их уходило на дюжину лет в прошлое.

– Обо мне ты так никогда не заботилась, – с шутливой обидцей в голосе выговаривал сестре брат Серёга, намекая на то, что и посуду за ним никогда не помоешь, ни еды не приготовит, не соберёт на стол, когда матери с отцом нет дома, – всё делай, дескать, сам, по-холостяцки.

Хозяйка хлопотала, сияя от счастья и удовольствия. Поставила хрустальную рюмочку да две стопочки на стол и говорит:

– Пока картошка жарится, давайте, может, по глоточку, за нас с Никитой, а то так ужасно хочется услышать горько, чтоб был повод поцеловаться!

Брата не стесняется. Дразнит, счастливая. Смеётся, откровенно заглядываясь на мужа.

– Да, но я за рулём... – сказал брат Серёга, подумал, да и махнул от безысходности рукой: – Какая может быть работа, когда тут такие дела творятся, правда?!

– И правильно, – кивает согласно головой Никита, – не каждый день сестра выходит замуж.

– Но-но! Ты смотри мне, особо не засиживайся тут, у нас своя свадьба – у тебя своя. На кой ляд ты нам третьим лишним сдался?!

– Вы меня уже гоните?! – едва ли не в отчаянии восклицает.

Никита протянул руку и, положив ему на плечо, уверенно

придавил книзу. Заставил шурина сесть на табурет.

– Не болтай глупостей. Жена шутит. Давай-ка лучше выпьем – за нас с Наталочкой.

Разлил беленькой, горькой. Выпили, и брат Серёга потянулся вилкой за маринованным грибочком.

– Ты чего?! – вдруг возмущается с очевидным притворством Натали. – А горько, я что, сама себе должна кричать?!

Брат Серёга отдернул вилку от тарелки с грибами да как заорёт, точно бы с перепугу:

– Горько!

И пока сестра с зятем целовались, успел хорошенько закусить грибочками и колбаской, ещё выпить, покрикивая горько, и опять выпить да закусить. А потом уже с беспокойством говорит:

– Наташка, ты там гляди, а то картошка подгорит – останемся без ужина.

– Ой-йой-йой, – залопотала Натали, и уже хлопчет у плиты, между делом, отрываясь от сковороды, подрезает к столу всякой всячинки, что принёс в дом рачительный муж.

– Это хорошо, брат Серёга, что ты остался, чтоб поздравить нас, выпить по глоточку горькой за наше счастье, – говорит Никита, чокаясь. – Я, кстати, очень опасаясь людей серьёзно пьющих: с человеком, пристрастившимся к рюмке, общих дел лучше бы не вести, потому как подневольный он, пускай хоть и любезный.

– Не понял, – выпучил глаза брат Серёга и, так и застыв

в нерешительности, недонёс свою стопку ко рту. – А ну-ка повтори, что сказал?

– Я говорю: много пить без повода – ума не иметь. А кто не пьёт по поводу да под хорошую закуску...

– Кто?! – часто-часто заморгал брат Серёга, при этом украдкой метая по сторонам настороженный взгляд.

Свою стопку с водкой так и держал он в руке нетронутой.

– Но ещё больше опасаясь я... – говорит Никита, выпив, и ищет вилкой цели, куда бы уколоть и чем бы закусить, – боюсь тех, кто вовсе капли на дух не переносит – или же должен знать причины, по которым они сторонятся рюмки.

– И это правильно, – вторит зятю шурин.

Натали сунула Никите в рот солёного огурчика, и следом кусочек сала, которое как раз нарезала к столу.

– Во, блин, сказочный сервис, да, брат? – восхищается Серёга, наконец-то опрокинув стопку и накалывая вилкой солёный огурчик. – Я просто не узнаю сестры родной. Ты что с ней сделал? Точно подменили.

И получил шутя ухватником по затылку.

– Почему правильно, ты-то говоришь, не поняла?

– Да потому, что человека не узнаешь, хотя бы раз не напившись с ним на пару.

– А то ещё хворый какой, да? Или, может, зашитый? – подвела черту под бытовыми наблюдениями мужчин Натали.

И на стол легла подставка под горячее, а на подставку – сковорода с жаренной на сале картошкой с луком и грибами.

– Из общей поклоём, никто не против?

– О чём речь, – кивает брат Серёга. – Все свои.

Делает глоток и кричит:

– Горько, ой как горько!

Натали прильнула ненадолго к устам Никиты.

– Ты где такую горькую нашёл, а?! Беленькая, а горькая!

Рот так и вяжет... Горькая-прегорькая!

И Натали была слаще мёда, и в течение всего ужина часто и подолгу целовала. Было, даже кормила изо рта в рот, а к концу недолгого ужина, когда брат Серёга предложил распечатать вторую бутылку, и вовсе перебралась к Никите на колени. Наконец, лукаво щурясь, шепчет брату – с каким там намёком?! Говорит прямо, без обиняков и стеснений:

– Ну, всё! Поздравил, выпил, поужинал – пора и честь знать.

Не обижайся, мол, но совесть тоже надо иметь: глаза, что ль, завистью застит?

Брат Серёга вскочил из-за стола, как ошпаренный, и уже не хотел слышать никаких уговоров: посидеть, ещё по малой за успех предприятия опрокинуть да потолковать с родными по душам. Потом, потом – всё потом. Согласился выпить на посошок и тут же, без промедления, вышел из-за стола, откланиваясь и желая им всего-всего.

– Ключи от машины – положил на стол! – вдруг окрысилась Натали, заподозрив вдруг неладное.

– Да ладно тебе, я что, маленький?

– Сказано: на стол!

Брат Серёга, нахмурившись, послушно выложил ключи на стол, и Натали тут же прибрала их в кухонный ящик.

– Утром заберёшь! Когда проспишься.

Посмеиваясь над забавной семейной сценкой, Никита пошёл проводить шурина до порога и спрашивает:

– Насколько я понимаю, ты принимаешь предложение?

– Да, конечно.

– Тогда по рукам.

Протянули друг другу руки и в крепком долгом пожатии закрепили договорённость. Не выпуская руки шурина, Никита говорит:

– Тогда до понедельника. Ровно в девять утра ждём тебя у нотариуса...

Никита по-хозяйски запер дверь и едва успел обернуться, как уже ловил в раскрытые объятия любимую, – и любил её, нося по дому, при свете ламп и люстр.

Если б кто со стороны мог подглядеть, тому могло бы показаться, будто некое хищное создание набросилось на несчастную жертву и алчно терзает. Точно клоки кожи, заживо содранной, летят ошмётками по сторонам. Вот сорвана шкура с ног, вот с рук, и ещё какие-то обрывки летят, как будто кожи лоскутки. И сама, гляди, уже линяет. И не понятно, кто кого одолевает, а битва длится, и нет конца, нет края той иступлённой схватке. И вот упали, покатались, и всё ж

таки верх в борьбе взяла. И добивает. Жестоко добивает. И клич победный издаёт. Взмахнув крылами, накрыла жертву – и соки выпивает. До доньшка высасывает, ни кровинки, безжалостная, не оставив на посошок.

Осьминожка вдруг затихла.

И не дышит – дышит: ожила едва. Неужели время лечит?

То была не битва. То была игра, которую любовью называют. И которой нет конца, а есть лишь краткий миг отдохновения...

Перебрались в кухню: слово – поцелуй – глоток чая – поцелуй – и слово наконец. Глаза в глаза впиваются.

Когда страсть чуть притихает, разум просыпается, и трезвый ум задаёт вопросы.

– Как же ты собираешься сводить концы с концами? Ну ладно. Допустим, из торговой выручки ты накопишь на первый взнос, а я прикрою. По очереди будешь перемещать долг, помалу сокращая. Никто не заметит. Расплатишься, и опять по уши в долгах: должен выкупать право долгосрочной аренды.

Никита был удивлён: ему казалось, что Натали мимо ушей пропустила все его слова, ан нет – суть ухватила, и даже просчитала.

– И это очень, очень хорошо, что ты всё понимаешь. Потому что нам нужна будет твоя помощь.

– Сомневаюсь, чтобы доходы с одной точки могли сравниться с моей зарплатой, но на такой подъём ведь никакой

зарплаты не хватит, пускай даже с премиями и откатами. А ещё, ты говорил, квартира – и всё такое. Как же мы будем жить? Можно, конечно, потерпеть чуток, ужаться, но не бесконечно. Я ведь не первый день, как на свет родилась. И в делах, пожалуй, знаю поболее твоего.

Никита снял Натали с колен. Он был серьёзен, как никогда прежде. Натали таким его ещё не видела. Он откупорил бутылку коньяку.

– Извини, что коньяк дешёвый.

– Да ладно тебе извиняться!

Она машет рукой, и Никита наливает и говорит:

– О стартовом капитале... Я знаю, что доходов от трёх точек едва хватает, чтобы застолбить место. А ещё оборудование, товар, зарплаты, налоги, время на раскрутку... – расходов не счесть. Если не развиваться, то вряд ли выживем. Выручку первого магазина придётся вложить в открытие второго. Крутиться. Изворачиваться. И так далее. А стоит замешкаться – и волна долгов накроет с головой...

– Ну, вот видишь! Мне страшно.

Натали порывается спрятаться у него на груди, но Никита берёт её за плечи, удерживая порыв, и смотрит прямо в глаза:

– Сейчас будет ещё страшнее. Жуть как страшно!

Натали с испугом смотрит во все глаза и ждёт, что скажет он. Она верит, что сейчас ей будет по-настоящему жутко.

– Я рассказывал тебе, как братки пощипали меня? Обобрали, но пристроили. Кстати, деньги по доброте душевной

предлагали – в долг и под терпимые проценты. Я не взял. Не дурак.

– Надеюсь.

– Свобода выбора дороже. Ну так вот. Я не всё тебе рассказал, вернее, не до конца. Они долго присматривались ко мне...

– Долго – это сколько? Неделю, две...

– А потом вдруг предложили поработать...

– Тебе?!

– Аудитором.

– Не смеди.

– Это с виду кажется – быки тупые. Эти братки крышуют твою фирму, и твои платят исправно, но – есть подозрение... Странно было б, если бы не утаивалась львиная доля. За руку поймать – пойдй попробуй. Идёт время – и наглеют твои. Но беспечность, сама знаешь, до добра не доводит. А надо всё и всегда считать да просчитывать.

– Считать... Разве ты умеешь считать?

– Я хорошо считаю. В школе по арифметике у меня была пятёрка, и особенно я любил щёлкать задачки про бассейн с трубами, которые то открывают, то закрывают, да автобусы, что туда – сюда ходят между пунктами А и Б, встречаясь на павороти у пункта С.

– Но это же смешно! Мало ли кто в школьной арифметике чуть петрил?!

– Ты не права, потому что, как ни странно, но очень

немногие. Большинство списывало урок, а я всегда решал сам. Как и свои точки, например, обсчитываю сам, причём в уме, это даже слепой со стороны видит. И ещё признаюсь: я учусь на курсах...

– Неужели бухучёт?

Никита кивнул, как будто бы пытаюсь скрыть смущения подлую тень.

– Ха! Послушай, без опыта и знаний... Торговая точка – это одно, а фирма со складами и сотнями мелких и крупных клиентов, с прямыми поставками, товаром в пути...

Никита, видя, как его жена распяется, поцеловал её в губы. Холодно, чтоб остудить. Приподнял её и посадил к себе на колени.

– А ты на что?

И опрокинул полную рюмку коньяку в рот себе.

– Я?!

И поцеловал, напоив жену изо рта в рот. Натали наполовину закашлялась, наполовину рассмеялась.

– Да, ты.

И говорит, понизив до едва различимого человеческим ухом шёпота голос:

– Ты подскажешь мне, где лучше и как правильнее искать, чтобы нарыть то, что нам нужно. А я сострою умный вид: ну что, мол, за детские шалости?! И буду колоть дальше.

Никита набрал в рот коньяку и опять напоил жену изо рта в рот. Она едва не поперхнулась, но тут же взяла себя в руки

и сторожко ушки навострила.

– Годовую плату твои внесли. Теперь квартальные. Если я поймаю их на подлоге, то всё, что я... что мы нароем, – они заплатят вдвойне. Причём задним числом за весь прошедший год. И четверть утаённого будет наша.

Натали недоверчиво поглядывает исподлобья и тоже шепчет:

– Ты сам говорил, что крыша никому не платит. Они кинут тебя, а я лишусь работы.

– Они не глупые. Не кинут. Потому что дальше, если я не лоханусь, а с твоей помощью мы не завалим дело, мне проводить аудит ещё и ещё, и не только в вашей конторе.

– Да меня с работы за такие вещи попрут! Да и тебя на порог не пустят, и товара не дадут.

– А мы никому не скажем. И у тебя я больше не объявлюсь. Отовариваться будет мой помощник. Или брат Серёга – что сподручней было б. Как тебе удобней. Все подумают, что я сначала разведал, сделав контрольные закупки, а потом пришёл с проверкой.

– Послушай, Никита, а ты не боишься? Запутаешься – как муха в паутине. Потом не вывернешься.

– Нет, не боюсь, – говорит он с беспечной улыбкой, поит изо рта в рот коньяком и разглядывает глаза в глаза, как она справляется с неожиданно горьким подарком губы в губы. – По первому разу они заплатят сполна.

И опять горько целует.

– Второй раз тоже заплатят, хотя и со скрипом – с отсрочкой, но заплатят.

Она набрала в рот коньяку и поит уже его изо рта. Он пьёт волшебный коктейль и считает:

– Третий раз... Я ведь не бандит – я специалист, причём вольнонаёмный.

– Ты – специалист?

– Да, я спец. И ничего противозаконного или предосудительного делать не собираюсь. А мои гонорары – ой как высоки! Не заплатят?! Жадный платит трижды. А больше мне от них ничего и не надо. Закон восьмой, который я открыл для себя: всегда и всё считать, пересчитывать и просчитывать, но никогда не болтать о полученных результатах, ибо то, что в уме, то и прикуп.

– А точки на рынке? А я?

– Ты моя жена, и никто об этом не должен догадываться. Точки же на всякий случай пускай поработают. Подою чуток, а потом продам своё дело напарнику. Ибо любой бизнес, если не под контролем, то считай – уже не твой бизнес. Главное, вовремя продать. Дорого и в рассрочку.

– А если...

– Никаких если. Напарника примешь как родного. А нет, так брата кровного. Имеешь право. И ни гу-гу. Никто ничего не заподозрит, если держать рот на замке да гнёздышко надёжно спрятать.

Задумалась, глядя в потолок, приоткрыла рот, соорив

загадочную гримасу, и вдруг:

– Как скажешь, милый. Я вся твоя. Ты ведь муж мне?

– Муж.

– Муж и жена – одна сатана. Как скажешь, так и будет.

И глаза уже туманятся. Губы тянутся к губам. Руки ищут рук. И Натали не слышит, что он говорит. Её слух ласкает то, как он говорит.

– Я должен повернуть колёсики, маятник качнуть, чтоб часики затикали – пошли. Я должен отдать долги. Я должен развернуться. Я должен вырвать тебя из этого подвала.

– Когда?

– К новому году...

– Когда ты поцелуешь меня так, чтоб опять закружилась голова?

– Я должен, и я обязательно отыщу калиточку, а за калиточкой той – укромную тропку в наш маленький рай. Ты только верь мне, – шепчет Никита, целуя её.

Он целует в губы, а ей мало. Он кусает шею, а ей мало. Её груди обнимают и ласкают ему щёки. Соски готовы лопнуть и жалят своим остриём. Живот трепещет, и бёдра льнут навстречу поцелуям. Он падает пред ней – на колени, и целует, и целует, и целует... И ласкам тем нет ни конца и ни предела. В руках сила. В пальцах нежность. В губах страсть. Из груди стон рвётся, и млеет душа. Мягко и упруго, ненасытно тело: страсть как голод – её не остановишь, не обманешь и не умалишь.

Страсть с лёгкостью срывает все благочестивые покровы, которые накапливались с таким ханжеским трудом веками кропотливой лжи, чтоб стыдливостью прикрыть природные инстинкты. Лишь обнажившись до звериного нага, испытаешь трепет первородных чувств. Живёшь – и знаешь, что такое жизнь без лжи. Без кривды. И счастлив. Без напрасного притворства. И свободен – волен, как никто и никогда, кто не любил в другом себя.

План на жизнь был свёрстан, казалось, окончательный и бесповоротный, и с каждым днём росла уверенность, что завтра непременно будет лучше, чем вчера. Да так, собственно говоря, оно и было.

Когда к концу следующей недели родители Натали вернулись в свой дом, то дом их к тому времени опустел: дочь уже выпорхнула из родового гнезда. Никита снял квартирку для себя и Натали. Там, среди тюков, набитых всяким бахламом, которое с удивительной скоростью перемещалось в пространстве, они были счастливы, наслаждаясь близостью и грёзами в ночи, чтоб среди бела дня те призраки обращались явью, будто по воле провидения.

Никита держал своё слово. За тот год, что они провели в полном уединении, скрывая от чужого недоброго глаза своё временное гнёздышко, он открыл магазин, затем второй, третий... Дошло дело до небольшого оптового склада и даже офиса. Это были времена, когда вложенный в дело ка-

питал обращался едва не в один день, – если знаешь, какие колёсики да как вращать. Никита не знал, он ощущал – как время, как погоду, как любовь – и жил в этой своей круговерти, как рыба в воде или птица в небе.

– Шестой закон в действии: время плюс энергия... – иногда просил он у неё прощения, покидая супружеское ложе с первыми рассветными лучиками, чтоб вернуться поздно за полночь. – Так что главное сейчас не терять драгоценного...

– Никогда не оправдывайся передо мной! – Натали губами впивалась в губы как если бы последний раз в жизни, и сжимала в страстных объятиях, лишь на чуть облегчив его страсть, – и отпускала вдогонку за временем со словами: – Я люблю тебя, милый! И жду.

Никита не терял даром драгоценного, прирастая прибылью день ото дня, – и никогда не путал деньги с финансами, а нерастраченную любовь с капиталом. Она же старалась быть выше ревностных позывов и пустых суетных обид, безропотно принимая свою судьбу. И не смела проклинать время как разлучницу – соперницу более искушённую в делах земных страстей, нежели она сама.

Вскоре, однако ж, Натали с прискорбием узнала и девятый закон, вновь открытый её мужем. Нахмурив лоб, Никита однажды признался ей:

– Закон девятый: движение – это главное, пускай даже временно вспять.

И она разглаживала неожиданную морщинку меж бровей

ласками, зацеловывая до зеркального блеска его чело.

– Когда тебе плохо, – успокаивала она его отчаяние, шепча на вдохе между поцелуями, – то кажется, будто весь мир вокруг рушится. – И на выдохе: – Но это, поверь мне, совсем не так. Мир по-прежнему там же, где и был за мгновение до этого, но без твоего участия – уже чуточку иной.

И он совершенствовал свой девятый закон:

– Тот, кто не способен изменяться, приспособляясь к изменившимся условиям, уже мёртв, пускай даже пока не подозревает об этом.

Разумеется, выведенная им формула встревожила её не на шутку, но она была уверена, что теперь-то им уж всё ни по чём, даже если люди в погонах ходят по складу, тыкают в разные углы пальцами, вскрывают коробки, курочат сервера, выворачивают ящики, карманы и сумки, пристёгивают наручниками к батарее, составляют протоколы и сами же рвут их на мелкие кусочки, удовлетворившись пучком зелени. Пока что они мало напоминали подрастающего хищника, всё больше смахивая на травоядное, которое между прочим не гнушается и плотью поживиться. Страшными для человека зверями называл их Никита – всеядными бегемотами, не знающими распорядка дня.

– Как усмирить бегемота? – задавался он вопросом, и сам же отвечал: – Прикармливать помалу с руки, приручая и тем приучая к распорядку.

– Это наш новый закон? – спросила Натали с замиранием

сердца.

– Не закон... Во всяком случае, не тот закон, что если восторжествует, то справедливость замолчит, а просто жизнь, которую ты принимаешь как должное, чтобы выжить, либо не принимаешь вовсе... и тогда преставимся мы пред ликом всевышним, и да упокоит нас безнося...

– Я боюсь, – шептала она, и голос дрожью выдавал искренний трепет, рвущийся из глубин её души.

– Не бойся, милая, мы не умрём. Не здесь и не теперь. Мы не испили ещё свою чашу жизни – лишь чуть пригубили. До похмелья далеко.

Никита падал перед ней на колени и зарывался лицом в тёплый упругий живот. Она запускала пальцы в его непослушные кудри, прижимала к телу, – и он зацеловывал её до самозабвения, пока весь мир вокруг не вбирался в их мирок и не таял там от жара лобзаний, как снег в лучах весеннего солнца.

Страха уже не было в ней – лишь беспокойство да вечная тревога. Печалили иные заботы: её тошнило, и подрастающий живот портил талию.

Ей очень нравилось, как звучит её теперешнее имя – Натали Борг. Много благозвучнее прежнего, которое она тут же позабыла вспоминать. Как не вспоминала и о тех кошмарных годах, что провела в подвале. Ведь было же – в самом деле было! Была удовлетворена тем своим унылым бытём и в той яме ещё боялась чего-то лишить себя. Смешно!!! Теперь ей,

казалось, в самом деле есть, что терять, но насмешка судьбы в том как раз и состоит, что ты не боишься утраты того именно, что считаешь неотъемлемым как жизнь.

Когда живот заметно округлился, она въехала в свою двухкомнатную квартирку на окраине, о которой так долго мечтали в ночной тиши, а когда опять подступила комом к горлу тошнота, она вошла, ведя мальчишку за руку и придерживая свободной рукой живот, в свежесрубленный двухэтажный дом, с зелёной лужайкой перед крыльцом, с каменными львами на страже. За домом – пруд, полный лягушек, чьи песни предстоит ей вскоре узнать и полюбить, сидя вечерами на скамье в молодом саду за тем прудом и прислушиваясь к звукам ночи, а не едет ли милый домой.

С чем она всё-таки никак не могла свыкнуться, так это с морской болезнью – той тоской, которая гложет и точит всякую морячку, выходящую на пустынный берег, чтобы вглядываться в безнадежную даль синевы. Поздними вечерами, совершенно озябнув от ожидания и печали, она всегда бывала вознаграждена: её моряк пускай очень поздно, но возвращался из своего далёкого далека. И она прощала ему все свои тревоги. Смывала поцелуями с него пыль и запахи потустороннего мира.

Между мальчиком и девочкой, которых она вынашивала с такой же лёгкостью, как и муж свои планы, она не только научилась, но и любила водить автомобиль. Непременно красный и шустрый. Своим пожарником она его ласково зва-

ла. И теперь, в страхе, что муж, весь в делах, может охладеть к её весьма изношенному двумя родами и раздобревшему телу, принялась со всей страстью, на которую была богата её щедрая натура, обращать вспять упущенные годы. Третью беременность пресекла на корню, и стала завсегдатаем косметических салонов и всяких тренажёрных залов. Своё тело холить ей было не привыкать.

И если и казалось ей порой, что чувства охладели, то она их разжигала поздними вечерами, как разжигают камин, подбрасывая в топку сухие поленья дров.

Натали вдруг стала задумываться, и страх иного свойства всё чаще и чаще посещал её, пока вовсе не поселился у неё в груди. Однажды она испугалась мысли, и мысль та не хотела отпускать её и пугала посередь белого дня так, что в глазах темнело и сердце заходило. Она боялась, а не оставит ли он в мыслях её, задвинув в хвост длинной череды всяких неотложных дел. В офис повадилась сама захаживать, а потом просто подкупила секретаршу. Что тут такого?! Зато всегда в курсе дел, чем немало удивляла, порой даже поражая мужа своей осведомлённостью и интуицией. Слава богу, брат Серёга, будучи наивнее пугала в её саду, хотя в разведчики и не больно годился, но в шпионы тоже не нанимался.

Чем больше Натали хорошела, чем моложе и краше казалась себе, чем изощрённее и совершеннее пребывала в страсти, тем всё больше отчаивалась побороть извечную соперницу свою и разлучницу – время. Сама борьба превраща-

лась в страсть. Она кокетничала с собой, представляясь ему любовницей на все возможные лики. Провожала мужа неизменно любимая жена... и встречала любовница. В объятиях любимой изменял он ей – и с ней же. И гарем тот рос и множился, и каждая была не похожа на предыдущую. Никита навещал её в гостинице, где она снимала номер, заказав в ресторане банкет на двоих, летал с ней на край света – и отдавал должное её безумному искусству перевоплощения со всей страстью, на которую только человек способен, а порой – и за пределами возможного. Сумасшествие – безнадёжное, как отчаянная месть, выходящая за грань времени.

Он по-прежнему был верен себе во всём. Погоду кожей чувствовал, а его пульс служил ему верными часами, отсчитывая время, отчего в доме не работал ни один будильник. Смешно сказать, Натали как-то ослушалась его да и прикупила-таки у антиквара очень дорогие старинные часы с кукушкой...

– Кукушка-кукушка! Скажи, да не соври, сколько вековать в любви осталось?

Кукушка прокуковала, да и издохла будто. Опытный часовых дел мастер так и не сумел наладить, недоумевая, в чём тут заковыка, а заподозрив нечистое, умыл руки, спасовав перед таинством неведомого.

На стене, конечно, остались висеть часы с кукушкой, но исключительно – для мебели и в назидание: никогда не задавай кукушке вопросов, на которые сам не знаешь ответа.

Частенько Натали поглядывала со злорадством на мёртвый циферблат и грозила кулаком издохшей кукушке.

Однажды, чувствуя воодушевление, Никита откровенно признался ей:

– Закон десятый: защищаться надо на тех рубежах, где возможны наименьшие потери, и в тех объёмах, которые ты удержишь впоследствии. И последние рубежи надо готовить заранее. Быть может, тогда и отступить не придётся.

Её, конечно же, насторожили его слова, и Натали наняла детектива – и стала пристально следить за всеми изменениями, которые происходили.

Объявился некий Клаус, а с ним и две коварные соперницы – таможня и фабрика по сборке. Эти злыдни надолго разлучали её с мужем. Терпению пришёл конец. Натали ревновала, но вынуждена была смириться с неизбежным – покамест.

Однажды случилось большое несчастье. Муж пропал на целую неделю, а то, как считать, и больше. Она вскидывалась среди ночи в холодной постели в холодном поту и порывалась бежать. Ломала руки в отчаянии и бессильной злобе на свою разлучницу – на время неумолимое. А потом благоразумно снимала трубку телефона. Ей докладывали о множественных синяках. Потом она узнала, что дюжина огромных грузовиков, подобно стаду динозавров, вторглась на склады, всё там вытоптали и ушли гружёными в неизвестном направлении. Никита объявил кому-то войну.

Потери удручали, заставляя тратить время и энергию вдвойне, чтоб восполнить то, что восполнить, казалось, уже невозможно; он отдавал долги кредиторам, не забывая главного кредитора – свой укромный уголок: отдушину, где любимая ждёт не дожждётся.

Вопреки мрачным прогнозам, Никита выкрутился – согласно его десятому закону, которому неукоснительно он следовал: заработала фабрика, и склады вновь наполнились товаром.

Пускай не покажется это кому бы то ни было странным, но Никите в самом деле сопутствовала удача во всех его начинаниях. Почти как по писаному. Слов на ветер он не бросал. Каждое его слово было не только веским, но и взвешенным до краткого редуцированного звука. Ко всем достоинствам её мужа, очевидно, добавилось ещё одно – чувство меры. Как вдруг выяснилось, Никита умел взвешивать все за и против и с удивительной лёгкостью уравнивать противоположности. Единственно, в чём он по-прежнему меры не знал, так это в том, что души в ней не чаял; вернее, она всегда была желанна и обласкана. Но тут уж, видать, виноват не он сам – любовь виновата, что через края всегда бежит, как молоко из кастрюльки на плите, которое вдруг недоглядели.

В один прекрасный день в их жизни наконец объявился-таки легендарный Клаус, место пребывания которому было определено – в бане, и дом их наполнился чужестранными словечками и интонациями. Смешно было слушать, как

они с мужем подолгу спорили, один – извлекая из школьной памяти десяток ломаных английских выражений, а другой с немецким акцентом коверкал дюжину подслушанных на улице русских слов. Натали, как умела, служила между ними переводчиком, будучи невольно вовлечённой в предприятие, и подучивала немца русскому языку в его частые наезды.

Домашний тезаурус пополнился новым словом – монополька. А потом вдруг пошла сплошная шиза – ещё одна коварная соперница по имени франшиза. И Никита надолго сменил свой дом, свою постель на кресло в самолёте.

Натали боялась за мужа, и настояла, ну хотя бы её спокойствия ради, на охране и шофёре. В категоричной форме велела: без охраны и шофёра чтоб ни шагу! Детективу дала отставку и успокоилась: теперь уж точно под присмотром, тем более, что Никита сформулировал наконец закон одиннадцатый:

– Кто не умеет учиться на своей собственной истории, тот спотыкнётся о чужую.

Натали почувствовала, как из жизни их, наконец-то, уходит натуга. Всё становится размеренным и предсказуемым. Не то чтобы перемены радовали, но успокаивали, и это, точно, было много лучше, нежели жить в соперничестве со временем. Она проиграла гонку и сдалась на милость этому неумолимому течению. Вернее сказать, образумилась. Да и сама она почувствовала, что становится величавой и тихой,

как река, что, вырвавшись из расщелин горных, вдруг разливается по равнине и плавно течёт никуда не спеша.

Так и жили, в согласии, и особо не тужили.

Ну а тревоги... Что есть жизнь наша, лиши нас тревог, пускай даже и ненапрасных?! Никита был верен раз данному ей слову: жить счастливо, а умереть в один день и один час – судьбой, должно быть, определённый день и час свой.

Так и случилось однажды... почти, но не совсем так, как можно было бы ожидать. Пути господни хотя и предсказуемы, но не до конца, видать, исповедимы.

Бывает в жизни каждого человека день, переживи, кажется, который, и жизнь твоя станет проще от того только, что ты узнаёшь, что больше никому ничего не должен. Вопрос в другом: как пережить то, чего пережить невозможно?

Ещё с утра Никита начал маяться. Он кожей чувствовал перемену погоды к худшему. Время пришло, а снег не выпадал. Он закрывал глаза, а перед глазами пурга мела. Открывал глаза – за окном лил дождь. Оттого он и не находил себе места.

В этот день он свернул дела очень рано и велел шофёру отвезти себя в гостиницу, а охране настрого приказал не беспокоить себя до самого утра. Он вошёл в номер, вышел через окно, спустился по водосточной трубе вниз, поймал такси, приехал в аэропорт и ближайшим рейсом вылетел домой.

Приземлился. Метёт пурга. Внутри беспокойство задре-

мало, льдинка растаяла, и он уже почти успокоился сердцем, когда такси высадило его у калитки дома: не подвело его предчувствие, что зима грядёт, как подолом заметая все следы. Вошёл... и на стоянке под крышей, рядом со своим стареньким «Мерседесом», за рулём которого не сидел, наверное, с полгода, увидел машину – никак Клаус приехал. Ещё подумалось: как странно, что он не сообщил, что прилетает.

Отпер ключом дверь дома. Детские комнаты пусты: оно и понятно, школа – дети с няней в городской квартире. Поднялся в спальню – пуста. А где же Натали? Может, с детьми в городской квартире?

Хм, машина на стоянке, а её нет. Обошёл дом – все комнаты пусты. Выбежал в пургу, и увидел в оконце баньки огонёк. Пошёл на огонёк, отворил дверь и остолбенел...

Натали и Клаус не сразу заметили: в бане они уже не одни. В то мгновение, в том месте и при тех обстоятельствах, которые требуют уединения двоих, – внезапно объявилась, словно страшный призрак, тень третьего и незваного. Заметили так поздно, что Никита успел не только сформулировать для себя, но и вслух проговорить одно за другим:

– Закон двенадцатый: не веди в гнездо мужика. Закон тринадцатый: если не хочешь потерять жену, то надо предупредить, когда ждать себя домой.

Развернулся кругом и выскочил в пургу. «Мерседес» завёлся сполтыка.

В зеркало заднего вида он видел, и запомнил, как на участке вспыхнули все фонари сразу, свет отразился в снегу и засверкали снежинки.

Никита сорвался с места. Вильнув задницей при выезде, машина чуть задела задним крылом опору навеса над стоянкой да и понесла лихого седока в слепую снежную ночь, обновляя занесённую пургой дорогу.

Натали, босая, накинув на плечи простынь, бежала по целине, утопая едва не по колено в снежных намётах, и, падая через шаг, кричала ему что-то вослед.

Дружище ветер налетал и уносил её отчаянные крики прочь.

– Закон четырнадцатый, – подумал он, выруливая на шоссе, – гласит: отдай долги, и тогда ты никому ничего не должен.

И вдруг рассмеялся, чувствуя лёгкость во всем теле, и кричит:

– Я никому ничего не должен! Никому!! Ничего!!!

Он ошибся, сформулировав неверный закон, – он должен был уступить дорогу правому: на равнозначном перекрёстке водитель уступает дорогу тому, кто справа...

Последнее, что он увидел в этой жизни, – ослепившие его фары дальнего света; последнее, что услышал, – это скрип тормозов.

Испугаться не успел. Вдруг какой монтер будто вырубил в его голове божественный рубильник. А часики ещё долго

тикали и тикали в груди, никак не желая остановить свой упрямый бег.

Ой – Ай и Ёй

Ай: Гляди, братец Ой, не твоего ли в катафалке везут?

Ой: Его, родимого. Увы. Так жизнь из него истекла, а с ней и рассказ мой подошёл к своему невесёлому концу.

Ай: Что, вот так всё просто и нелепо?

Ой: Да, эти глупцы не понимают: жизнь земная столь хрупка и скоротечна, – и не ценят того, что им даётся один всего лишь только раз.

Ай: Постой-постой, братец Ой. Ты, помнится, говорил, что на дворе кружила выюга, а сейчас – да ты только оглянись: деревья в саду расцветают! Травка зеленеет. Цветочки пахнут. К зачатию земля готова. Осеменение вокруг идёт.

Ой: Так я ведь и не сказал, что Борг скончался в одно студёное мгновенье. Я сказал-то всего лишь, что закон четырнадцатый был неверно сформулирован: никому ничего не должен – должен, стало быть! Дай правому дорогу. Слишком много «не», а удача – капризная спутница жизни: не любит она тавтологий, тем более с отрицанием отрицаний.

Ай: Что ж тут могло быть ещё?!

Ой: Закон пятнадцатый, который гласит, что есть любовь земная.

Ай: Неужели это ещё не конец истории?

Ой: Конец? Вот разве что маленький хвостик завитком – на горький посошок. Борг ведь так и не успел сформулировать для себя закон, что есть любовь. Не успел, а стало быть, без любви ушёл. Да ты, должно быть, помнишь. Едва не каждая газета отметилась передовицей – «Без любви». Случился тут ужасный скандал – шумиха и вдруг тишина глухая, будто мёртвая. Ни строчки. Ни слова. Все будто бы в рот воды набрали, да и думать позабыли о том, что вызвало столь большой переполох в обществе и так страшно взволновало едва не каждого топтателя земли родимой...

Ай: Нет, не помню, знаешь ли. Своих забот, что ль, мало было?! Ну да ты расскажи, пожалуй. Не томи уж.

Ой: Рассказывать, собственно говоря, особо и нечего. Приехали спасатели. Вскрыли ножницами его искорёженную машину и извлекли тело. А в груди у покойника что-то тихонько тикает. Но диагноз – с ним не поспоришь: травмы несовместимы с жизнью. А часики тикают, никак не остановятся. Погрузили его на носилки, сунули в машину с крестом красным и в ореоле голубого мерцания на скорой – фьить! Покатали с ветерком по заснеженному шоссе.

Ай: Не отмучился, стало быть, бедолага. Сочувствую. И надолго ли сии страдания выпали?

Ой: Да нечему тут сочувствовать. И что наши страдания земные в сравнении с бесконечностью времени, опрокинувшегося в одно единственное мгновение, когда оно каждому своей особой оскал кажется?! Привезли тело в больницу. По-

ложили на стол. Ждут, когда останются часики, а те часики неумолимы. Тикают да тикают, отсчитывая уже бог весть какой удар за ударом. Час миновал, два часа, три часа – ну сколько, спрашивается, можно ждать? Ну и решились на свою беду – освежевали, вскрыв тело да вырезав почку. Пока трепещущая. Видать, кому-то ещё должен остался частицу – своей плоти...

Ай: Безобразие! Но как можно не спросясь?!

Ой: Почему ж не спросясь? Должно быть, спросили. Кто ж теперь прознает? Против он не сказал своего слова. А молчание – знак согласия. Кто-то, стало быть, потопчет ещё чуток нашу грешную землю с его неугомонной почкой в боку.

Ай: Я, кажется, начинаю догадываться – кто именно.

Ой: А Боргу – ему всё уже равно.

Ай: Ну да, и то правда. Чего ж добро закапывать в землю? А черви, что на пир поспешают... – рожа у них бесовым знаком треснет. Перебыются и без десерта.

Ой: Короче говоря, вторую вырезать не успели, как тут в операционную вваливаются какие-то люди с характерными лицами, сверкают ослепительные фотовспышки. Врачам на руки – браслеты, почку – в контейнер, а тело сунули в холодильник, чтоб не протухло, пока будут разбираться, что тут да к чему. Шуму-то, шуму! Гам-тарарам.

Ай: За долгами, может статья, пришли? Борг отродясь всем был должен, да так и не успел вернуть. Хотя и не по своей, понятно, воле.

Ой: Кто ж правду скажет! Мёртвым правда живых как собаке второй хвост.

Ай: Особенно если отчекрыжить от кошки да псу меж ушей пришить, чтоб удобней было за ушами обмахиваться на бегу.

Ой: Ну а за скандалом, в суматохе, не заметил никто, куда контейнер с почкой понесли. Исчез контейнер бесследно. Всякое болтают сведущие люди. Вот так вот мой замороженный и пролежал в холодильнике всё это время как вещдок. Пока судили да рядили – время бежало, для Борга уже совершенно незаметно, как и погода за окном, которую кожей своей он уже никак не мог прочувствовать. Шум, однако ж, поутих, теперь можно и на кладбище схоронить. Ну и концы, как говорится, в землю – закопали.

Ай: Заземлили. Да, не повезло тебе, бедолага.

Ой: Что я? Я тут всякого за это время навидался – разных чудиков повстречал, не помянутых, не оплаканных, да и не схороненных. Вот там беда, так беда!

Ай: Да, задачка-то. И как теперь считать, какой день у тебя девятый, а какой – сороковой?

Ой: А пёс их знает! У меня всегда по закону временному была «двойка». Хронос – мужик добрый: на экзаменах «трочку» кое-как натягивал, за интуицию и точные ответы наобум. Главное теперь, чтоб в небесной канцелярии правильно считали. А то пришьют ещё самоволку! Вовек потом не отмоешься.

Ай: Гляди, кстати, твоего покойничка в гробу уже на руках выносят. В вырытую могилу кладут – землёй засыпают.

Ой: Лишь бы родимого обратно с кладбища не понесли.

Ай: Нет, вряд ли: если во сыру землю закопали, то вроде как глупо откапывать – не понесут уже назад!

Ой: Ну, сам знаешь, в жизни по-всякому бывает.

Ай: Бывать то бывает...

Ой: Глянь-ка!!! Эко мать согнуло?! А вон и брат Серёга шкандыбаёт...

Ай: Не грусти, братец Ой, ещё день девятый, затем сороковой помаяшься – ну и с богом! Прочь с этой земли грешной до лучших, быть может, времён. После высшего суда – в чистилище. В баньке той отпарим все грехи да печали, смоём горести и радости.

Ой: Хочешь – не хочешь, а рано или поздно всё равно ведь возвращаться-таки нам назад, так лучше уж чистыми в младенческом беспомытстве.

Ай: В невинной чистоте помыслов и грёз земных... О!? Гляди-ка, братец Ой, кто к нам пожаловал! Это ж Ёй собственной персоной! И чего, интересно, он забыл тут?

Из озера вышел дух Ёй. Отряхнулся. Подошёл к кусту, вырыл ямку и достал оттуда шкурку. Стряхнул пыль. Шкурка была пегая, с виду долго ношенная. И чуть-чуть мятая. Но Ёй будто не заметил. Одел, подошёл к дереву, запрыгнул на ветку, заняв место с самого краю, рядом с Ай, и болтает

тенью как ногами.

Ай: Привет, братец Ёй! Али ты на этот раз сестрица?

Ёй: Как в воду глядел. Нынче я не братец. Мою сейчас хоронить понесут. Так что можете сестрицей меня называть.

Ай: Не Натали Борг ли случаем?

Ой: Она самая!

Ай: Отмучилась, сердешная?

Ой: Какая она тебе сердешная?! Глаза б мои её не видели!

Ёй: То-то, гляжу, вытарачил зенки так, что вот-вот лопнут... Совсем ёйкнувший, что глаз по-прежнему отвести не можешь, да?!

Ой: Да сама ты ойкнутая!

Ай: Так, братцы-сестрички, а ну-ка прекратили свару! О мёртвых – сами знаете правило: или хорошее...

Ой: Да, ничего или правду. Лучше помолчу.

Ёй: Помолчи уж. Иначе ещё какую беду накликаешь.

Ай: Сестрица Ёй, мне тут братец Ой порассказал всего много, просто любопытство разобрало. Может, и ты поведаешь – самый конец, если не затруднит?

Ёй: Отчего ж затруднит?! Пожалуй, не затруднит вовсе.

Ой: В самый раз будет венец терновый примерить.

Ёй: Да что тут долго рассусоливать?! Дело обычное. Натали Борг долго болела: простудилась, подхватив воспаление лёгких, а согреть было некому. Не помогала ни банька парная, ни поленья дубовые в камине, ни коньяк внутрь на па-

ру с братом Серёгой. Было зябко, студёно, стыло. Всё так и леденило изнутри.

Ай: Умерла-таки, бедняжка?

Ёй: Какое-то время спустя её нашли в ванной, до краёв наполненной красной водой, с перерезанными мужниной бритвой венами. Не долго мучилась.

Ой: А недолго – это как?

Ёй: Не надо было, братец Ой, у меня на уроках задачки по законам времени списывать. Надо было самому их решать, тогда и не задавал бы сейчас глупых вопросов. Время, аксиома первая, для каждого течёт по-своему. Для одних оно бежит, а для других коловертит на месте.

Ай: Братцы-сестрички, ну хоть в такой час давайте обойдёмся без прописных истин, а? Ты б, сестрица Ёй, поведала нам лучше: она сама себя, или кто её... ну, там, наследство, рейдеры, происки конкурентов и всё такое?

Ёй: Всякое болтают люди. Не по злобе, думаю, напраслину возводят, но от скуки хулят. Натали порешила сама свести себя со свету божьего этаким кровавым способом. Её время тоже истекло: изжила она себя. И точка. Как жить-то без любви? Ежели не суждено было в один день и час отчалить в мир иной с суженым, так хоть похороненной быть – наедине с любовью своей. Так что чиста я перед тобой, братец Ой, как стёклышко: все грехи свои водицей красной смыла дочиста. Ну а там – нас бог рассудит.

Ай: А что с бизнесом Боргов? Как идут дела, случаем не

довелось чего слышать?

Ёй: Отчего ж нет?! Хотя и вне себя, – так ведь чувствами, а не разумом. Всё видела. Всё слышала. Бизнес быстро пришёл в упадок, а фабрику, пока в цене, брат Серёга по-быстрому продал и деньги успешно пропивает, поминая горькую память...

Ай: Да вот, поди ж, и твою несут. А кто сзади, не подсказешь ли?

Ёй: Да кому ж ещё, как ни мамке с папкой хоронить?! Детишек следом за руки ведут. Мама – старшого внучка, а папа – младшенькую, любимую внученьку. Плачут, безутешные.

Ой: А вон и брат Серёга уже бежит навстречу своей родне.

Ёй: Вишь, уже пошатывается от горя на бегу! Будет теперь метаться от могилы к могилке, горькую рюмочку за упокой одной души – горькую рюмочку за упокой другой, пока сам в один прекрасный день окончательно не упокоится...

Ай: Бедняга. Как же несладко ему?!

Ёй и Ой (в один голос): Братец Ай, гляди-ка – а не твоего ли несут вперёд ногами?!

Эпитафия

Стонет вьюга, плачет вьюга,
Как единственного друга
Провожая в дальний путь.
Всё свернуть с пути готова,

Будто ищет повод снова
На него разок взглянуть

Хоть последний, хоть прощальный,
Улетая в край зеркальный,
Расставаясь навсегда.
Ей на юг уж путь заказан
Свыше принятым указом,
Как сказали провода.

Вот и плачет в узком створе,
Чтоб унять тоску да горе,
Коль настал её черёд.
Мчатся дни навстречу веку,
Память вровень человеку,
А зима сама придёт.

Руслан Милославович Казановских

Конец второй

Вообще наш брат ожидает всего на свете, кроме того, что в естественном порядке вещей должно случиться...

И.С. Тургенев. Дневник лишнего человека

Даром что целое поколение рождённых в эти потерянные для счастливой и беззаботной жизни годы злые языки определили для дальнейшей истории горьким и обидным прозвищем – дети перестройки. За место новорождённого в семье Казановских, однако ж, во все времена и при любых обстоятельствах разворачивалась настоящая баталия. Тут не то, что один к десяти, – бери на много порядков выше: за один шанс из миллионов готовы были сшибиться вселенские искатели удачи, помешанные на страсти к земным приключениям.

Оплошность исключалась ещё задолго до подхода счастливого часа, когда розовощёкий голубоглазый бутуз вынырнет из тьмы на свет божий и разразится богатырским криком. Ждали, конечно, мальчика, и имя ему уготовили легендарное – Руслан.

Милославович – по батюшке вышел.

В отличие от своих сверстников, от роду своего Руслан Милославович Казановских не чувствовал себя никому ни-

чем обязанным, ну разве что наоборот: ему были должны за то, что он есть, и он вынужден был смиренно принимать как должное тщание всяких доброхотов. И той кротости своей всегда стыдился, слегка краснея от натуги.

Ему только двадцать с небольшим хвостиком: воспитан, образован, одет с иголочки, в портмоне кредитные карточки, карманных денег тоже не занимать, и в своём белом «биммере», с открытым верхом, Руслан Милославович Казановских уверенно въезжает в новую самостоятельную жизнь, которая обещает ему просто – ай какую сказочную будущность.

Створки автоматических ворот разъехались в стороны, и высокая каменная стена, что с виду в чём-то сродни кремлёвской, расступилась перед ним.

Как только оказываешься внутри, стена уходит вдаль и скромно прячется за густой зеленью, не смущая мрачной тенью просторы усадьбы.

На возвышенности кирпичный дом в три этажа, с замысловатыми башенками и эркерами на манер старинного замка, очаровывает любопытный взгляд. Ещё с полдюжины небольших строений – этакие сказочные избушки на курьих ножках повернулись к лесу задом, лицом к гостю. Вдали тихие воды озера отражают незамутнённую голубизну небес. Высокие деревья. Экзотические кустарники. Альпийские горки. Фонтаны и водопады. Мосток через ручей у ветряной мельницы. Замысловатым вензелем вымощены крас-

ной брусчаткой пешеходные дорожки. По бокам стриженные лужайки, и огромные валуны разбросаны то тут, то там.

Яков Филиппович на правах хозяина сам лично вышел встречать дорогого гостя.

– Ну, батенька, наконец-то, – вздохнул он, пристраивая к бамперу свою резную трость.

Обычно скупой на эмоции, тут хозяин протянул обе руки навстречу для приветствия, при этом не преминув заглянуть молодому человеку в серые ясные наивные глаза. А сам вроде как едва не прослезился.

– Пробки, – извиняется гость, смущаясь столь очевидными признаками радушия, и бережно вкладывает для приветствия ладошку в протянутые ему обе хозяйские руки.

Руслан небрежно захлопнул дверцу машины и ловко подхватил хозяйскую трость на лету, что от сотрясения скользнула по корпусу и едва не упала тому под ноги.

– Н-да, наслышан изрядно об этом национальном бедствии, – сочувствует хозяин, с благодарным кивком принимая протянутую ему трость. С пиететом погладил крыло белого «биммера»: хороша, дескать, игрушка, хоть пылинки сдувай. – Слышал, теперь сказывают, люди просто шалелют-таки, и никто не знает, отчего больше – от жары или толчеи на дорогах. В наше время дороги были свободны. Летишь под двести в ореоле голубого мерцания – и ни души окрест на твоём пути.

При взгляде на Якова Филипповича не сразу осознаёшь,

что это один из самых влиятельных людей из тесного мира сиятельных, при этом на удивление скромный: упрямо держится в тени и, как утверждают сведущие, почти никогда не покидает стен своего загородного узилища, куда добровольно заточил себя едва не с четверть века тому назад.

– Папа привет велел вам передавать, – сказал гость. – И пожелания наискорейшего выздоровления. – И добавил поспешно: – После операции.

– Спасибо, – откашлялся старик, как могло показаться, с призывком лёгкого недовольства: всем известно, он очень не любит, когда заговаривают о его весьма солидном багаже в восемь десятков годков за плечами или же вообще о старческих хворях, которым он никак не сдаётся на милость – и по-прежнему пытается молодиться, не по летам хорохорится. – Непременно передавай батюшке своему и от меня низжайший поклон.

Старик, болтают бескостными языками завистливые людишки, давненько прихварывает, а в последнее время сильно сдал. Вот уж и ногу приволакивает, и даже трость завёл, чтоб в руках уверенность ощущать. Но по-прежнему норовист: не дай бог кому подвернуться под эту руку сторяча – огреет палицей по спине так, что мало не покажется. И капризен, особенно в кругу своих: в жару кутается в меховую тужурку без рукавов, а когда всем зябко, от него пар валит – и он упрямо разоблачается, подставляя поясницу сквознякам.

Врачи, впрочем, уверенно пророчат ему долголетие: по-

сле операции непременно должен расходиться, – выпрямится, глядишь, да ещё и девок, прижимая украдкой по тёмным углам, за мягкое место будет шаловливо прихватывать. Дай только время, чтоб сроднился с новой почкой. И дело даже не в том, что вся медицина у ног его стелется, а скорее в том, что таких крепышей матушка-природа теперь редко порождает на свет божий. Он ещё покажет всем, кто жилец на этом свете, а кто так себе, одна лишь видимость: дескать, ковырни тех чуток поглубже – так нутро всё в сквозных червоточинах, с гнильцой, а нос, вишь, как задирают!

– Ну, и чего ж мы мешкаем? – Яков Филиппович взял в одну руку трость, другой поддел под локоть гостя, и так, под ручку, будто добрый дедушка с заботливым внучком, пошли они неспешно по мощёной дорожке вглубь его владений. – Милости прошу прямо к столу. Все уже в сборе.

Стол был накрыт в беседке с очагом в углу. Здесь, в тени, не так душно и жарко, к тому же крыша над головой бросает благотворную тень. Ветерок, к сожалению, безволен, чтоб хорошенько протянуть сквознячком, да и жар от неостывших углей Руслан почувствовал лопатками, едва вошёл под крышу и остановился при входе.

– Как погляжу, однако ж, не по летам педант вы. Не то чтобы опоздали – тютелька в тютельку к шашлычку поспели. С корабля, можно сказать, на бал, по старинному обычаю.

Струйка пота скатилась по ложбинке меж лопаток, и Руслан переступил на два шага вперёд, мгновенно почувство-

вав лёгкий озноб: глаза выхватили из многоликой картины два ярких очаровательных пятнышка – рыжее и чернявое. При взгляде на двух девушек, мило беседовавших в углу и не поднявших даже глаз при его появлении, он ощутил, как по спине побежали щекотливые мурашки, и он сглотнул, точно бы сильно проголодался с дороги.

Меж тем хозяин заканчивал своё гостеприимное суесловие, неспешно подводя вновь прибывшего к застолью:

– Прошу любить и жаловать: Казановских, Руслан Милославович. Будущее светило финансов и прочих изысков на поприще экономики.

– Не тех ли самых Казановских?

Руслан не ухватил того мгновения, когда из чьих-то шевельнувшихся уст выскользнул вопросец, при этом каким-то внутренним чутьём угадал едва уловимый в нём подтекст, но что за фальшивая нотка, с подвохом или наоборот, распознать в смятении не сумел. Насторожился, однако ж, и обещал тревожными глазами присутствующих.

– Тех самых... – кивнул старик головой, не придавая особого значения сказанному, и обратился к гостю: – Кстати, Руслан Милославович, разрешите сразу представить вам вашего шефа – председателя правления банка Станислава Вольтовича, и, кстати, его обаятельную супругу.

Председатель протянул для вялого пожатия своей руки ладошку, лодочкой сложив худосочные, прозрачные, сухие пальцы:

– Надеюсь, сработаемся, – проговорил он, и звуки, из которых слагалась речь, у него тоже выходили какие-то косявые.

Впрочем, судя по безразличному тону и чуточку презрительным манерам, для председателя подобное представление нельзя было назвать неприятной неожиданностью: он явно понимал, о ком и о чём идёт здесь речь, и не утруждал себя всякими сантиментами.

Щуплый, невысокий, в старомодных очках на вдавленной до синюшных впадин переносице, Станислав Вольтович мало походил на человека, подверженного приступам чувствительности. За толстыми круглыми линзами проглядывались мутные невыразительные бурые глаза, которые, как могло показаться, обладали способностью оживать лишь только при виде колонок с цифрами.

– Знакомьтесь, моя супруга, Татьяна Ивановна, – пробурчал председатель банка как если бы нехотя, да оно и понятно: откуда взяться воодушевлению, когда тебе предлагают подчинённого так, как если бы прочили его в скорые заместники.

Татьяна Ивановна протянула руку, чуть откинув голову вбок, и ждала.

Руслан галантно склонился, прикладываясь губами без поцелуя к её ручке, что округлыми эфирными формами напомнила ему образ из детства: скрученный на более мелкие пузырьки воздушный шарик. От руки пахло приятной

свежестью, и, что приятнее всего, на губах целующего эти пряные пухлые ручки не оставляли следов косметики. Во всех отношениях, Татьяна Ивановна производила с первого взгляда впечатление сладкой женщины, но только очень и очень большой, как торт на сто персон.

– Приятно очарован, – коротко сказал он комплимент, глядя прямо в округлившиеся глаза.

Оторвав взгляд от цветочно-медовых глаз, что вблизи показались едва ли не стеклянными, как леденцы, Руслан отступил на шаг и вернулся кротким открытым взором к Станиславу Вольтовичу:

– Рад знакомству. Надеюсь, что не только по службе не будет нареканий, но и на искренние, дружеские отношения не оставляю надежд.

Когда супруги впились в него ответным взглядом, в выражении двух несхожих пар глаз проскользнуло любопытство с налётом лёгкого недоумения. Приглядевшись попристальнее, можно было заметить нечто общее в их разнящихся чертах: проклёвывался птичий образ. Он смахивал на маленького грача, а она – на гигантскую сову.

– Кстати, о службе, коль зашла о том речь, – по-хозяйски вмешался Яков Филиппович, настоятельно отвлекая молодого человека от обязывающих его утомительных церемоний при знакомстве с будущим шефом. – Разрешите вам представить генерала.

– Аркадий Наумыч, – генерал протянул через стол руку

для продолжительного пожатия и долго не ослаблял своей железной хватки.

Разглядывал, откровенно изучая гостя, тем самым позволив и себя хорошенько рассмотреть. Важная по всем признакам персона представляла собой нечто совершенно уж особенное. Узкие плечи и крупная голова. На большом лице мелкие черты собраны воедино – как бы в щепоточку: высокий лоб, тяжёлый подбородок с двойной ямочкой, брови вразлёт, но прозрачные глазки переменчивого цвета посажены близко, прямой короткий нос с фалангу пальца мужской руки, вместо губ бледная прорезь посреди лица, да и ту скрывают щёточки усов с проседью. Зато волосы – густая блестящая воронья пряжа, чуть тронутая серебром у висков.

– Оно, конечно, генерал! Кто спорит, – вдруг раздался женский контральто за спиной, как ре второй октавы. – Но на будущее, молодой человек, просьба не путать определённый – бойкий и боевой.

Руслан обернулся на голос...

Да так и обомлел, едва не ослепнув от внезапной засти в юных глазах при виде дамы у входа в беседку. Забыл даже прикрыть раззявленный от изумления рот и посторониться, ну хотя бы из вежливости, чтоб уступить место, освобождая проход.

Старик – его, казалось, тоже будто застала врасплох дама голубых кровей – тут же как-то подобрался весь и, откашлявшись, поспешил представить ей гостя:

– Сонечка, это мой протеже – Казановских, Руслан Мило-
славович. Наш юный друг и мой, прошу простить стариков-
скую сентиментальность, подопечный.

Дама безразлично скользнула взглядом по лицу гостя. Бьётся благородная жилочка, заманчиво пульсируя у её виска, и кожа матова, полупрозрачна, будто вощёная. От неё повеяло отчуждением и ледяной стужей – и вдруг на устах уже едва заметный намёк на снисходительную усмешку. Протянула руку, чтоб бесцеремонно прихватить молодого человека снизу за подбородок и потрясти из стороны в сторону.

– Милославович?

Руслан, ещё не привыкший достаточно, чтоб не смущаться, когда старшие окликают его по отчеству, всегда чуть тушевался. Он густо покраснел, почём зря ругая себя за эту мгновенную слабость, и попытался кивнуть согласно вопросу, но лишь неловко захлопнул рот, зарывшись подбородком ей в ладошку.

– Ничего, симпатичный малый, – тут дама вздёрнула верху его за подбородок, пристально вгляделась глаза в глаза и отпустила. – Не прыщавый, и не слюняй.

– Знакомьтесь, молодой человек: властительница сердец и душ – дражайшая Софья Андревна, – генерал, упреждая хозяина, поторопился представить даму лично. – Как грешных душонок, прошу запомнить, так и всех святых душ повелительница.

Не заметив препятствия на своём пути, Софья Андреев-

на прошла мимо, будто сквозь Руслана, и молча, с достоинством в осанке заняла место за столом при входе в беседку. Челюсть у него опять отвалилась книзу. Если бы заглянула не в глаза, а рассматривала зубы, то, как пить дать, можно было бы заподозрить, что выбирает себе коня. И он, опомнившись, поспешил закрыть рот.

– Лесть вам, генерал, не к лицу, – сказала она, даже не повернув головы. – Вы не в меру суетливы сегодня.

Редко встретишь женщину без возраста, без льстивых определений. В том смысле без возраста и лести, что такие женщины возраста не имеют и в комплиментах не нуждаются, – они прекрасны в своей зрелости, как наливной благородный плод, который хорош тем именно, что спел, румян, и свеж, и сочен.

– Так, и на чём же мы с вами остановились? – Яков Филиппович тоже, казалось, ещё не пришёл в себя от смущения, в которое повергла его Софья Андреевна своим внезапным появлением, и пытается собрать воедино разбежавшиеся мысли.

– Скорее, не на чём, а на ком, – пришёл ему на выручку генерал и тут же, вызывая на себя огонь, спрятался за шутку: – Я, кстати, не только не боевой генерал, но даже не военный.

При этом бросил на молодого человека откровенно ревнивый взгляд: неужели, промелькнуло подозрение, вздумал прикинуть достоинства и уязвимые места противника? На генеральшу, впрочем, не похожа – бери много выше.

– И представьте себе, – добавил с язвительным нажимом Аркадий Наумыч, – даже не милицейский.

– Зато генерал настоящий, – заметил хозяин, – хотя и в штатском.

– По-домашнему, – поправил тот. – Потому как под домашним арестом, у дяди на шее.

– На попечении.

В конце концов, как бы задней мыслью, Руслан догадался, что речь зашла о каких-то родственных разборках, а Яков Филиппович меж тем перешёл-таки к представлению девушки:

– Жанночка и Лёлочка. Несмотря на очевидное несходство натур, они родные сёстры. Роднее просто некуда. Жанна старшая, а Лёля младшая – с разницей в один час с четвертью.

Руслан преклонил почтительно голову, не скрывая искреннего удивления, проблеснувшего в глазах: все дары природы они словно бы взяли и по-сестрински поделили надвое ровно пополам. Вороная отобрала прямые линии и чёрно-белые контрасты, пламенно огненная – округности и завитки, при этом создатель явно прибег к ретуши мизинцем, чтоб сгладить случайные грани.

Яков Филиппович заключил:

– Никого лишнего, все свои, только близкие, так что можно без церемоний. Располагайтесь, батенька, как у себя дома.

И занял место во главе стола.

– Али! – Поднял руку и щёлкнул пальцами, не оглядываясь. – Ужин подавай!

После столичной суеты, духоты, пыли и гари, а тем более с пятничной дачной дороги, – с первого взгляда могло показаться, будто попал в рай, пускай его и не самый эпицентр, но как минимум – на райскую околицу.

И голова уже идёт кругом – от свежести хвойного леса, от дурмана трав луговых, от кошеного газона, от высот прозрачного неба, наконец, от истомы, растворившейся в прокалённом июльском воздухе. Приволье хмельнее вина. Тянет дымком с привкусом пропечённого мяса, жаренного на углях. За столом собраны восхитительные женщины, как букет, в котором ни один цветок не похож на другой и каждый прекрасен по-своему. Пускай не самую большую, но он ощущает свою значимость в глазах важных людей. И что ему до тех интриг, которые уже наверняка завязываются здесь в тайный узелок?!

Как только подали шашлык, о Руслане Милославовиче, казалось, забыли и думать. И даже хозяин как-то отвлёкся, утратив к нему какой-либо интерес.

Яков Филиппович к вину не прикасался, шашлычку съел всего-то два кусочка, листиком салата зажевал, и весь вечер потягивал коньячок, пригубляя из бокала, так что к ночи выпил грамм сто, не больше, зато лимона в сахаре позволил себе изрядно. Поди, слабость испытывает – к кисленькому со сладким. Да, ещё и стакан воды минеральной осушил, ни ко-

фе, ни чая, ни соков не позволив себе испить. В самом деле, видать, прибалывает ещё – новую почку бережёт.

Иногда Руслан ловил на себе отдельные любопытные взгляды, но значения им не придавал, понимая, что к нему пока что присматриваются, разумеется, со стороны и не явно. И лишь только генерал без намёков на стеснение изучал его как инородный предмет, – как экзотический фрукт, затесавшийся в круг будничного блюда.

Аркадий Наумыч завёл издалека:

– А каких взглядов, Руслан Милославович, на мироустройство, позвольте вас спросить, вы придерживаетесь? Возьмём, к примеру, традиционную ось: восток – запад. Какковы, хотелось бы понять, ваши почвеннические координаты отечественной точки на этой оси. Или, может, склонны к анархическим идеям?

– Я, скорее, прагматик, – ответил генералу Руслан, особо не задумываясь. – И потому гоню из головы всякие намёки на предубеждение.

– Вот даже как! Похвально, молодой человек. Впрочем, если в таком, простите за определение, молочном возрасте и уже прагматик, то что же будет с вами в преклонных годах?

В разговор Руслан сам не встревал. Когда его о чём спрашивали, старался отвечать исчерпывающе коротко. Пил мало и ел умеренно, главным образом заботясь о манерах за ужином, нежели о желудке. Сам тоже старался присматриваться к окружающим, исподтишка разумеется, и не выгля-

деть при этом любопытным.

Когда генерал попытался навести разговор на тему бога и религии: и в церковь, дескать, вы не ходите и креста на шее нет, – Руслан вдруг ответил так, что за столом одобрительно хихикнули, а генерал вынужден был прокашляться:

– Я сам и есть свой крест, – сказал Руслан, – и этот крест всегда со мной. Ну а в церковь... Что ж, бывает, по случаю захаживаю, и ничего в том зазорного не нахожу. Но я, видите ли, не люблю, когда меня обманывают и при этом не краснеют.

Софья Андреевна взвела глаза, чуть даже склонила на бок голову, с пристальным любопытством задержав взгляд на молодом человеке, и вдруг резко обернулась к генералу. В потемневших глазах промелькнула недобрая искорка.

– Аркадий Наумыч, я, кажется, просила вас: за столом ни о политике, ни о религии, ни о делах, ни о футболе, ни о шмотках – ни слова. По крайней мере, в моём присутствии.

Сказала как отрезала, и точно бы в сердцах выудила за рёбрышко шашлычок из блюда, впившись в мякоть зубами, срывая на том раздражение. Тем одним кусочком мяса Софья Андреевна умерила свой аппетит за ужином. За весь вечер чуть пожевала свежих овощей с таким видом, будто они вовсе не съедобны, и выпила бокал белого вина. К кофе позволила плеснуть себе чуточку коньяка.

После того, как его одёрнули, генерал попритих, что, видать, позволило ему, не теряя времени даром, основательно

подпитать чрево на ночь. Пару шампуров мяса он запил изрядным количеством красного вина. А когда подали кофе, налёг на коньяк, заедая лимоном и при этом даже не морщась.

Жанна и Лёля тоже не отказали в удовольствии побаловать себя жареным мяском, уговорив большой шампур на двоих, а запивали попросту – шампанским.

Станислав Вольтович всё больше на водочку налегал и хорошо закусывал, особенно огурчиками и грибочками, но сумел остановиться вовремя, чтоб не перепить и не перестать. Его супруга поглотила, наверное, столько еды, сколько в общей сложности все прочие вместе взятые за столом, но спиртного ни капли в рот не взяла.

Ну кому ж ещё, как не нашему брату, не знать, исходя из личного опыта летней дачной жизни, что такое трапеза на лоне природы с её мало значащей для постороннего уха милой болтовнёй, которая под рюмочку затягивается далеко за полночь!

Ещё на закате жаркого и душного пятничного вечера погода начала стремительно портиться. Налетел порывистый южный ветер, унеся назойливых комаров, как и прочий гнус, с которыми не справились приборы, в сад и в чащу леса. На горизонте засверкали зарницы. Мгновенно сгустились сумерки. Вскоре потянуло сыростью и прохладой, принёсшими с собой быстрое облегчение от зноя, и, несмотря на непогодицу, вечер протянулся ко всеобщему удовольствию в бес-

конечность. Такие мгновения жизни, очевидно, людей сильно сближают, и разговоры становятся откровенными и искренними. Отношения друг к другу милее и безобиднее. Если кто-то привык прятаться от грязи дней суетных в призрачный мир теней, полный иллюзий и заблуждений, то именно в такие ночи, когда бесится природа, человек всей душой стремится к жизни и боится, что, не дай бог, она может и в самом деле отказаться от него, в порыве ярости отвергнув.

Ливень застал Руслана бегущим по дорожке к одному из гостевых домишек на отшибе. Не изба, конечно же, на курьих ножках, а одноэтажное дощатое строение на столбиках, в некотором роде очень красивый добротный сарай не без художественных изысков окнами выходил на небольшое озерцо с двумя плакучими ивами на берегу, что окунули свои зелёные косы в безмятежную гладь воды. Внутри всё проще некуда: просторный зал без перегородок, за плотной занавесью альков, там невысокий плотно сбитый помост застлан матами, поверх ковёр, махровые простыни с одеялами и множество воздушных подушек.

Промок он до нитки, но душ небесный отозвался к стати восторженным фонтаном чувств, вознеся его на гребень тех восторгов, которыми наполнял его весь этот жаркий день. На душе и в теле ощущалась необыкновенная лёгкость, и казалось ему, что скоро ему не заснуть.

Задрёмывал, впрочем, Руслан с чувством полного удовле-

творения, с лёгким сердцем, как если бы сдал непростой экзамен и при этом не ударил в грязь лицом. В круг своих он был причислен, но отнюдь таковым себя покамест не ощущал. Не освоился с мыслью: всяк ведь ежели не знает ещё, то уже догадывается, что за ними всеми настоящее и прошлое, а вот будущее – это его удел. И наверняка уже ревнуют. Ну и пусть! Ему не привыкать.

Под раскаты грома и шум дождя за окном, озаряемом вспышками, что ночь превращали в череду мгновений светлого дня, Руслана наконец сморило.

Обрывки хаотичных мыслей всё ещё мерцали, затухая, и сознание почти совсем угасло, когда сквозь шум дождя и удаляющиеся раскаты грома его слуха вдруг достигли какие-то невнятные шорохи. Посторонние суетливые призывки проникали и чуть тревожили воображение. Насторожиться, однако ж, не успел, справедливо полагая, будто, погрузившись в сон, он слышит эхо, что прорезается бессвязными впечатлениями прожитого дня.

Поскрипывание половиц и неопределённые шорохи из крепчавшего превратили сон в чуткий. Тем не менее, он не торопился очнуться даже тогда, когда почувствовал тепло нежного прикосновения. Пальцы чьей-то руки скользнули по его плечу и бережно тронули сосок на груди. Касания те были сродни ветерку, что волосы треплет, а не беспокоит. Он не вздрогнул. Не удивился. Не всполошился. Ему было приятно. Прикосновения становились ласковыми и набирались

уверенности, грозящей перейти в дерзость. У уха сквознячком протянуло – дуновением щекотливого дыхания тронуло. А он уже не спит, но по-прежнему не смеет обернуться, и, пытаясь обмануть себя надеждой на сбыточность сладких грёз, затаил дыхание.

И полон сомнений: спит ли он и снится ему сон, или же грезит наяву. Притих, пытаясь кожей постичь то, что не поддаётся разуму – понять, какие же чудеса на самом деле творятся вокруг и рядом с ним. А чьи-то губы уже трогают, щекачут, разгоняют кровь по жилам. По шее, меж лопаток бежит бередящий холодок. Долгая судорога волнистыми позывами продёрнула позвоночник до не могу, когда чьи-то острые ногти перебрали каждый бугорок, и те же чьи-то музыкальные пальчики пробежали подушечками по позвонкам, как по клавишам рояля... И вдруг мягкое тепло прильнуло, обволокло и объяло сзади. Дурманом подёрнулось сознание. Рука скользнула по груди, к животу, ещё ниже... Вот уж проникла, нащупала – и чуть стиснула его напрягшееся естество. Он замер недвижимо, догадываясь, что нет, не спит-таки.

Застыла в жилах кровь, и жаром обдало.

Хотел в порыве обернуться, чтоб развеять теней виденье, как вдруг:

– Тишишь, – услышал шепоток, и чьи-то губы коснулись уха.

Не привидения – человеческий томный голос прошелестел заманчивой загадкой. И дыханием парного молока струится

ветерок. И ласки силой обуздывает его нетерпеливые порывы, губ касаний поцелуи вводят в трепет, наполняя ожиданием прилива страсти и истомы.

А в ухе властвует язык. Горячее дыхание проникает внутрь. Пальцы рук нежны, нахальны и желанны. К спине его всем телом льнут, и обжигают жаром, обаяют, и вызывают дрожь. До одури мутится голова, и пресекает млением в груди дыхание на выдохе, на вдохе.

Он уж рвётся из сетей, опутавших и сжавших, как если бы за воздуха глотком он из пучины вынырнуть стремится – в темноте не разглядеть лица. Лишь мнится отблеск глаз шальных. Обнимают руки, ноги, грудь прижимается к груди, бёдра к бёдрам льнут. Сжимают, направляют, впуская внутрь, где мокро, липко, горячо. Вдох без выдоха. Впиваются зубы в шею и кусают едва не до крови, вытягивая в отзывчивую струну жилы. И сладка боль до дрожи, до истомы. И слышен надсадный стон, дремучий хрип в груди. Упруго тело – мягко, плавно, углубляясь, ускоряясь. Со всей неистовою страстью, на которую способно естество, чтоб отдался в самозабвении порыву, его сжимают и рвут ногтями живую плоть, и гонят, и в исступлении терзают. Как будто лошадь скаковую понукают, истязая за узду и вонзая шпор шипы в бока до крови, пока до смерти не загонят в гонке за призраком несбыточной мечты...

Крик, переходящий в рёв, не приглушить раскатам грома за окном.

Он податлив под напором ласк, стремясь выйти из себя. Он захлёб рыдает – и на осколки ощущений взрывает мир дневных приличий, высвобождая с криком дремучий стон души. И кружит водоворот, вверх тормашками летит он в бездну, кувыркаясь вниз ногами, головой. Исходит из себя, и безумная воронка поглощает без остатка. Скользит в неведомой стремнине чувств и ощущений. В омут. Вглубь без дна, как смерть при жизни, без света, без тепла, без воскресенья.

Судорогой чресла поражены. Его трясёт, колотит, лихорадит. Испражнён. Душа еле-еле пополам с грехом томится в теле, скорей не мёртв пока ещё, нежели уже не жив.

Полуобморок спасает сердце от разрыва, и, крестом раскинув руки, навзничь пал. И кончилось дыхание. Ручьи текут по телу – жив, стало быть, едва-едва.

– Тишш, – шепоток у уха.

Перед глазами радуги круги плывут, и мерцание огоньков затухает в глубине сознания.

Поцелуй... и тишина.

Его руки обнимали – и вдруг коснулись пустоты.

Или только мнится? Шлепки ног босых. По деревянным половицам – ступеням? Скрипнула дверь, и тишина во мраке растворилась. Как если бы оглох, ослеп, лишился чувств.

Проснулось дыхание. И уж слышен приглушенный шелест дождя по крыше над головой.

Так жаль, что сей дар неистовый и бурный скоротечен – как одно мгновение, в котором вечность затаилась.

Нет сил перевернуть себя, восстать, бежать вдогонку тени, кричать вослед и умолять. Лениности истомой поражён. Ни рукой не шевельнуть, ни ногой. Изнурён и опустошён, испил до доньшка из сосуда чувств. Веки тяжелы и липки. Плоть ещё трепещет, исходя солёною росой, и просит отдохновенья.

Забылся сном мертвецким, крестом раскинув руки. Тот самый крест – раскалённая звезда. В ночи сияет ярче звёзд небесных, хладных от презрения в своём величии к пылинке бытия, что всполохнула и погасла во тьме ночной, не разгоревшись до пламени огня...

Толчок. Руслан широко распахнул глаза, как если бы от разряда молнии, прошившей его во сне от макушки и до самых пят. Нагой, исцарапан, покусан, валяется он в глухой берлоге, упёршись взглядом в нависший над головой дощатый потолок, и страдает...

Сознание очнулось, но тело ещё дремало в мучительно-сладкой неге. Как быстро миновало! Неужели ему хочется вернуть безвозвратно канувшие в былое время прекрасные мгновенья ночи?

Плоть помнит и саднит...

Штора сорвана с крючков. Альков открыт навстречу утру. Хмуро за окном и тихо – сонно, как если бы рассвет. Слышен колокола звон. Раз. Другой. И третий наконец. Трижды через промежутки в несколько минут. Он вполглаза глянул на часы: одиннадцатый час уже на циферблате. Тот колокол

к завтраку звонит.

Душа не верит и мозжит.

Ему жаль, что нельзя остановить мгновенья.

И вот уже смекает, перебирая догадок чётки, кто ж она – в крошечной темноте среди ночи неслышно прокралась и взяла силой пылкой ласки, когда он был во власти грёз коварных?

Он мучительно гадает, и блудит мыслью среди сосен: то двух, то трёх, то четырёх, – и млеет при каждом из имён на свой особенный, ничем неповторимый лад.

Отдавая дань истоме, измученный бесплодными догадками, Руслан позволил себе тревожно забыть на несколько, казалось бы, недолгих минут, потом пришёл в себя.

Через приоткрытую форточку достиг слуха чей-то возглас:

– Не болтай глупостей! Я человек служивый. У меня иная стезя!

Впрочем, ясно, чей был громогласный окрик – генеральский. И опять Руслан провалился в тягучую дрёму.

Открыл глаза. Полдень на часах. И прерывисто вздохнул: увы, пора вставать. Собрать пожитки – и в путь, а жаль, ай как жаль. И пополз на четвереньках, скрепя ноющее сердце. Он будет долго помнить. И мучить, заедать загадочный вопрос: таинственная незнакомка – ты кто, пришедшая в ночи, чтоб лаской одарить и одурачить.

– Руслан Милославович! Руслан!!!

Выглянул в окно, распахнув настежь створки. Взгляд мутный. С прищуром глядит.

Трава мокрая, а дорожки просохли. Солнышко светит и распаляется. Птицы щебечут. Лягушки, припозднившись, скачут в тень.

– Руслан Милославович!

Слышит, но не видит, и только всплеск воды наводит его взгляд на цель. Голова над водой и круги по воде. Между ивами пологий спуск, противоположный берег крут, и там на сваях мосток над водой навис. В качалке Яков Филиппович с удочкой в руках, и вроде бы дремлет.

– Будьте так любезны, не составите ли нам с лягушками компанию?!

Генерал барахтается, плещется в воде. Брызги взлетают вверх, как если бы на месте генерала заработал фонтан.

Нырнул вниз головой, только пятки сверкнули, вынырнул на середине озера, фыркнул и уже машет призывно рукой:

– Дно – чистый морской песок. Вода – парное молоко. Лягушки – само очарование: прохладные и, главное, скользкие. И рыбы, заметьте, сыты, и потому сегодня не щипают волос. Так что милости прошу освежиться.

Не раздумывая, Руслан выпрыгнул через окно избушки и с разбегу бросился в воды озера с головой. Когда вынырнул, заторможенность как рукой сняло. Проплыл саженками вперёд – назад, нырнул и всплыл, лёг на воду, раскинув руки в стороны крестом. Тишина. Солнце в зените и припека-

ет. Небо безоблачно, глубокая синева ослепляет. Хорошо, ай как хорошо! Как будто на свет заново родился.

О чём средь мрака ночи грезишь, от того средь бела дня стораешь от стыда, и только время лечит. Бог времени жаждет жертв, и только лишь по мере приношений, насыщается его алчная утроба, а насытившись, он непременно явит милость страждущим, коль те выкажут терпение и такт.

Трава подсохла, ни травинка не шелохнётся. Недвижимый воздух горяч и сух. Вёдро. Первые ручейки пота стекают струйками меж лопаток. Испариной покрывается чело. На камнях вскоре хоть яичницу жарь. К вечеру опять жди грозы.

В беседке самовар почихивает. Заварен чай с мятой и листьями ежевики – запах разносится далеко.

Станислав Вольтович с супругой и генерал в беседке за столом: пьют чай и беседуют о пустяках.

Тонкие бледные ручонки председателя торчат из широких рукавов рубахи, свисающих свободно едва не до локтей. И ворот размера на два великоват. Тощая морщинистая шея и вовсе сдаётся высохшим стручком, нелепо торчащим из-за шивороты; сверху нелепо насажена и болтается неприкаянно сушёная большая голова. Ни следа раздражения, ни беспокойства на лице. Пьёт чай, прихлёбывая, и глядит вперёд себя безразличным взглядом.

Руслан шуруется на солнце, украдкой поглядывая на Та-

тьяну Ивановну, и оценивает, прикидывая в уме: на ощупь это было бы ох-хо-хо как мягко и тепло – незабываемо. А впрочем, в темноте, да спросонья среди ночи... Не-не-не, не дай бог: жена шефа – это почище будет, нежели сам шеф. Хлопот потом не оберёшься.

– Присаживайтесь, Руслан Милославович, милости прошу, – приглашает генерал, подвигаясь на скамье и предлагая занять место подле себя, – и будьте как дома. Блины. Сметана. Мёд. Оставьте местечко в желудке и для плова. Вы ведь, надеюсь, не откажетесь от ужина?

– Вроде как собирался уехать сегодня до темна, – отвечает и думает сам: ай, как жаль.

– Напрасно. У Али плов что надо! Я приглашаю вас провести ещё один чудесный вечерок в компании друзей. А завтра утром – и тронетесь в путь.

Руслан с сожалением оглянулся: Яков Филиппович, сидя в качалке под зонтом на мосточке, удит рыбку в озере, вроде как прикорнув чуток.

Осмотрелся округ: Жанна и Лёля на лужайке, размахивая ракетками, гоняют по воздуху волан – слышен смех задорный и упрёки: ну куда тебя несёт!

Как жаль, взгрустнул с укором про себя, что настолько был не дальновиден, чтоб не пометить. Оставь в порыве страсти отметину на память, – укромное местечко, глядишь, кто и прикрыл бы косынкой от загара. Впрочем, к чему ему глупые улики?! Лишённое покровы тайны, ночное приключение

отнюдь не столь занятно, а быть может – даже пошло, и чарующая ночь вдруг в свете дня показалась бы ему пресней воды озёрной.

Генерал смотрит ему прямо в глаза. В глазах Руслана немой вопрос.

– Софья Андревна уехала с утра пораньше, – отвечает, неужели прочитав-таки мысли, генерал.

– Совсем?

– Что значит – совсем? А вам – что?! – нужно от неё?

– Мне? Нет. Извините, я просто так спросил.

И в голосе, и во взгляде генерала просверкнуло ревнивой молнией, и на лицо набежала хмурая тучка, но он тут же отогнал её прочь и, откашлявшись, осветил лицо деланной улыбкой. Сверившись с часами на руке, уточнил, видать, для порядка:

– Ещё с полчаса потерпеть.

– Простите, вы что-то сказали?

– Нет. Кстати, в крынке козье молочко. Свежее. Из деревни принесли. Говорят, утреннего надоя. Но как пить дать – врут: крынка из холодильника. Так что дай бог, чтобы вечернего. Но всё равно советую отведать. Чистый эликсир.

Руслан не без смущения поймал наконец взгляд жёлтых глаз Татьяны Ивановны. Ни тайны от супруга, ни явного ему намёка в них – скользнула безразличным взглядом мимо, чуть притормозив в полёте. И он с облегчением вздохнул. Нет, ну как только в голову ему могло прийти такое?! Руки

не обманешь – хоть на ощупь, хоть на осязание.

Руслан выпил молочка с полчашки и поморщился.

– Коньячку, что ль, не помешало бы с похмелья, не так ли? – предположил услужливо генерал.

– Не-не-не, что вы, Аркадий Наумыч, спасибо. Я за рулём...

– До трёх и после двенадцати – ни-ни, ни капли, – оживился с чего-то вдруг и невпопад Станислав Вольтович. – А в промежуток да хоть бочками. Таковы у нас порядки.

Ополоснул Руслан чашку в рукомойнике и наполнил её чаем. Густеющего майского медку уронил тягучую каплю в розетку. На тарелку – блин. Намазал маслом, завернул, обмакнул в мёд, сунул в рот и откусил. Запил чаем.

– Хорош чаёк, не правда ли?

Руслан кивнул, жуя. А вот с Софьей Андреевной промашечка вышла – не задавать, ни в коем случае не задавать навводящих вопросов!

– А я, знаете ли, люблю со сметанкой, да подсоленной, – говорит генерал.

– Это извращение, – наконец и Татьяна Ивановна отозвалась.

Н-да, многословием не блещет, впрочем, как и супруг. Как же с ним работать-то, если слова из него не вытянешь. Неужели догадываться, что он там, не подумавши, хотел сказать да не сказал?

Зато ни на секунду не закрывал рта генерал.

Руслан достал сигарету и задумчиво разминал меж пальцев. Кстати, о запахе. Чем же отдавали ароматы ночи? А пахло страстью – не мёдом, не корицей, не пряностями. Молоком парным!

– А кто молоко принёс?

– Да пёс её знает! Старуха какая-то. А вам на что?

– Да нет, я просто так спросил, – и чертыхнулся про себя: ну зачем опять суёт свой нос?

Да что ж такое?! Щёки готовы предательски зардеть, сбивая с толку всякого, кто смотрит на него.

– Али договаривался – он знает. Идите и спросите. За спрос денег не берут.

Руслан покачал головой и продолжал разминать сигарету, не отдавая себе отчёта в том, что и как он делает. Следя внимательно за движениями пальцев, разминающих сигарету, генерал вздохнул и извлёк из кармана золочёный портсигар, как будто пересчитал в нём сигареты, понюхал и захлопнул со щелчком, с сожалением поглядев на часы на руке.

– Не время. Пяток минут надо погодить.

– Простите, не понял?

– Да так, ничего.

Генерал усмехнулся, наблюдая за тем, как Руслан раскуривает сигарету, которую в задумчивости выпотрошил едва не до половины и не заметил этого. Бумага вспыхнула, и Руслан, замотав рукой, с недоумением уставился на чадающий дымок и вдруг опять задумался.

– Ну, с сигаретами, почти как со спиртным, – говорит генерал и морщит лоб. – Только вот силы воли не хватает. До трёх кое-как терплю, а потом всё – срываюсь в штопор.

Генерал опять посмотрел на часы:

– Теперь можно, – сказал он.

И достал свой золочёный портсигар, неспешно вытащил из него сигарету, постучал фильтром о крышку портсигара, сунул в рот, щёлкнул зажигалкой и закурил – с очевидным наслаждением выпустив сизый клуб дыма. Облачко повисло, кружась, над головой в воздухе чуть, да вдруг ветерок налетел и развеял бесследно.

– Вы о чём-то всё время думаете.

– Нет, – ответил Руслан и, затушив окурок, закурил новую сигарету.

– Неправда. Не бывает так, чтобы человек не думал вовсе, и при этом имел сосредоточенный вид.

– Я просто наслаждаюсь чудесным днём.

– Ну да, и даже мыслей нет в голове – одно очарованье. А вы к тому ещё романтик, как я погляжу. – И к председателю: – Станислав Вольтович, вы как думаете, сумеем мы задержать будущее финансовое светило ещё на денёк погостить? Небось, одни цифры у него на уме. Стесняется, а самому ужас как хочется.

– Погода хорошая. – Обернулся Станислав Вольтович к супруге: – Ты не против, если мы двинем в понедельник спозаранку?

– Конечно, милый, как скажешь.

Нет, с тем томным шепотком в ночной тиши, что слух ласкал, – не сравнится этот скрип сухого дерева её нежных слов к супругу.

– Ответ: мы вас не отпускаем. И точка. Так что кончайте со своими сомнениями. Солнце высоко – до ужина далеко. – И неожиданно предложил: – А не желаете ли, Руслан Милославович, партейку в теннис разыграть?

Он встал, взял под руку молодого человека и повёл в сад, где был установлен стол, вполголоса шепча на ухо:

– Какую фору запросите?

– Да нет, давайте уж попробуем обойтись без фора.

– Ответ достойный настоящего бойца.

Бросили шарик. Постучали чуть-чуть – для разминки. Из-за ушей потекли ручьи. По спине бегут струйки. На лбу капли собираются и водопадом ниспадают. Застит обильный пот глаза, волосы не просыхают, рубашку хоть выжимай.

– Ну что, на счёт, может, сразу кинем? – предложил Руслан, не видя смысла в бесцельном перестукивании шарика высоко через сетку.

– Воля ваша. На что играем? – при этих словах генерал лукаво прищурил глаз.

– В азартные игры предпочитаю не играть, – отвечал Руслан, чувствуя, что генерал пытается поставить противника в неудобное положение: такова, видать, его натура, чтобы даже в мелочах пытаться подёргивать и ранжировать, и добавил

для ясности, шутя: – Папа не велит.

– Резонно. Папа плохого не посоветует. Не проведя разведки, не ввязывайся в драку. Иначе можно без штанов остаться.

– Ну, без штанов мы и так останемся – и четверти часа не минует.

Генерал с удивлением округлил глазки, но тут же сообразил, на что намёк: на жару и пот рекой – уже принялись за своё подлое мокрое дельце.

– Ну да, – усмехнулся он, ловя шарик в руку. – Лягушки в озере не заскучают в долгом одиночестве. И бросил рукой шарик вскок по столу со словами: – Ну что ж, на интерес, стало быть, играем.

Разыграли. Первым же неуклюжим ударом Руслан повесил генералу соплю и выиграл право первой подачи.

– Глядишь, – опять усмехнулся генерал, – вы так из меня ефрейтора сделаете.

Затем Руслан открыл счёт кручёной подставой. Взял ещё одно очко прямым ударом. А три оставшиеся подачи сдал – всё сильно и мимо цели либо в сетку послал. Свои пять подач генерал выиграл в сухую. Он почти не бил, предпочитая подкручивать под удар. Отстрелявшись в молоко, Руслан осознал свою оплошность лишь тогда только, когда было по пяти через десяток. Поздно. И сдал всю партию почти без боя, надеясь отыгратья в следующей.

Во второй партии он держался чуть дольше, так и не со-

бравши волю в кулак. Внимание рассеивалось.

Жанна с Лёлей перебрались на лужайку поближе к саду, и размахивали ракетками вблизи. В поле видимости, ежели представить, что у него были б глаза на затылке. Но там глаз не было, и он бросал беглые взгляды на девушек, когда наклонялся за шариком.

В третьей партии, забыв обо всём, погонял основательно генерала по углам. Меняя подачу, нанося удары наверняка, всё больше прямой наводкой, и взял-таки верх измором. Удар прорезался – и четвёртую партию Руслан выиграл легко.

Поглядывая на неразлучных сестёр, он задумался, почувствовав какую-то несообразность в том, что происходит вокруг него и как он об этом думает.

В середине пятой партии, отрываясь в счёте и видя, как отчаяние помалу проявляется на лице генерала оскалом мелких редких зубов под щёточкой чёрных с проседью усиков, он вдруг сообразил, что лучше бы позволить тому взять верх – согласно чину. И на всякий случай Руслан нанёс удар мимо стола, второй шарик угодил тоже мимо. Подосадовал вслух, но не притворно. Поддавки не должны проявиться с очевидностью, когда каждое очко станет на вес золота, и генерал приблизился к нему в счёте едва не вплотную.

– Мои подачи, – генерал поймал рукой пущенный в угол шарик и прежде, чем подать, вдруг спросил: – Ну и как вам, Руслан Милославович, моя охрана?

– Где охрана? Какая охрана?

Руслан кое-как отбивал удары, но шарик тем не менее упрямо летел точно в поле противника.

– Да Лёля и Жанна! Гвардейцы генерала. Неужели вы так и не разглядели? А вроде как разглядывали.

– Ах, ну да, конечно, – и запустил шарик мимо поля. – Я просто об игре думал. И от кого они вас охраняют? От шпионов или, может, бандитов?

– Каких шпионов?! Каких бандитов?! Сами не знаете, что несёте! От меня.

И вот в партии уже пошла игра на больше – меньше.

– От вас? И кого же, позвольте спросить, они охраняют от вас?

– Да меня и охраняют.

Удар в сетку. Следующий шарик взлетел свечой и упал далеко позади стола. Уступил-таки, чуть завозившись, пока собирал концы одних мыслей с другими. Пожалуй, так даже лучше будет, без обид, но в азарте не мог не ощутить лёгкой досады оттого, что проиграл не понарошку, не поддавшись, когда вполне мог и выиграть. Впрочем, тут же отрадой отозвалась память: в середине сдал же намеренно две подачи. Стало быть, ничья...

– А вы, гляжу, проигрывать не любите, – сказал генерал, присаживаясь на скамейку и отирая рукавом пот со лба, с шеи, смахивая капли с рук.

– А кто любит? – ответил Руслан и присел рядом, прома-

кивая пот со лба рукавом. – Вы тоже не любите. Но вас не так просто обыграть.

Генерал снисходительно усмехнулся, оставив без ответа очевидно льстивую по умыслу реплику.

– Нас лягушки в озере заждались. Пора освежиться перед ужином.

И встали как по команде.

Жанна и Лёля смещались по участку соответственно передвижениям генерала.

– А почему они здесь охраняют, а не где-нибудь в другом месте?

Руслан не удержался от вопроса, и уж корил себя за то, что в который уже раз нарушил данное себе слово – не задавать вопросов. Опять, стало быть, оплошал. Генерал ответил с усмешкой, не придав значения: вопрос напрашивался сам собой.

– А где ж ещё? Они весьма и весьма бдительны. И симпатюльки, не правда ли?

Руслан не покраснел, хотя почувствовал холодок в груди. Чтоб не задержаться мыслью и от той мысли не залиться ненароком краской, он поспешил ответить:

– Хорошие девчонки. Что надо!

– Так чего же теряетесь?

– Пока ещё не выбрал, за кем приударить.

И прыгнул в озеро с головой, чувствуя, что как раз самое время остудить щёки.

– Да сразу за обеими! – засмеялся генерал, устремляясь вдогонку. И вынырнув, отфыркался и всплеснул руками: – А там и разберётесь, кто с кем кого да как.

Руслан с пляжа перебрался в свою избушку на курьих ножках, чтоб остаться наедине со своими мыслями и привести их в порядок перед ужином. Он начинал чувствовать нетерпение, ожидая, когда же наконец ударят в колокол, оповещающая, что плов готов и стол накрыт.

Колокол молчал. Неужели ждут ещё кого?

Нетерпение гнало его прочь. Кругами. Отправившись прогуляться и осмотреться, он всё чаще и чаще оглядывался на входную калитку, надеясь увидеть на входе Софью Андреевну. Прислушивался к далёким шорохам и стукам, и сердце то замирало, то начинало бешено колотиться в груди, как будто бы он слегка приболел – опытный доктор поставил бы верный диагноз: сердечная аритмия. Наверное, слишком много воздуха и солнца с непривычки, а тут ещё и давление небес, как то обычно случается в грозные дни, когда фронт бродит где-то совсем рядом за горизонтом и вызывает чувство беспокойства в груди.

Ударил колокол раз, потом другой, а с третьим ударом Руслана уже переполняло отчаяние. Быть может, самое время собрать сумку, пожать на прощание старику руку, приложиться губами к дамским ручкам и отправиться восвояси? Он не посмел... или же надежда всё ещё теплилась в его груди? Всё может быть, особенно в тиши ночной, когда прихо-

дит час беззаветных грёз.

Количество приборов, выставленных на стол к ужину, не оставляло сомнений в том, что ряды компании поредели – на одну персону. И что с того, что образовалась пустота, которую вдруг не восполнить? Если бы не эта унылая пустота, то и не понять бы, на месте чего образовался вакуум, чем до того он был заполнен. И пространство сжалось, ибо нет пространства без материи, а материи вне времени...

Руслан не смог бы толком объяснить себе, спроси себя же прямо и откровенно, с чего это взбрело ему на мысль, будто его таинственная незнакомка – это и есть Софья Андреевна. Он просто был уверен, несмотря на весь свой прагматический, как ему казалось, склад ума. Или же, вернее предположить, ему очень хотелось, чтобы это было именно так, а не иначе. Когда знания не тверды, а ежели и с избытком их, но противны чувству, то во спасение приходит вера – вера в то, что есть так, как то желаемо на самом деле. И разум подтвердит, уверившись.

Вряд ли кто будет спорить с утверждением, будто многие явления лежат вне области знаний и выводов, а зарыты где-то глубоко в ископаемых пластах ощущений и предчувствий. После грозы непременно услышишь тишину, если вслушаешься. И она тоже может оглушить, как порой ослепляет ночь, а не солнечный день.

Пускай обманывает себя. Плевать! Он будет ждать, пока

есть надежда, а не дождавшись, пойдёт следом за молвой, которая укажет ему путь... к Фее – что за детский сказочный бред?! И испугался вдруг нечаянной мысли. И молчать, терпеть, не притязая. В конце концов, он никому ничем не обязан.

– Что это вы, мой юный друг, загрустили вдруг?

Яков Филиппович – не генерал, от него не отмахнёшься просто так, и Руслан нашёлся, как ответить, чтоб его слова отозвались правдой.

– Нет-нет. Я просто не привык к безделью и задумался невзначай.

– Я его расстроил!

Генерал не был бы самим собой, если б не сунул свой настырный нос в первую же щёлочку, которая вдруг приоткрылась перед ним, чтоб понюхать, чем оттуда пахнет. Теперь ясно, отчего у него такой короткий и прямой нос, – отшлифовали о косяк.

– Чем же, Аркаша, вы могли так расстроить нашего дорогого гостя? – Яков Филиппович прищурился, и в том прищуре проступили недобрые, плутоватые чёрточки, свидетельствующие о том, что старик не так прост, каким кажется со стороны. – Ничего такого я не заметил.

– Вы, дядюшка, проспали самое главное, – генерал прикрыл глаза и взвёл воронными крылами свои брови. – Я обыграл нашего славного героя в пинг-понг, и теперь он наверняка вынашивает планы на реванш.

Старик приподнял трость и хлопнул ею по спине Аркадия Наумыча. Тот аж подпрыгнул, но обиды не выказал, ну разве что нотки недоумения проявились со всей очевидностью:

– За что?! – воскликнул он, и, скривившись, поскрёб пальцами меж лопаток.

– Цыц! Седина уже прёт, а детство так и играет в одном месте. Сколько раз говорил: не лезь поперёд батьки в пекло, когда старшие говорят!

И обратился к Руслану, как ни в чём не бывало:

– Так о чём, простите, вы задумались?

– В двух словах не выразишь.

– И не надо в двух. Никто нас не торопит. Софьи Андреевны нет с нами, а стало быть, мы можем поговорить и о делах. Без спешки.

При упоминании имени Софьи Андреевны, Руслан опустил глаза и заставил себя дышать ровно и тихо, прогоняя от себя самое мысль. Тем самым унял пожар, готовый уж языками пламени облизать ему шею и щёки. Сумерки ещё не заслонили вечером день, но в беседке за столом тени сгущались, и оттого пауза, которую он вынужден был взять, и недолгое замешательство выглядели в глазах окружающих более, чем кстати, придав этакую значимость его словам:

– Я ведь не настолько наивен, чтоб не понимать, что стоит за моим назначением и чего от меня ждут, – высказался, не поднимая глаз, как если бы выстрадал эти свои слова.

Покосился исподлобья на Лёлю и Жанну, что вдруг при-

умолкли, прислушиваясь к разговору за столом как бы между прочим, и решил всё-таки продолжить свою мысль:

– Сам-то пока что ноль без палочки, а вот в круг введён как свой.

– Хорошо, что понимаете правильно. Ещё лучше, что говорите об этом – прямо и без лукавства. Будет легче найти общий язык. А вот насчёт нолика и палочки – без палочки... Я бы попросил вас выбросить из головы подобную ересь. Мы крайне заинтересованы, чтобы вы работали на нас, и верим вам, иначе... Ну, понятно, можно не продолжать. Так что же вас смущает?

– Надо бы, как мне кажется, не спешить с представлением в должность.

– И?

– Мне бы хотелось пройти все ступени – кругами, по спирали. Не перепрыгивать. И не афишировать себя, пока не освоюсь, не войду в курс дел.

– А мне казалось, что вы рвётесь в бой, не медля ни секунды. Но мне, и не буду этого скрывать от вас, нравится, Руслан Милославович, как вы думаете. Спешить нам в самом деле некуда. Время терпит.

И после недолгого задумчивого молчания обернулся к председателю:

– Кстати, Станислав Вольтович, что вы-то на это скажете?

– А что? Вполне разумно. Мне нравится.

– Ну, понятно, что вам нравится. Какие мысли? Какие

предложения? Если не затруднит, то выражайтесь яснее, а то я знаю: водится за вами грешок – из трёх одно слово проглотить, другое скомкать, третье в уме оставить на закуску.

Станислав Вольтович пропустил мимо ушей последнюю колкость: видать, ему не привыкать, и со знанием дела поделился перспективами:

– Я уж было подумал, но ждал, когда предложение само собой всплывёт. И не вижу ни малейших проблем. Проведём по всем участкам. Где дольше, где глубже – где по верхам. Годок – не меньше, прежде чем...

– Дальше можно не утруждать себя рассуждениями. И кролик догадается. Только вот на счёт годка – вы, как мне кажется, слишком уж загнули, погорячившись.

Яков Филиппович подвёл черту и вдруг словно бы утратил интерес к происходящему. Потянулся за коньяком, за лимоном – и будто задремал прямо за столом так, как если бы по-прежнему был полон внимания: мозги спят, а глаза бдят и уши слушают.

– Ну, давай, коллега, по маленькой, что ль? – на удивление вдруг оживился председатель, проникшись симпатиями к Руслану. – За знакомство! По рюмочке да под грибочек.

Станислав Вольтович поставил перед Русланом стопку, наполнил водочкой.

Что тут поделаешь?! Чокнулись. Выпили. Закусили.

Плов в самом деле удался на славу, и на какое-то время за столом воцарилась тишина. Начиная со второй, Руслан де-

лил свою рюмку надвое, а Станислав Вольтович подливал до краёв, как только её ополовинивали. Вот, подумалось, и первая проверка – на вшивость. И Руслан перешёл на третинки, на четвертинки, и в конце концов, следуя примеру старика, просто слегка смачивал губы. Станислав Вольтович с этого момента не подливал, и Руслан растянул последнюю рюмку на весь долгий вечер.

Когда подали кофе и чай – кому что, Руслан уступил настояниям генерала, позволив себе чуть полувекового коньячку под чашечку чёрного кофе. С лимоном вот только вышел казус: его лицо скривилось в такую гримасу, которая без слов сказала всё, что он об этом думает, – и это вызвало незлобивый смешок.

Яков Филиппович, проснувшись, даже похлопал сочувственно по плечу: ничего, мол, привыкнешь и ещё не так полюбишь:

– Лимон нюх обостряет, а коньяк, ежели в меру, мозги прочищает. Кому, впрочем, и беленькая не в тягость... – И покосился отчего-то на председателя.

– А знаете, Руслан Милославович, почему учёные препарируют лягушек? – вдруг спросил его Аркадий Наумыч.

Руслан проглотил лимон, не дожевав. Генерал явно застал врасплох его этим своим дурацким вопросом, за которым, безусловно, не мог не таиться какой-нибудь каверзный подтекст. Руслан посмотрел на генерала с недоумением, но тот выглядел вполне серьёзным, во всяком случае, маску на ли-

це держал непроницаемую.

– А я вам скажу! Совсем не потому, что лягушки им за это платят.

– В самом деле?! – не удержался от смешка Руслан.

– Да-да, молодой человек. Чтоб вы знали. Лягушек препарируют не потому, что они за это платят, а потому, что нам о себе знать хочется как можно больше, а с себя, с живого, шкуру сдирать больно...

То ли в самом деле жара притупляла чувство юмора, то ли генерал на сей раз был не в ударе, но, кроме рассказчика, никто не рассмеялся. Только председатель банка заметил вскользь:

– Смешно, и в самом деле! – И супруге: – Не забудь потом напомнить. На правлении расскажу – вот потеха-то будет.

Но генерал не привык сдаваться, и попытался-таки заполнить тягучий вечер анекдотами, но надолго его запала не хватило. За столом не были настроены веселиться без причин. Быть может, виною тому и в самом деле послужили капризы небесной канцелярии. Как бы там ни было, но завязалась вполне светская пресная беседа – ну, конечно же, о причудах погоды и глобальном потеплении, которое вовсе и не потепление даже, а, скорее, похолодание.

– Вот было б здорово, кабы льды растаяли, – размечталась Лёля, – и раскинулось вокруг море широкое. А мы на острове необитаемом.

– И вместо зимы опять наступило лето, – договорила за

сестру Жанна. – И выросли тут пальмы.

И обе дружно рассмеялись от того, какую чушь сморозили: нет-нет, не подумайте, мол, глупые какие вот, – не дуры мы, просто скучно нам.

Да и что тут думать?! Ведь ни дня, ни ночи не мидало без того, чтобы громовержец не казал свой своенравный лик. А на последнее время пришлись едва ли не все самые грозные и молниеносные ночи, на которые расщедрилось в тот разгульный год ветреное лето, богатое на ливни и разброд температур.

Унесёт громовержец своё свинцовое стадо, и наступит тишина да покой. В ушах долго звучит страшная музыка его раскатов, в глазах мерцают всполохи зарниц. И вздыхаешь от тоски по озону. И мнится пляска с огнём и мечами.

Ближе к закату насупилось небо, грозя засверкать, и вскоре, принеся с собой облегчение, напряжение в атмосфере и в груди нашло выход в разрядке. Начавшийся ливень не прекращался до самого рассвета под всевышнего салюты и раскаты канонады.

Руслан принял душ небесный, и был счастлив, как малый ребёнок, подставляя лицо дождю. И как будто бы видел себя со стороны. Стоит на берегу пруда, раскинув руки в стороны. Зарницы полыхают, выхватывая из мрака крест живой, омываемый небесным водопадом. И боженька окропляет из кувшина святой водицей чадо – земное, неразумное своё дитя.

Устраиваясь на ночлег, занавес алькова Руслан оставил плотно не прикрытым, чтоб во мраке ночи хоть тени теней можно было различить, случись, придёт она. Он верил – и не верил. Но ждал, как немислимого чуда.

Многим, сказывают люди, сладко спится под колыбельную, которую напевает дождь за окном, и капель дробь кося об оконное стекло да шум ветвей за окном убаюкивают растерзанные нервы, утишают тревожные мысли.

Но не тут-то было. Ночь сулила быть беспокойной. Проливной дождь терзал и, казалось, рвал на части кров над головой. Гремело. Сверкало. Пусть Руслан и упокоил тело на лежбище, зарылся с головой в подушки, но грезил наяву, и сон никак не шёл.

Вот отворится дверь, зашелестит юбка, и к его ногам не фурией, а волшебной феей бросится дивная женщина со слезами раскаяния на глазах. Она будет умолять простить, клясться и божиться. Он возьмёт её лицо в свои ладони, выпьет все горькие слёзы с глаз... И вдруг – чёрт те что! – он сжимает в своих руках её голову, а тела нет. Голова будто прилипла щеками к ладоням. Он стряхивает, но запястья запутались в косах, и не отнять руки. Те косы шевелятся, выются, и он видит, холодея от ужаса, что это не косы, а гадюки, и у каждой из пасти лезет язык, раздваиваясь надвое змеиными головами. И в руках у него уже не голова, а череп. Глазницы мерцают зловещим огнём. Он рвётся прочь, и крик уж готов сорваться с уст, когда вдруг слышит:

– Тишш... – как губы шепчут, и ласкают руки.

Кошмар кублом змеиным ещё шевелится в груди, и сердце бьётся, холодеют члены, и дыбом волосы стоят, но крик нейдёт... Задохнулся от насилья в долгом поцелуе. Обнять стремится или оттолкнуть – не может выпростать руки. Руки спутаны – растянуты. Ноги врозь – привязаны. Он распят. Не спит. Во власти губ и рук. Глаза открыл – и не поймёт, отчего трепещет плоть. Глаза сомкнул. Обмяк. Отдался поцелую. В ноздрях щекочет молоком парным:

– Тишш... – шипит, а не змея.

Руки гладят, обнимают.

Грудь губами трогают ему, в живот впиваются зубами и щекочут, лаская пах в глубоком поцелуе – выгибает, корчит судорогой в позовах страсть.

Альков задёрнут. Мрак. Ни лучика надежды, чтоб в крошечной темноте осветить загадку тайных ласк. И он без рук, без ног. Без памяти и вне себя.

Навалилась плоть на плоть. Прижалась грудь к груди. Прерывисто дыханье. Оседлала и, пришпорив, погнала вскачь его. Мелькают блики пред глазами, свист в ушах стоит.

Кончилось дыханье. Казалось, умер – и открылось новое дыханье.

Он уступил страсти умелой, сдавшись на милость и отдавшись во власть. Слилсь в порыве безумном. Как мог и не мог. Неведомой любви на растерзанье – без начала и без конца, едва не до лучиков рассвета...

Воскресенье началось – с купания в озере, полном лягушек, ни одну из которых, как ни паясь, ныряя с открытыми глазами к песчано-каменистому дну, так и не узрел он в зеленовато-мутных водах.

– Аркадий Наумыч, да вы распугали их! – воскликнул Руслан, выныривая, и чувствуя этакий мальчишеский задор в себе.

– Кого, лягушек? – откликается генерал, повышая запала тон. – Да вон же они – на берегу! Вглядитесь. Всё знакомые лица.

– Что, неужели заняли первые ряды в зрительном зале? – в унисон хохочет Руслан и взбивает вокруг себя руками фонтаны брызг.

Ну конечно же, как если б в цирке, восседают кружком лягушки у края воды и поглядывают на представление, а генерал откалывает номера им на потеху. Разве что не аплодируют, посмеиваясь, точно люди, наблюдающие за продвинутой обезьянкой, которую человек понуждает повторять за собой те или иные простейшие действия из своей родной стихии.

– Что-то я не вижу Якова Филипповича, – говорит Руслан, выходя на берег озера и осматриваясь по сторонам.

Зонтик на месте, удочка рядом, а качалка пуста.

– Дядя взял ружьё и на охоту пошёл.

Заметив недоверие в глазах молодого человека, генерал стёр с лица улыбку и сказал серьёзно:

– Утки к ужину давно обезглавлены, ощипаны, яблоками напичканы и ждут, когда повар сунет их в духовку. Быть может, слышали хлопки вон в том лесочке?

– Уже успел подстрелить?

– Вынужден разочаровать вас. Увы, не охотник с ружьём – мясник с отточенным тесаком ходил по их птичьей души. Ну а дядя по воскресеньям обычно отправляется с утра в лес по банкам пострелять. Та ещё дичь.

Руслан помотал головой и начинал склоняться к тому, чтобы поверить, нежели подвергнуть его слова сомнению. Генералы никогда не бросают слов на ветер, в чём он уже имел возможность не раз за эти дни убедиться.

– А если вы хотели знать, где сейчас Лёля с Жанной...

– Да нет, и не думал даже спрашивать.

– И напрасно. Прелестные девчонки. Я б на вашем месте – у-ух как хвост свой распушил!

– По-павлиньи?

– Пусть хоть и по-павлиньи, а что?

– Ну да, спасибошки уж. Чтоб Яков Филиппович чего доброго отстрелил?!

– Не перепутает хвостов, – смеётся генерал. – Не бойся, своих хвостов мы не рубим.

Слова генерала на этот раз не повергли его в смущение. Необычайная лёгкость и свобода овладели его чувствами, особенно после купания в озере, когда омытое тело особенно ощущает свою чистоту и свежесть.

– Ну да всё равно открою вам тайну, для полной ясности чтоб было. – Генерал набросил махровое полотенце на голову и тщательно промакивал краями брови. – Я освободил сестричек на часок – другой от своих обязанностей. Сразу после завтрака моя гвардия отправились на охоту – дядю сопровождать. Мало ли что?

– Наверное, правильно, возраст как-никак.

– Ну, возраст не возраст, а глаз да глаз за ним нужен. Да и мало ли какой леший выскочит из кустов?!

Руслан кивнул, не очень-то вдаваясь в смысл сказанного. Простота в общении приходила по мере того, как он осваивался здесь и привыкал к манерам тех, кто составлял новый круг его общения – достаточно тесный, как он начинал подозревать. Ни возраст, ни чин, ни положение – ничто, сдавалось, не играло своей обычной роли. И подобные нравы не могли не прийтись ему по сердцу. Вот только сёстры... Насколько волен – как с обслугой или как с равными вести себя?

А ещё Софья Андреевна. Её имя почти не упоминают всуе, да и вся её фигура окутана таинственным туманом.

Этакое беспечное облачко вдруг налетело и охмурило смятённое сердце.

Руслан вздохнул. Нахмурил лоб. Тревожили сомненья. Ежели с ним сыграли шутку, то шутка эта отнюдь не шуточной была. А ежели не шутка вовсе, то в чём коварство, что уготовано ещё ему на сон грядущий?

А что же, собственно, произошло такого из ряда вон выходящего? Ну, пускай: его любили. Связали руки, связали ноги – тем острее ощущения, тем загадочнее страсть. Ему не привыкать к любви и ласке. И вниманию, и заботе. К проявлению всяких нежностей да щедрот судьбы. Так к чему тут излишние слова? И терзанья не уместны. Разве не прекрасна была ночь, полная огня и ласки? Ему ль себя жалеть? Или корить?

Загадка сладка, пока не раскусил орешек тайны – и зёрнышком не подавился. И ленный праздный день, когда не можешь разгадать той ночи головоломку и маешься в безделье, не зная, куда деть себя до прихода новой ночи, прелюдией заманчивой пленит, бередя томительной мечтой его неокрепшую натуру.

На поздний завтрак к блинам со сметаной подтягивались в тень беседки все, но каждый в своё время, потому как воскресный жаркий полдень предполагает разброд и шатание. Часы отдохновения, когда покойное течение мысли не нарушают замысловатые причуды бытия, – почище будет ночи, что задаёт неразрешимые загадки.

– Так что, наш гость остаётся с нами ещё на одну ночь? – вдруг оторвалась от блина Татьяна Ивановна, и губы её были перепачканы сметаной, даже кончик носа замарала белой кляксой.

К чему она спросила? Перед глазами Руслана мысленно

всплыли догадок пёстрые чётки – и опять перебирает их, сомнений полон. Словно вынырнув из толщ глубоких вод своих раздумий, ответил ей определённо:

– Воскресенье – день пробок на дачных дорогах.

– Дороги – дороги, – нечто не совсем вразумительное пробурчал Станислав Вольтович и кивнул сообразно сказанному.

И будто извиняясь, Руслан обращается ко всем:

– Так что лучше я в понедельник двинусь в обратный путь, на исходе часа пик. Мне некуда спешить, чтоб спозаранку – да в пробку.

Татьяна Ивановна дожевала, облизалась, взяла салфетку и тщательно вытерла рот, нос и подбородок, и только затем, как бы в унисон супругу, согласилась:

– Будем только рады.

Её слова отозвались затейливым эхом в его груди. Он наморщил лоб, но тут же спохватился и сгладил морщинки признательной улыбкой.

– Резонно, – согласился генерал. – На ужин у нас сегодня утка с яблоками.

Похоже, за эти дни к нему уже успели попривыкнуть и даже искренне привязались, так что почему бы не допустить, что он уже вхож в их круг, что не чужой среди нечужих.

– В таком случае, – генерал берёт его под локоть, – предлагаю вам: давайте кончать с поздним завтраком, и пошли-ка растрясём жирок за партией в теннис. Матч-реванш?

– Ну, что ж, можно и так.

– Вызов принят!

Станислав Вольтович, как школьник, поднял руку над столом, да ещё и торчком выставил палец указательный.

– Одну секундочку, Аркадий Наумыч, – говорит он. – Чтоб потом уж не возвращаться к этому вопросу. Я займу внимание Руслана Милославовича на чуть, и тогда уж представлю нашего юного друга в ваше полное распоряжение.

– Да, конечно же, Станислав Вольтович, о чём речь?! – генерал поднял плечи и развёл руки в стороны: дескать, как вам будет угодно.

– Давайте, Руслан Милославович, мы договоримся с вами следующим образом. Понедельник – день тяжёлый. Вторник – мне тоже будет недосуг. А вот в среду я подумаю и в четверг... Нет, лучше в пятницу. С самого утра. Вы приходите, и мы с вами подробным образом обговариваем все наши планы на будущее. Пятница, оно – конечно: пробки на дорогах. Не самый удобный день для начинаний. Но до обеда, думаю, вы управитесь со всеми этими заявлениями и анкетами. И со следующего понедельника милости прошу приступить к своим служебным обязанностям. Видите ли, август – пора отпусков. Сентябрь – бархатный сезон. Так что вам придётся потрудиться в поте лица на всяких участках, замещая отпускников. И никаких кривых взглядов, толков за спиной, шпилек и тому подобной ерунды. Наоборот, все только вздохнут с облегчением. А дальше, поживём – уви-

дим. Ну как?

– Согласен, – ответил Руслан. – Замечательно. Даже и мечтать о таком не мог.

Председатель, надо признаться в ошибочности первых впечатлений, не только не пренебрегал звуками живой речи и взвешенными словами, но и умел быть лаконичным и точным, как цифры на бумаге и в уме, когда это ему было выгодно. Всё, видать, зависит от настроения, что и настораживает: ох, и хлебнёт же он ещё с ним – ох-хо-хо! Тот ещё гусь.

– Вот и ладненько. А сейчас не буду вам мешать – развлекайтесь вволю, коллега.

Руслан, как и в предыдущий раз, не мог собраться, взяв себя в руки, и играл неровно. Он вчистую сдал первую партию, потом вдруг выиграл, сам даже не понимая как, опять проиграл – и выиграл, а в последней пятой партии по-настоящему сосредоточился, не сдавая без боя ни одного очка. И выиграл бы, упорствуя, да чуть-чуть не повезло ему в самом финале затянувшейся партии: то сопля, то сетка не в его пользу роняет шарик. Всё ж таки уступил, опять на больше – меньше. Не расстроился – пожал, однако, сопернику руку с лёгкой улыбкой на губах. И был приятно удивлён при виде детской радости на лице генерала.

– Следующий раз, – говорит генерал, тяжело дыша, – я даже шанса вам не оставлю.

– Не сомневайтесь, – отвечает Руслан, – будете биты. Я только форму набираю. Так что готовьтесь.

– Через неделю?

Руслан неопределённо пожал плечами, не зная, что тут можно ответить.

Достойным завершением ночных приключений, как подумалось вдруг, было бы оставить его в полном одиночестве наедине со своими мыслями и переживаниями в постели холодной и пустой. Пускай помается, бедолага, помучится, без сна и в лихорадке. По-женски, очень даже по-женски, в соответствии с исконными законами кокетства. Пускай созреет – спелее, потомится – слаще будет плод. В том, видать, и соль, чтоб раззадорить и оставить на закуску.

Он хотел спросить генерала, а не вернулась ли Софья Андреевна, но тут же отбросил эту мысль. Затем хотел спросить, а будет ли она в следующие выходные... И тут же заказал себе даже думать, чтоб вслух не дай бог не прорвалось.

В запале борьбы за теннисным столом, Руслан не обратил внимания на то, что калитка открылась и объявился Яков Филиппович, с ружьём за плечом и в сопровождении прелестной стражи, чернявой и рыжей. Вскоре занял своё привычное место над берегом озера с удочкой в руках и задремал, носом клюя.

Сёстры расстелили на газоне, у подножия огромного гранитного валуна, клетчатый плед и заняли себя игрой в карты, время от времени бросая взгляды на играющих в теннис.

– Кто выиграл? – спросила Жанна, когда Руслан с генералом проходили мимо, обсуждая нюансы партии и всё ещё о

чём-то несущественном спора.

– Поздравляем, – хохотнула Лёля, бросая карту, когда генерал постучал себя кулаком гордо в грудь и, не задерживаясь, направил бодрый шаг к озеру, вернее, к дяде, чтоб поинтересоваться, насколько удачна была его охота.

Сёстры, не сговариваясь, вдруг чуть сдвинулись, освобождая для Руслана место.

– Присаживайтесь, – едва ли не в один голос предложили. – Не стесняйтесь.

– Да нет, спасибо. Я весь в мыле!

– Да что вы говорите?! – воскликнула Лёля, игриво интонируя.

– А в мыле – это как? – спросила Жанна, и тоже игриво, как если бы верила в слова.

– В мыле – это в пене.

– Как интересно!

– Сейчас пойду окунусь.

– И что?

– И вернусь обратно.

– Без мыла?

– И без пены?!

– Да ну вас! – засмеялся Руслан, чтоб чего не подумали, и убежал.

Когда он прыгнул в озеро, там уж поджидал его генерал. Охладившись в меру, Руслан подплыл поближе к крутому берегу, где на мосточке под зонтом сидел в кресле-качалке

Яков Филиппович с удочкой в руках.

– Извините, – сказал Руслан, держась на почтительном расстоянии от рыбака, – что рыбу вам распугиваю. Я сейчас уплыву, не буду мешать.

– Вряд ли, чтоб распугали. Моя рыба непуганая.

– И как сегодня улов?

Подплыл сзади генерал и смеётся:

– Рыбалка, как и охота, у дядюшки всегда удачные. Иначе и быть не может. Дело в том, что на леске нет крючка.

– А как же рыба клюёт? – не понял Руслан намёков, но вдруг догадался, что его попросту дурачат.

– Дядя не ловит – дядя кормит свою рыбку.

Не зная, верить ему на слово или нет, Руслан заглянул глубоко в глаза Якову Филипповичу. Старик не обманет.

– Племяш мой Аркаша вам правду рассказывает. С удочкой я люблю посидеть, это так, а вот убивать – вы уж извините меня за старческую сентиментальность – не считаю возможным. По этическим соображениям. Зачем множить всемирное зло, когда и без того оно роится вокруг нас? Я уже стар, и скоро мне ответ держать. Я не ловлю – я подкармливаю своих рыб.

Руслан не знал, что и подумать. Неужели не разыгрывают?! Но ведь странно как-то всё это выглядит. Он пожелал удачи и отплыл в задумчивости.

Так кто же – Лёля или Жанна? Жанна – или Лёля?! Вместе, что ль, – по-сестрински... И он нырнул, чувствуя,

что ему пора срочно остудиться. Гнать такие мысли прочь. Недолго ведь и перегореть до срока.

Он вынырнул, набрал полные лёгкие воздуха: те ночи, как небо и земля, различны и близки в единстве были, – и опять нырнул. Не дай бог, генерал прочитает его мысли, или заподозрит что – и вгонит в краску нескромными вопросами. С него станется.

Когда он вернулся к сёстрам, то они по-прежнему играли в подкидного. Причём с увлечением, если не сказать – с ожесточением швыряя карты. Уходя, он запомнил, что одна другой повесила семёрки, а другая – девятки. Теперь на погоны уже шли фигуры. Их партия близилась к завершению.

Дурачок-то подкидной, но какой-то странный, сплошь состоящий из одних любезностей. У каждой своя колода, свои козыри. И казалось, что они играют в поддавки: побеждает не тот, кто повесил погоны, а кому повесили. Почти как в жизни.

Он присел рядом и даже увлёкся игрой, наблюдая за ними. Выиграла Жанна: у неё на плечах красовались два туза, в то время как Лёля дошла всего лишь до дам.

– Поздравьте, – сказала Жанна, – сегодня мой верх!

– Поздравляю, – сказал Руслан.

– А мы с вами, выходит, товарищи по несчастью, – смеётся Лёля, завораживая слух весьма и весьма игривым тоном. – Вы ведь тоже проиграли?

– Увы, – вынужден был согласиться Руслан.

– Может быть, тоже хотите в картишки перекинуться? – спросила Жанна.

– Да нет, спасибо. Боюсь, что в карты я не силен.

– Тогда повезёт в любви, – и опять Лёля смеётся, как будто бы над ним и смеётся.

Руслан сделал вид, что не уловил намёка подозрительную соль.

Ему надо было уединиться. Привести себя в порядок. Навести порядок в мыслях. Взять в руки вожжи воли, чтоб обуздать движения неопытной натуры.

– Ой, прошу прощения, нам пора! – воскликнула Лёля, вскакивая на ноги с подстилки. – Генерал уходит.

– Служба, – уже на ходу бросила Жанна. – Извините.

Девушки убежали, точно бы налетел ветерок и унёс с собой пушинки – одну чёрную, другую рыжую. Тот ветерок, стало быть, поднял неуёмный генерал.

Руслан проводил их задумчивым взглядом.

– Аркадия Наумыча хлебом не корми – дай малинкой с куста полакомиться.

Руслан поднял взгляд на голос. Татьяна Ивановна, взяв супруга под руку, точнее было бы сказать – подмышку, прогуливалась мимо... босиком по зелёной травке. Станислав Вольтович был тоже бос. Лодыжки, сложенные из хрупких косточек, сиротливо торчали из широких штанин.

Руслан пошёл рядом, – пройтись кружок с ними да послушать, о чём знающие люди могут рассказать.

– Забавные сестрички, не правда ли? – вдруг спросила Татьяна Ивановна, и Руслану почудился намёк и в её словах.

Такое ощущение, будто тут заговор вокруг него плетётся, и он спросил, чтоб не отвечать прямо на вопрос щекотливый, а правда ли то, что говорил ему генерал, дескать охраняют его эти девушки, а если правда, так от кого ж они могут обещать его, кроме как от него же самого.

Татьяну Ивановну не смутил этакий словесный выверт, и она покачала головой, как если бы соглашаясь, и говорит:

– Когда Наум Филиппыч, министр наш, вернётся из командировки, он, может быть, и снимет с сынка непутёвого домашний арест. А до тех пор сестрички вынуждены присматривать за нашим генералом в обе пары пытливых глаз.

Руслан ничего – ну совершенно ничего не понимал. Но кивал, словно бы осмысливает фигуры сей речи диковинной. Не его ума, конечно, это дело, да вроде как чудно слышать такие слова. Ему казалось, что чем дольше он прислушивается, присматривается, пытаясь вникнуть в суть явлений и вещей, тем очевиднее не может свести концы одних мыслей с концами других мыслей, и вынужден прятать глаза, чтоб не выказать своего очевидного замешательства. У него было такое ощущение, что за решением одной загадки стоит иная загадка, и череде сих тайн не будет ни конца, ни края. Это как лестница, ведущая к заоблачным высотам познания, и пока не сообразишь, за познанием чего ты карабкаешься по лестнице той вверх, ты будешь как слепой котёнок во власти

случая и чьей-то прихоти.

Удар колокола, застав Руслана врасплох, звонил к вечеру. Тайной, мнилось. Он даже не заметил, как мысли съели время, и к ужину уже пора, а там, глядишь, ночь уж затаилась за чертою небосклона, снаряжаясь в скорый путь. И полон он смятения. И предчувствия едва не через край.

Удивляло, но не настораживало постоянство, с каким пастух лихой гнал стада курчавые свои по небу, лишь только солнце двигалось к закату. Ветерок крепчал, неся прохладу, и остужал пылающие щёки. И вот уж громовержец тут как тут. Взмахнул кнутом – хлопок. Зарницы снопом врозь. Как если б вспыхнул праздничный салют, небесным фейерверком разрывая в клочья мглу на горизонте дня и ночи.

Чем ближе час ночной, он весь трепещет от нетерпенья, и кусок не лезет в горло. А жуёт меж тем за обе щёки, едва замечая вкус чудесный.

Румяная уточка так вкусно пахнет, и яблочко внутри той уточки соблазн дарит – сочны, нежны лакомые кусочки да так во рту и тают. Вино прохладно и в меру терпко. Коньяк дурманит.

– Я пригласил нашего юного друга на следующие выходные погостить, – говорит вдруг генерал.

– Как же я сам не догадался? – досадует на старческую рассеянность Яков Филиппович. – Ну конечно же, Руслан Милославович, приезжайте непременно, и пораньше. Будем

только рады.

– Как оформите бумажки, так и трогайтесь в путь, – подержал Станислав Вольтович. – Успеете до пробок обернуться. А в понедельник с новыми силами – прямо в банк.

Руслан кивает, не в силах с мыслями собраться, чувств разброд познать.

Под разгул стихий небесных страсть бушует не на шутку. Руслан её смирят, пряча взгляд. А вокруг него глаза – блещут как пары фар на шоссе ночном.

– Спокойной ночи всем, – сказал, вставая из-за стола, Яков Филиппович. – Мне и моей почке пора на боковую.

И, опираясь на трость, поковылял к дому под зонтом.

Как только старик ушёл, тут же следом засобирались и председатель со своей супругой.

– Побудка ни свет ни заря, – вроде как извинилась Татьяна Ивановна за спешку, хотя по скрипучему тону, каким она сказала, и не подумаешь, будто она извиняла себя за ранний уход.

– Так что всем покойной ночи, – Станислав Вольтович открыл зонтик, поднял его высоко над головой едва не на вытянутую руку и, продев другую руку ей под локоть, решительно увлёк её по дорожке к ближайшему к беседке гостевому домику.

Казалось, что супруга подчинилась его воле, но покидала застолье нехотя. Провожая их взглядом, трудно было не усмехнуться: его макушка едва доходила ей до плеча, а

вширь, попытайся он заслонить супругу со спины, Станислав Вольтович, будучи ровно вдвое уже, прикрыл бы её разве что от плеча и до хребта, что особенно заметно было при вспышках молнии, когда бросаешь взгляд со стороны на пляску кривых теней.

– И в опочивальню шагом – арш! – хихикнула Лёля.

– На бок косточки сложить, и баиньки-баю, – поддержала шуточный тон Жанна.

– И баю-бай до самого утра, – оставила за собой последнюю словесную завитушку Лёля.

Руслану подумалось, что шутки могли достичь слуха супругов и произвести на них совсем уж неприятное впечатление, но тут же сообразил, что вне беседки шумел дождь, заглушая всякие звуки, и слышать они не могли, а если и услышали голоса, то не разобрали бы слов. Но всё равно, не хорошо как-то, неприятно за спиной, вернее – в спину, хотя и забавно чуть.

Вот такими же шуточками сестрички наверняка стреляли и ему в спину, когда он не слышал, и Руслан почувствовал лёгкую досаду, даже почудилось, что жар прилил к щёкам.

– Как жаль, – сказал вдруг генерал, вздохнув и не скрывая сожаленья от того, что вечер приблизился вплотную к ночи, и, к Руслану обращаясь, говорит: – По рюмочке на посошок?

Выпили, закусили лимончиком. Руслан стерпел, чтоб не скорчить на прощанье кривую рожу. Только крякнул.

– Молодец, вот так держать! – Воскликнул браво генерал,

хлопнул по плечу и говорит, понизив градуса тон: – Приятно было познакомиться.

– Взаимно, – отвечает Руслан и тянет руку.

– С нетерпением буду ждать, – сжал в крепком мужском пожатии протянутую ладонью кверху кисть руки и долго тряс, похрустывая косточками. – Надеюсь, что не за горами.

А что не за горами, что не за долами – того недосказал генерал: сам, дескать, должен догадываться. Развернулся кругом, едва не по-военному приставив к пятке пятку, открыл большой зонт и пошёл к дому, не оглядываясь назад. Сестрички, Жанна и Лёля, прыснув со смешком прощальным: пока-пока, – поскакали следом за своим генералом, укрывшись, как накидкой от дождя, пледом с головой.

Две колоды карт, ракетки и волан да гора посуды грязной – всё осталось на столе в беседке до утра вразброс лежать. Унылый натюрморт, и Руслан один – покинут на растерзанье дум туманных. Бушует дождь. И впереди его ждёт пустота, и будут мниться напролёт всю ночь её прекрасные глаза. Какого цвета, выраженья – не мог представить ни на миг.

И вдруг он замер, обомлев: всего одна неделя – как долго и как мимолётно время.

Глянул напоследок, ощутив привкус горечи на губах, и вышел из укрытия под дождь, что, вдруг усилившись до проливного, стоял сплошной стеной, подобный водопаду. Он брёл сначала по дорожке, мощённой брусчаткой красной, и мокрая кровавая тропа сверкала зловеще в отсветах молний,

что вонзались в землю вдалеке, потом ступил на траву и побрёл напрямки, чтоб остановиться у берега озера, чьи полные воды кипели и бурлили в темноте. Он сам себе казался таким одиноким и несчастным, каким бывает только щенок, которого вышвырнули в ненастную ночь из дома. И был он полон горьких мыслей – о себе, о непогодице, о жизни. Он готов был проклинать всё и вся на этом свете, другого света от роду не ведая и оттого не веря ни во что.

Руслан крестом раскинул руки, расставил ноги и лик свой обратил к бездонным грозным небесам. Рокот нарастал и приближался, съедая время между вспышками и раскатами грома с каждым порывом ветра. Одна за другой врезались с неба в землю зигзаги молнии.

Налетел ветер, едва не сбив с ног, – и враз затих, осиротив...

И вдруг ни капли с неба. Только зябкие мурашки побежали по спине. Ни молнии. Ни раскатов грома. Тишина. Мрак.

Провал... словно время оборвалось, и свернулось пространство....

Полыхнуло прямо над головой, выкресая из тьмы искру жизни, и тут же расколосось небо напополам. Оглушило, ослепило.

Земля на грудь свою – грудь неба приняла, расплющив небосклона круг, и пробудила древние инстинкты – стало жутко.

Набрал воздуха полные груди – на крик кричать: ну же, ну-у!!!

Бросить вызов в ясное ласковое небо – это одно, а лишь стоит там, в генштабе небесных войск, провести совершенно безобидные штабные учения, пальнув всего только холостыми зарядами, как сразу же до атома скукоживается твоё мелкотравчатое «я», и со всей очевидностью понимаешь, что ты ничтожество, бог весть что о себе возомнившее, – амёба жалкая, во сто крат мельче пылинки в космическом пространстве.

Где-то рядом раздался страшный треск: упала в овраге берёза.

И смирил порыв, приняв омовенье – водой чистейшей с разверзшихся небес: очищенье от мысли скверной, от чувств недобрых. И вошёл он в избушку на курьих ножках, будто в храм, шепча молитву в слепом благоговении.

Глядит – альков задёрнут. Трепещет сердце в ожидании. Отдёрнул занавес. Застыл. И онемел, как будто в вечность заглянув.

Верёвки петлями свисают.

Вошёл, и лёг на ложе. Прodel в те петли руки, ноги. Закрыл глаза, лежит и ждёт...

Свет померк – погас.

Бьётся сердце в заточенье – не умерить беспокойный стук его. Дыханье спёрло – не вдохнуть, не выдохнуть. Время медленно течёт. Он млеет и дрожит.

За окном полыхает пожар. Напряжение между небом и землёй отдаётся беспокойного предчувствия эхом в груди.

Половица скрипнула. Ёкнуло сердце. Дыхание в груди застыло. Он глядит во все глаза и видит: не воздушных шариков перевязь колышется на входе, то женщина идёт к нему. Неужели Татьяна Ивановна – собственной персоной в полном обнажении?! Одна – и вся его. Не может быть!

Она... и не одна. Следом Лёля, дальше Жанна.

Подошли нагие и обласкали кротко. На руки подняли и несут тот крест живой, трепещущий, не чуя веса над собой. Выносят за порог. Ставят на ноги. И видит он, как из мглы встаёт туман. Струится, серебрясь и обретая формы. Он ждёт и в нетерпении, как конь стреноженный, копытами напрасно бьёт о землю.

Она над озером видением плывёт, не касаясь вод ступнями. Она... Она...

Волос мохнатая папаха, врзлёт соболями брови. За спиной крылами воронными бурка с косицами паветру летит. Генерал!!! Не может быть... Под ним конь белый, в руках сверкает шашка. Лихим посвистом свистит. И молнии сверкают. Гром гремит.

Руслан отпрянул было, да руки крепко спутаны, ногой не шевельнёшь. Он обездвижен. Лишь сучит...

И вот уж грудью конской, сшибив, его на землю валят, копытом топчут, дают и вминают – только косточки хрустят.

Открыл глаза, тарашится, кричит, хрипит – лицом в по-

душку. И стынет в жилах кровь. Распят. Раздавлен. И придушен. Как тот медведь, что сгрёб да и подмял. Ломит. Рвёт. Терзает.

Кошмаром наяву обернулся сладкий сон, томлений тайной прежде полный.

От ласк тех незнакомых, грубых, со страху проистекает под себя, когда его пронзают, сажая будто бы на кол. Он рвётся, он кричит и стонет. Всё напрасно. Боль пронизывает – насквозь.

– Тишш, – шепчут губы, и запахом парного молока щекочет ноздри.

И ласкают руки нежно, лобзают губы крепко – воспаряет, простить готовый небреженья силу под ласк напором, а его опять пронзают, истязая. Пальцы чьих-то крепких рук запускают ногти острые в плоть его, хватают за волосы, рвут...

За шквалом налетает шквал.

Казалось, ни конца ни края не будет этому плачу небесному навзрыд, но вдруг словно кончились заряды, и ослабел налёт. Отсалютовав, однако ж, вспышки и разряды вмиг прыснули к разным временным пределам.

И серые глаза наивно выпадают из орбит, когда его пушинкой поднимают и сажают на кол – и ласкают и пронзают в одночасье. Потрошат едва не до нутра, выворачивая наизнанку, и вдруг бросают на пол – без сил, без чувств и без дыханья...

Просветлело за окном.

Босых ног шлепки по полу, половицы скрип, хлопнет дверь – и тишина, покой.

Гроза миновала. Редкие тяжёлые капли ещё точечно падали с неба и постукивали по крыше. Под колыбельную утихающего дождя умирялись рыдания спазмы...

Он помнит, как по-пластунски полз – и лучиком надежды просверкнула заря на восходе солнца, сорвав с глаз повязку ночи. Он сжимал кулак, чувствуя, что силы нет, ушла, – и руку не мог он даже приподнять. Не оторвать от пола члены. И только боль, и только стыд. Так и застыл – ни жив, ни мёртв. Надруган и убит. Лицом уткнувшись в деревянный пол, без чувств и без желаний он лежит...

Смешно сказать, но порой случается так, что в приступе негодования на несправедливое мироустройство, человек вздымает к небу глаза, высматривая там прячущийся за облаками лукавый лик всесильного создателя, и грозит кулаком, бросая вызов неведомой силе. А когда в ответ тряхнёт, извергнется, полыхнёт, окунёт, сотрёт и сдует, да так, что будешь рад, что неба голубой клок пускай с овчинку, но всё ж таки покажется, то ты уже букашка землеройная – ничто пред величием и гневом матушки-природы. Ищи норку, если хочешь, чтоб тебе позволено было закопаться и выжить, ибо из норки ты и выполз на свет божий, а выползши, возомнил себя богоизбранным. Отряхнулся – назвался богоравным.

А из тебя дерьмо течёт...

Ай – Ой и Ёй

Ёй и Ой (в один голос): Братец Ай! Гляди-ка, а не твоего ли покойничка несут вперёд ногами?

Ай: Моего?! Хм, не умея летать, опасно крылышками размахивать. Воспаришь невзначай в минуту лихую, но до бога всё равно ведь не долететь, а упав с высот по недоразумению небесных – редко кто не расшибётся о твердь земную. Стало быть, не моего несут вперёд ногами.

Ой: Опустили, стало быть, твоего Казановских. Без любви... Так ты, Ай, не совсем как бы и братец теперь нам? Неужель сестрица?!

Ай: Глупостей не болтай, а?! Видать, в школе у тебя была «двойка» не только по закону временному. Заруби себе на носу: половая принадлежность не по образу жизни и самоощущению определяется, а по способу размножения.

Ой: Что отнюдь не опровергает теорию относительности и изменчивости полов, перетекающих во времени из одного состояния в другое.

Ай: Которая, позволь заметить, отнюдь не отрицает аксиому о трёх основных родах – он, она, оно! Запомню, что ль?

Ёй: Мы что, на научный диспут тут собрались?! Не хватало ещё факультатив про род двойственный, общий и множе-

ственный прослушать, сидя на ветви дуба на краю кладбища. Что до меня, так я лично ничего плохого в женском начале не вижу, даже если она доминирует в начале мужском.

Ай: Ещё вопросы есть?

Ой: Не обижайся, братец Ай. Во мне никак не переброют человеческие чувства и предрассудки. Извини. Каюсь. Вместо того чтобы обижаться, ты лучше рассказал бы нам, как кончил-то твой Казановских.

Ёй: В каком смысле – кончил?

Ой: Однако ж, сестрица! Дура какая... Ведь в озере не утонешь – там можно только утопить. И выпрыгнув из окна, тоже не расшибёшься о твердь земную. Внизу травка мягкая, да и братец Ай давеча сам признал: высота не для взлёта. Разве что в петлю...

Ёй: В петлю он не голову – руки-ноги сунул, через край переполненный страстями, кои со страданиями спутал в приступе нечаянной гордыни.

Ой: От этого не кончают. Каков же был его конец? Просто сгораю от любопытства. Не от стыда ли сгорел, что надежды не сбылись?!

Ай: Кто сказал о крушении надежд? Не я, во всяком случае.

Ой: Так не томи уж. Разве он не кончил там свой путь земной?

Ай: Ты, братец Ой, оглянись вокруг себя. Мошка едва-едва проснулась. Комарик ещё кровушку человеческую не пил.

Думать прежде надо, чем языком своим глупым трёхать!
Времени-то сколько утекло?!

Ой: Как же мне прикажешь думать, ежели я здесь, с вами, а головушка моя там, уже в могилку схоронена? Сам лучше своей забубённой пораскинь!

Ёй: Так, братцы, либо рассказывайте – либо я пошла. Некогда мне с вами рассиживаться. Вместо того чтобы языками тут с вами перетирать, я лучше пару годков себе намою в озере.

Ой: Ты б, сестрица, поостереглась. В небесной канцелярии прознают – пеню какую начислят.

Ёй: Как-нибудь уж без твоих советов обойдусь. Оштрафуют на год, а я намою себя на дюжину – другую. Вот и считай – математик хренов. Если ты не заложишь меня – никто там и не чухнется. Делать им больше нечего, как за нами, мелочью пузатой, подглядывать с таких высот. Себе дороже.

Ай: Будет вам свары на пустом месте разводить. А ты, сестрица Ёй, даже не представляешь себе, насколько ты без малого – самоё провидение. Так что я, пожалуй, и о венце с концом и конце с венцом поведаю, но коротко, а вам судить. Но это уже совершенно иная история.

Ёй: Ладно уж цену себе набивать. Валяй свою историю – иную.

Ай: Жил-был мой герой в ладах с самим собой хотя недолго, зато богато и распутно. Счастливо, можно сказать. Многие завидовали. Да разве вы не читали в газетах?! История

эта много шуму в обществе земном наделала в своё время. И название передовицы было такое запоминающееся – «Часовых дел мастер и его будильник».

Ой: Нет, не читал и, увы, не слышал даже. А то бы непременно вспомнил и не переспрашивал.

Ай: Перескажу, впрочем, вкратце, если перебивать не будете.

Ёй: Я слышала! И читала, кстати. Мне и рассказывать, потому как люблю всякие истории про часы и часовщиков.

Ой: Да уж – помню твою историю с часами и кукушкой, в них издохшей.

Ай: Да будет вам уже! Что, в той жизни не напорились?

Ёй: А чего он?!

Ой: Ничего! Вызвалась рассказывать – так говори уж, и чтоб без намёков всяких там, кривых.

Ай: В самом деле, будь так любезна. А мы, пожалуй, послушаем да подправим.

Ой: Во-во! Ты рассказывай – я провидеть буду, а братец Ай пускай рассудит, кто прозорливее из нас двоих.

Ёй: Жил-был умный мальчик на свете, и полагал он себя умнее других мальчиков, а ещё у того мальчика была мечта: стать часовых, стало быть, дел мастером. Однажды, когда папы с мамой не было дома, он взял их будильник и разобрал на части. А потом, как ни старался собрать, ничего у него не получалось: то колёсики лишние, то не хватает ему шестерёнок, а главное, не ходит будильник своим мерным ходом.

А если стрелки крутишь пальцем – то не звонит. Испугался, плохиш, что сломал вещь, и никому о шkode своей слова не молвит. Сам не ест, гулять во двор не ходит, в игрушки не играет. Знай только, упрямец, каждую минуту пальцем по циферблату водит. Стрелку подведёт – и трезвонит, подражая губами будильнику.

Ай: Эх, мозги твои куриные! Читать, сестричка, читала, даже слова запомнила и сложила, а в толк так и не взяла. Таков был наш банкир Казановских. С той только разницей, что механизм его часиков работал исправно, да вот за давностью привычки его шаловливый пальчик стрелки переводит то вперёд, а то назад – и никто его за руку поймать не может.

Ей: Вот так-то. А ты, братец Ой, спрашиваешь ещё, не от стыда ли сгорел. Такие не горят. И не тонут.

Ой: И что?

Ай: Что – и? Ничего даже и не – и! Тут рук не рубят, это там – и руки, и иные конечности отсекают.

Ой: Так каков конец-то? Не пойму никак я ваших словесов.

Ай: Конец совсем не тот, что ты мог подумать сгоряча. Я же предупреждал. Тут совершенно иная история, причём глупая-преглупая, как и многое в нашей бестолковой жизни. Одним словом – беда.

Ей: Страшно люблю бедовые истории. Пожалуй, ещё послушаю. Пока то да сё... Вон, кстати, поглядите: копошатся на краю могилки – речи всякие хорошие произносят. Даже

гроб в землю не опускали. Прощаются – никак проститься не могут. Чудной народец, как поглядишь со стороны. Поминай теперь – не поминай, а нам всё равно. Страсти перегорели. Мёртвые чувств не имеют.

Ой: Да уж, сестрица Ёй. И не говори...

Ей: А что наш Казановских? Наконец хотелось бы услышать и понять, в чём соль-то – в чём удел судьбы его короткой.

Ай: Да весь сказ тут в двух словах. Был человек – нет человека. Оказия тому виной.

Ой: Ну – и?

Ай: Вот тебе и – и! Беда.

Ой: Шёл, что ли, ни о чём плохом не думал – вдруг сосулька...

Ей: Прямо с крыши – да на голову? Таков конец его производишь, что ль?

Ой: Конечно, нет. Поднял голову и смотрит: сосулька от крыши отрывается и падает.

Ей: Казановских падает?!

Ой: Тьфу ты! Какой Казановских?! Сосулька – падает. Сосулька. А Казановских в сторону отступил и – остутился. Поскользнулся и упал. А сосулька – та в другой стороне упала.

Ей: Насмерть?!

Ой: Кто на смерть?

Ей: Ну не сосулька же! Понятно, что Казановских рас-

шибся – насмерть.

Ой: Экая нетерпеливая! Просто ушиб копчик. Встал, потёр ссадину, отряхнулся и пошёл своей дорогой, – озираясь. Точно бы запомнить хотел то нехорошее место – на будущее узелок на память завязать.

Ей: И что в том такого? Я не слыхала, чтоб от памяти кто мог копыта отбросить.

Ой: А сама-то что – не от того ли, что без памяти, без любви, богу душу отдала?!

Ёй: Хватит уж попрекать! Сам-то в зеркало давно гляделся?

Ай: Так, оба – цыц, если хотите услышать конец!

Ёй: А что слышать, ежели ты, братец Ай, ничего не рассказываешь? Идёт, значит, твой. Голову задрал и под ноги не смотрит. А там в земле люк открытый...

Ой: Преисподнюю провидишь ему? Ишь ты что творится-то, а?! Разверзлась-таки земля – прямо под ногами!!!

Ёй: Какой в преисподнюю?! Куриные мозги! Соображать надо! Колодец канализационный...

Ой: А-а-а...

Ёй: Вот тебе и – а!

Ой: Угодил-таки! Разбился, захлебнулся, задохнулся – всё разом в тех сточных нечистотах? Какой ужас! Но разве так бывает?

Ёй: Знаешь, поживёшь, насмотришься всякого, так и думаешь, что ещё и не такое бывает на этом... то бишь – том

уже свете.

Ой: Сочувствую тебе, братец Ай. Такое претерпеть...

Ёй: Едва.

Ой: Что едва?

Ёй: Не беги, говорят тебе, впереди рассказа, когда я прозреваю. А ежели не хочешь слушать – так не слушай.

Ой: Да как же тебя слушать-то, сестрица Ёй, ежели ты не рассказываешь.

Ёй: Я говорю, а ты не слышишь, – едва, говорю, не угодил.

Ой: Так он не свалился, что ль, в колодец?

Ёй: Такие люди просто так не падают. Не простофиля был наш Казановских! Занёс уж было ногу над бездной – какой-то прохожий зевака схватил за плечо и отвратил. Спасибо сказать даже не успел – вдруг как шандарахнет что-то посреди ясного белого дня. Аж воздух задрожал. Казановских с испугу волчком и завертелся. Думал, быть может, стрельнул кто в него...

Ой: Молнией шаровой?

Ёй: Нет, не молния, не гром. И даже не киллер. Просто водила, видать, сэкономил на бензинчике. Заправил свою колымагу какой-то дрянью – вот и не переварил карбюратор коктейль из бурды с водицей.

Ой: Кажется, я начинаю подозревать, к чему история сия с неизбежностью клонится.

Ёй: Ну раз догадливый такой, так прозревай глубже, а мы послушаем.

Ой: Жажнуло, – похолодел Казановских, враз вспомнив всё: и гром, и молнию. Мозжит, иголочками покалывает в конечностях. Душа его рвётся на свободу.

Ёй: Защемило, думаешь, сердце?

Ой: Уж не знаю, что там защемило у него, а на дорогу он – не глядя. Да не передом, а задом наперёд...

Ёй: Надо полагать, один шёл задом, другой же, тот что за баранкой, вывернул голову назад: кто там палит ему вослед? Так и встретились два одиночества посреди своего жизненного пути, чтоб круто в узелок завернуть судьбину. Свет померк под визг тормозов... Ай-йай-йай!

Ай: Что – Ай?!

Ёй: А то! Помолчи-ка, коль сам не говоришь. Раз братец Ой взялся за рассказ, так пусть любезен будет прозреть до самого конца. А мы послушаем прозорливца – и рассудим. Рассказывай дальше, братец Ой.

Ой: Что тут рассказывать?! Шофёр нажал на тормоз, стоит и через лобовое стекло склабится на чудака, что задом вышел на дорогу. А потом как нажмёт на сигнал – Казановских как шарахнется куда глаза не глядят... В общем, зацепился ногой за бордюр и упал...

Ёй: Насмерть, что ль, на этот раз?!

Ой: Ну, насмерть или не насмерть – это уж не самое печальное.

Ёй: А что всего печальнее?

Ай: Печальней, спрашиваешь? Мороз и солнце – день чу-

десный: май уж на носу... Оглянись вокруг! Где капель?! Где сосульки?! Маяться уже пора – она всё назад глядит!

Ёй: Ах, да, да, да – в самом деле, как это я так сплеховала? Место – да, действие – да. А время – не то!

Ой: Ну – и? Не томи, прозорливая!

Ёй: Упал? Сломал ногу...

Ой: Я так и знал! Приехала машина с красным крестом – и фьить под голубое мерцание по встрече в клинику, а там уже люди в белых халатах и точат на него большой кривой скальпель.

Ай: Да, братец Ой, сказываешь, как будто в воду глядишь.

Ой: Не в воду – в зеркало!

Ай: Тебе виднее, что куда да как.

Ой: И?

Ай: Что – и?!

Ой: Вырезали?

Ай: Что вырезали?! У тебя, видать, одно на уме. У таких не вырезают – таких штопают да латают. На уроках по интуиции, верно, у тебя тоже «двойка» была? Может, даже вшили бы чего, окажись под рукой второй Борг. Да где ж их напасёшься таких, кто всем всё должен?! Кому новую почку, кому – ногу целую.

Ой: Ну, ногу-то отчекрыжили?!

Ёй: Ладно, допустим, отчекрыжили бы ногу – отняли и кому-то пришили. Но разве без ноги умирают?

Ай: Кто сказал – без ноги? При обеих ногах, причём сво-

их, зарубите себе на носу, остался мой герой. И ничего он не ломал.

Ёй: Так он что – живёхонек?

Ой: Что ты мелешь?! Разве живых закапывают во сыру землю?

Ёй: Случается – закапывают. Вот те крест! Сама видала. Давно это было. Хотя не со мной...

Ай: Да что же вы такое несёте, прозорливцы?! Так могло быть, и должно было случиться, как вы провидите, ежели б Казановских хоронили бы живым или мёртвым. Казановских не во гробу лежит, а ножками, причём обеими и здоровыми, землю грешную топчет.

Ёй и Ой (в один голос): Как ножками?!

Ай: А вот так – ножками, и всё тут. Просто отдал богу душу, а сам остался жить без души...

Ёй и Ой (в один голос): А это как?!

Ай: Душа как ушла в пятки – так и пустился он в бега. Я остался там, где дух свой испустил он...

Ёй и Ой (в один голос): Разве так бывает?!

Ай: От переизбытка чувств и слепой веры в собственный крест случается и не такая ещё беда. Чередой случайностей нелепых рука провидения его вела...

Ёй и Ой (в один голос): Братец Ай, но что же ты тогда делаешь здесь, с нами, на кладбище?

Ай: Что-что? Жду!

Ёй: А чего ждёшь-то?

Ай: Не могу же я с вами вознестись на небеса, а своего героя оставить жить здесь до скончания веков, – без души, без памяти. Меня там, наверху, не поймут – не примут.

Ой: Стало быть, ты своего потерял...

Ёй: Или он тебя?

Ёй и Ой (в один голос): А ждёшь-то чего?!

Ай: Раз Казановских отдал богу душу, стало быть, и меня рано или поздно призовут к себе – на суд божий.

Ёй и Ой (в один голос): Когда?!

Ай: Наверное, когда Казановских умрёт и тело его во сыру землю милосердные братья могильщики закопают. Без «я» ведь никак не обойтись человеку.

Ой: Так сколько ж, братец Ай, ждать тебе осталось?

Ай: Может быть, вечность. Может, половину или четвертину вечности. Но надеюсь хотя бы на осьмушку вечности...

Ёй спрыгивает с дуба:

– Ладно, бывайте! Присиделась тут с вами. – Подумала и изрекла напоследок: – Мою закопали, а я тут уши растопырила, время с вами попусту теряю. На девятый день, надеюсь, свидимся. Тогда и потолкуем по душам. Может, что и прояснится. Но попомните моё слово – говорю вам: неспроста всё это. Ох, и неспроста! Чую одним местом, что – неспроста.

Сказала – и во всю прыть к озеру припустила. Бултых в воды вешние, прямо в шкуре, и поплыла. Ой и Ай поглядели ей вослед да и сидят в задумчивости на той ветке дуба,

печально глядя на кладбище, на могилки, на скорбящих, что копошатся, подобно муравьям, в земле внизу под ними.

Вдруг Ай вздохнул горько, да и заключил на философский лад:

– Сам должен понимать, братец Ой: пути господни неисповедимы, особенно когда ему совсем до нас уж недосуг.

– Да уж, братец Ай. Без руки провидения не обошлось, как пить дать жаждущему. Но чтоб так?! Разве так бывает?

– Бывает, стало быть, и ничего тут не пропишешь наперёд.

Эпитафия

Швыряла гроза дождевые потоки,
Шарахалось небо, ревели басы.
Тревожною ночью тревожные строки
По слову ложатся на чьи-то весы.

Забывтое эхо ударило в души,
Дубовая где-то слетела кора,
И в мыслях всё делишь, черёд не наруша,
На «до» и на «после», на завтра – вчера.

Что, думалось, в жизни даётся в награду
За детство без детства, за судьбы отцов?
Дано ли природой цветущему саду
И в заморозь петь, тяжелеть от плодов?

Уж время прозреть, уж пора отрезвиться.
Да снова надежда подставит крыло,
И день позовёт, и строка заискрится –
И снова ты веришь, и снова тепло.

Над озером у кладбища рос дуб могучий Эпилог

Страшно далеки они от народа...

Владимир Ульянов (Ленин)

Похоронил братец Ой покойничков своих, и братец Ай помянул незлым тихим словом горькую долю свою, да и побрели к озеру прах земной с души смывать.

А из озера того навстречу им выходит дух Ий.

– Привет, братцы, вы куда намылились, – никак восвояси?

– Кой восвояси?! – отвечают те в один голос.

– Сегодня всего только день похорон, – уточнил Ой. – Ещё девятый день, потом сороковой. Да и память, поди ж, не просхла, чувства не остыли. Ещё рано нам в обратный путь.

– Везёт же вам! Скоро на свободу – на просторы родные, голубые. А мне кто скажет, сколько маяться здесь как неприкаянному?! Увидите кого – всем привет передавайте от меня. Пускай не поминают лихом. Похлопочите там, в небесной канцелярии, за душу мою горемычную.

– Ну, попал! С кем не бывает? Не держи в себе зла. Чего печалиться-то понапрасну?! Гуляй себе, пока гуляется, – отвечивал за обоих Ой.

– А ты, кстати, куда так спешишь? – вроде как с искоркой надежды спросил Ай.

– Да на митинг я! Послушать, кто к чему склоняется. Чую, срок моего заточенья близится к концу. Либо демократы, либо либералы Мумию из мавзолея понесут. Может, в землю и захоронят. Свобода!!! От жизни вечной, что была predeterminedена мне судьбиной немилосердной?

– Это сколько ж ты у нас тут без дела маешься? – переспросил Ай.

– Сколько-сколько?! Целый век без малого! Можно сказать, второй срок ни за что ни про что мотаю – за чужие грехи отдуваюсь.

– Ну, удачи! – в один голос воскликнули Ой и Ай – Желаем скорейшего высвобожденья.

– Тьфу-тьфу-тьфу. Трижды через левое плечо.

И побежал братец Ий своей беспокойной тропкой. Стал вдруг перед дубом тем как вкопанный. Трижды стукнул по стволу, обросшему толстой бесчувственной корой. И побежал без оглядки дальше.

Ой и Ай подошли к кусту ежевики чёрно-красной, колючей, выкопали каждый по глубокой ямке, сунули в ямки шкуры, а сами ямки те загребли. Прошлогодними сухими листьями притрусилы сверху. Ещё и повздорили чуть, кто больше себе прошлогодней дубовой листвы нагрёб.

И подошли к берегу озера.

– А что там сестричка Ёй говорила насчёт намывания год-

ков?

– Что-что! Будто сам не знаешь, что ль? Саженками от одного берега к другому, вишь, как без устали под себя гребёт?! Только брызги летят да волны без ветра вздымаются горами, берег точат волны те. Сплавает на ту сторону и вплавь вернётся обратно – ей годок и скостят. Новый срок намывает.

– Но это же нечестно!

– Все так делают.

– А если кто из небесной канцелярии подглядит да признает?

– А ты, думаешь, не видят, что ль? Там общество слепых да глухих заседает?! Всё видят, будь уверен. Если так и дальше пойдут дела земные, грешные, то всем нам век до полувека скостят – и на землю до срока отправят. Как миленькие, будем сверхурочно одухотворять земную плоть. Или как, думаешь, предложат размножаться прямо на небесах – плодиться платонически?! На-кась, выкуси! Душевный кризис на небесах грядёт. Не поспевает небесная канцелярия в ногу за временем – вот и глаза на дела земные закрывают. Ведают, да помалкивают, в лукавстве пребывая.

– А я всё равно боюсь.

– А я так нет, не боюсь уж вовсе ничего. Но у меня сегодня просто настроения нет. Да и лень замучила.

Братец Ой и братец Ай вошли в озеро, окунулись, да и поплыли на самую середину. Там они, по старой, конечно, привычке, набрали полные лёгкие воздуха и нырнули. Толь-

ко круги пошли по воде, а вскоре всплыли пузыри – и забулькало на поверхности, возмущая гладь, как будто бы вскипело озеро невзначай.

Кладбище внизу было старое, и потому перенаселено изрядно, негде даже оградки уже поставить, но молва о нём ходила нехорошая, тёмная, и особенно в последнее время не много желающих находилось, чтобы упокоить здесь навечно косточки свои, ну разве что те, кому всё равно уже или кто в сплетни не верит, а то бы давным-давно закрыли кладбище, и место под новое непременно дровосеки уже расчищали бы от деревьев в лесу.

А из деревьев тех доски пилили, из досок – гробы сколачивали.

Кладбище поросло сорными деревьями. Только дуб могучий и ветвистый крепко стоял в стороне, вросши в пригорок, на крутом берегу озера. Люди, случись кому тут проходить среди бела дня, обходили стороной тот дуб, и даже нехристи крестились суеверно.

На поляне глубокое озеро. Один высокий берег крут; тень от многовекового дуба падает до середины озера, и тут всегда сумеречно, как если бы ночь дневала, прикорнув до предвечного часа. А другой берег пологий, песок на берегу золотистый, и воды чистые, прозрачные, потому как днём в нём солнечные зайчики купаются и веселятся, а по ночам ясного сияния набираются звёзды и луна.

Не помнят воды озера, чтоб кто из людей даже ступни омочил, а окунуться с головой – чур меня! Чёртовым зовут люди это забвенное озеро, и сказы о нём всякие недобрые слагают.

В тихом омуте, дескать, сами знаете, кто водится.

Неправда всё это. От суеверий происходят всякие толки. Вода в озере незамутнённая. Со дна живые ключи бьют. И вряд ли кто из живущих припомнит хоть одну правдивую легенду об утопленниках. Вернее было б слагать им легенды о свежести и целительности вод, да некому святое слово в мир проронить.

Церквушку у кладбища сломали в лихолетье едва ли не с век тому назад, разобрали на кирпичи и растащили: в хозяйстве, мол, всё пригодится. Иконы распродали, а вырученную денежку пропили. Новую церквушку и думать возводить не думают: старое кладбище, дескать – перенаселённое.

За озером, на крутом берегу которого дуб стоит, раскинулось широкое некошеное поле. Говорят, на поле том росистом столько всяких трав луговых произрастает, что в пору это поле лугом аптекарским именовать. Ан нет, страждущая душа и та нейдёт на поле то.

Вдали дорога – грунтовая, прямоезжая.

Кто по дороге той идёт, скачет ли, едет ли, тот непременно ускоряет ход и косит испуганным глазом. Бывает, что и некрещёный да неверующий вдруг возьмёт да и перекрестится суеверно. Но смельчаков немного наберётся. Боль-

ше околицами путь свой держат. Загогулинами вышагивают. Потому каждый новый год по весне ещё куда ни шло, а к осени так дорога всё гуще порастает сорной травой. Когда-нибудь её в поле и вовсе глазом не различишь.

И только ветер вольный здесь с посвистом гуляет, завывая от тоски печальной.

Лифт в преисподнюю

Побоялся я уподобиться рабу ленивому...

Даниил, игумен русской земли

Три слова

Уговор дорожке смерти

Везде я проложил дороги,

Где людям не было пути...

Николай Филиппович Павлов

Вечера волшебные жалует сентябрь всякому, кому от рождения в награду за жизнь долгую и весомую уготована светлая печаль. Пожалуй, нет иной такой поры, когда б человек столь остро ощущал своё время. А ежели деньской жарок ещё и попестует нечаянно, да вдруг, остужая пыл, как просверкнёт на ночь глядячи молнией в густых иссиня-чёрных небесах, откашлявшись во след удаляющемуся лету ворчливыми перекатами грома, то восторгу при взгляде на красно-жёлтые языки грозового пламени угасающей природы не будет, кажется, ни конца, ни края. То упоенье в преддверии поры унылой, грязной и промозглой отдаётся в душе эхом острой кручины по жизни молодой и бесшабашной.

И не красоты природы тому виною – повинны причуды да тоска человеческая, обретающиеся во всякой груди, пускай даже, толкуют нам разные пустомели, напрочь опустошённой. Ведь души нет не у того, кто просеял чувства, а у того, кажется, сухо за душой, кто затаился в себе так глубоко-

ко, что не докопаться уж, а ежели кто из копателей душ человеческих невзначай отроет нечто эфирное, то не почует, не проведает, не поймёт.

Едва Яков Филиппович в сопровождении племянника вошёл в дом, как за спиной лукавой чертякой оскалились грозные небеса и горючие слёзы пролились на землю. Дождь упал водяной завесой, уже не оставляя ни в ком сомнений, что по-хозяйски хромой подругой жизни вваливается в твой двор привередливая осень, и с каждым днём природа будет только увядать, подобно человеку. Всякая натура неумолима, несмотря на потуги разума подменить собой божественное начало.

Аркадий Наумыч принял из рук дяди зонт и, пристроив у калошницы, проследовал за ним внутрь дома. За восьмиугольной аркой без дверей открывался просторный каминный зал, безмолвно взирающий на всяк входящего чёрных окон витража потухшими глазницами.

Задаваясь на ходу опрометчивым вопросом вслух, он даже не пытался скрывать сострадательных ноток в голосе:

– Вы, дядя, в чём-то, давеча мне показалось, хотели было покаяться?

Точно вспомнив что, Яков Филиппович остановился при входе в зал посередь проёма, и всем весом своего тела в задумчивости опёрся на трость. Казалось бы, он собирается с мыслями, прежде чем ответить племяннику прямо, без оби-

НЯКОВ.

– Бог с тобой, Аркаша! Почудилось тебе, верно, – небрежно обронил он, и лишь лукавая морщинка тронула кривизну его иссохших губ. – Рано звать священника к моему ложу, чтоб выслушал исповедь великого грешника пред дальней дорогой. Нет! Речь не обо мне.

Его племянник, Аркадий Наумыч, кожей вдруг почувял неладное и начинал уж млеть в томлении перед неизвестностью. Но как ни перебирал в мозгу всех дел последних мельчайшие загогулины, а ничего этакого, отчего бы почувствовать смятение да тревогу, не находил там. Неприятное ощущение беспокойства, однако ж, нарастало.

– Видишь ли, Аркаша... – дядя молвил так тихо, что племянник, чтобы расслышать тот шёпот, отлетающий поволе от шевеленья уст едва движимых, приблизился и, весь внимания, напрягся, всем своим видом изображая большое ухо: – Ежели б, допустим, и было в чём мне каяться, так ведь не перед кем.

– Тогда о чём сокрушаться?

– Ну вот разве что о том, что живу я за высоким забором, как в заточении. Пускай и не в тюрьме, но ведь тоже своего рода узилище. Всё тот же невольник.

– Но не сносить же стены бульдозером?! Допустим, решу я вопросы безопасности. На то я и генерал! Но выставлять на всеобщее обозрение частную жизнь?!

– Не лезь поперёд слова! – Вдруг осерчал с чего-то ста-

рик. – И глазом не моргнувши, давным-давно съёс бы каменную оградку в три метра высотой, чтоб восходы да закаты не загораживала. Но тогда меня окружают заборы чужие. Не велика разница, согласишься, – заключён ты по доброй воле либо по чужой.

– Не пойму я никак, куда вы клоните.

– Смешной ты, Аркаша, хотя и генерал уже. Не обо мне речь – о тебе словечко хочу замолвить.

– Боюсь, дядя, что слишком мудрёно вы толкуете – для моих мозгов, служивых.

Яков Филиппович усмехнулся, недоверчиво покачав головой.

– Не гневи бога и не умаляй себя напрасно – ни сомнениями, коих нет в тебе, ни лукавством. Страшный грех – врать самому себе. Нет, не нам с тобой играть в жмурки с судьбой, да казниться, да искать справедливости в дарованном нам свыше уделе. Не только в том счастье наше, что мы топчем эту землю, но и в том весьма, как матушку родимую притаптываем. А ты спрашиваешь, жалею ли о чём?

– Ничего такого я не спрашивал.

– Значит, подумал.

Вдруг будто что расколосось, и окна вспыхнули и задрожали, озаряемые языками пламени огня небесного, – весь дом содрогнулся от разряда. Свет в каминном зале просел на чуть... и подмигнул в потустороннем намёке своим недобрым оком. В глазах померкло.

Прищурившись, как кот, генерал скосил подозрительный взгляд на люстру, свисающую на цепях с высокого потолка. Никак и вправду потускнело в каминном зале, впору хоть очки на нос цеплять.

Бочком протиснувшись, он наконец обошёл дядю, что всё ещё мешкал в проёме, опершись на трость, и остановился посреди каминного зала. Широко расставил ноги, задрал кверху голову и уставился в потолок – на люстру положив свой подозрительный глаз.

Словно бы икота напала на лампочки электрические, и свет колебался.

– Ну разве что самую малость крушусь, – бормочет дядя задумчиво под нос, – о чём и мечтать иным не дано.

Аркадий Наумыч развернулся к нему лицом и позволил себе нахмурить свои крылатые брови, но молчал. Его упрямство проявлялось в том хладнокровном и безукоризненном такте, который он подчёркнуто и снисходительно проявлял по отношению к дяде как неизменно любящий племянник.

Дядю, однако ж, на мякине не проведёшь. С годами человек привыкает никому не верить, но при этом любящее сердце всегда готово поверить во всё, кроме того, что есть на самом деле, и бесконечно прощать.

– Аркаша, ты ведь знаешь. Не сына дороже – ты мне сына заменил родного. – От порога, точно бы всей вдруг открывшейся душой навстречу, обратился Яков Филиппович к племяннику и в порыве нахлынувших чувств даже сделал шаг

вперёд. – Да, бывает, ворчу по-стариковски...

– Дядя!

– Ну да, каркаю порой недоброй!

– Я вас очень люблю и уважаю.

– Знаю. И очень дорожу твоими чувствами. Поэтому пытаюсь достучаться. Надеюсь, не напрасно.

Яков Филиппович прошёл следом за племянником в зал и, подойдя к журнальному столику напротив камина, поднял с поверхности конверт, метнул исподтишка взгляд на племянника и тут же с силой швырнул конверт обратно на стол. Обернулся резко и, медленно наступая, издалика приподнял палкой в воздух свою трость, чтоб махом будто отмерять ритмы своим словам. Аркадий Наумыч, совершенно не чая столь яркого напора, ошарашен да и попятился.

– Конечно, отец твой, Наум Филиппович, – человек весьма строгих правил. Не в пример мне. Да не он один, – вообще обо мне много чего болтают. Бывает, справедливо. Что греха таить? А чаще – нет. И я не держу обид. Случается, зависть лишает людской разум ума...

Внезапно погас свет. Во всём доме. Лица поглотила темнота, растворив их обострённые черты. И только в глазах, отсвечиваясь рдеющими в очаге угольками, мерцали алые искорки огня.

– Вот те раз! – воскликнул Яков Филиппович, не скрывая разочарования, и в сердцах застучал палкой по паркету, прокладывая себе путь к креслу у камина, в котором едва-едва

тлели обуглившиеся головешки дров, источая тепло, но отнюдь не свет.

Даже в темноте, не различая черт лица, можно было ощутить, как эта неприятная оказия раздосадовала старика: он почувствовал себя слепцом, хотя его держали за провидца. Было слышно: полозья кресла-качалки скрипят чуть быстрее обычного, передавая дому настроение своего хозяина. Яков Филиппович с прищуром вглядывался... в черноту оконного стекла, словно бы за движением теней ожидал разглядеть во тьме тень нечистую – того, надо бы подозревать, кто спрятался во мгле и из мрака ночи подслушивает да подглядывает.

Генерал на ощупь долго и осторожно пробирался среди предметов мебели к дровнице в углу за камином, чтобы наконец по-свойски подбросить в топку пару поленьев. Взлетел сноп искр от той руки неловкой, осветив на мгновения догорающие головешки. Он подsunул бересты, пошевелил, и в очаге вспыхнуло, едва не опалив его руки.

В топке загудело.

Глядя, как дядя раскачивается в кресле, его племянник тоже присел, подвигаясь вместе с креслом поближе к пылающему очагу, да и поёжился, как будто ему вдруг стало то ли зябко, то ли страшно.

Взяв в руки распечатанный конверт, так чтобы отсвет пламени падал на зарозовевшую бумагу, он вопрошает уже, не скрывая своего удивления:

– Дядя, что это?

Яков Филиппович развернул кресло полубоком к огню, подставляя лучам хворую почку. Можно, конечно, бока согреть у камина, и то тепло отрадой обернётся, чуть рассеяв в лучах у очага невесёлые мотивы, что, завывая, уже напева-ет тоска, свернувшись калачиком где-то глубоко на илистом дне души. Но себя всё равно не проведёшь. Можно позво-лить кому-то обмануть себя. Он пожал плечами и приподнял воротник, зябко кутаясь в вязаную шерстяную тужурку.

– Пакет, – ответил племяннику и, помедлив, добавил небрежно: – Фельдъегерь доставил аккурат к полудню. Я ждал тебя и решил не беспокоить понапрасну.

Когда глаза попривыкли к темноте, а в камине языки пла-мени облизали поленьев бока, то можно было заметить, что, выползая из углов, зловещие тени уже шныряют по стенам, карабкаются по потолку, и временами кажется, будто ожи-вают миражи. Фата-моргана незаметно прокралась в дом и будто затаилась в ожидании своего часа.

– Нет, дядя. Я об электричестве. Нас что, посмели отре-зать от линии?

– Времена, дорогой мой племянник, быстро меняются, а мы – нет. Что и удручает.

– Да бросьте! Вы верно только что сказали: времена дру-гие, да люди прежние.

– Беда. Никто не хочет работать. Демократия хренова.

– При чём тут демократия?

– Никогда не понимал. И тебя сейчас не понимаю. Защитничек... Некие умники наконец растолковали людям, что жизнь человеческая – вещь одноразовая. Вот и пожинаем то, что посеяли. Ты-то сам веришь?! Откуда взяться в небе рыбе, а в море зайцу?!

И засопел, покрхтывая к собственному неудовольствию.

Впрочем, не надо было быть генералом, чтобы смекнуть: пятница... Дело к ночи. Ливень. Гроза... Дай бог, чтоб аварийка к утру на линию выехала – так должен предположить всякий, кто достаточно хорошо знаком с загородной жизнью и нравами, царящими на ближней окраине недалёкой цивилизации. Свет дадут лишь к полудню следующего дня.

– Мне не нравится ваше настроение, – говорит Аркадий Наумыч, пытаясь в темноте взглянуть в глаза дяде и угадать там хотя бы какой намёк. В его голосе звучит неподдельное беспокойство. – Как вы себя чувствуете?

– Я думал, ты спросишь, а почему пакет вскрыт?

– В самом деле, а почему вскрыт?

– Я вскрыл.

– Вы, дядя?! Зачем?

– Чтобы прочитать. Зачем ещё вскрывают чужую почту?

– Ну да, разумеется, – задумчиво теребя в руках конверт, пробормотал Аркадий Наумыч.

Но замешательство длилось недолго. Растерянность уступила раздражению, и Аркадий Наумыч, похоже, решил сорвать зло хоть на ком-то. Бросил конверт на стол да как за-

кричит:

– Али!!! Чёрт бы тебя побрал, ты где шляешься, а?!

– Генерал ругаться плоха. Я тут, в углу шляюсь.

– Не фиг тебе в углу делать. Почему света нет?

– Али не знает. Али думает, дождь и гром – плоха мастер

чинил.

– И без подсказок уже догадался. А станция на что? Я только за автоматику две штуки баксов выложил. Иди! Дёрни рубильник.

– Низя рубильник. Саляра нет.

– А почему солярки не закупил?

– Лета.

– Какое, к чёрту, тебе лето?!

– Солнца был вчера.

– Осень уже давно на дворе. Того и гляди: скоро снег повалит.

– Всё равно лета. Не нужна была. В понедельник заказать.

– Ну хоть канистру раздобудь где, а?

– Низя канистра. Форсунка не продута.

– Какая ещё, к чёрту, форсунка? У нас же дизель!

– Всё равно плохая форсунка. Очень грязная. Саляра старый, нехороший.

– Ладно, пускай будет по-твоему. Ну и что, ничего нельзя сделать, что ль?

– Низя. Была тарихтелка. За верёвка дёрнула – затарихтела. Бензина кушала. Я говорила генерал. Генерал не слу-

шала. Тарахтелка выбросить. Соседа помойка взяла. Соседа нету. Тарахтелка нету. Света нету.

– Да ну тебя, балаболка! – уже беря примирительную ноту, незло ворчит Аркадий Наумыч. – И что прикажешь теперь делать?!

– Али свечка несёт. Много-много свечка света будет. Дождь и гроза слушать.

– Ну так неси же, чего истукан истуканом сидишь?!

Не прошло и пяти минут, как Али внёс свечи в подсвечниках, и в ожившем тенями зале просветлело на чуть. Один подсвечник Али поставил на журнальный столик – напротив камина, между дядей и племянником. И ждёт дальнейших распоряжений, глядя на хозяина с собачьим выражением в глазах, ну разве что, выражая преданность чувств и помыслов, не завилял хвостом, которым как-то не пришлось ему ещё обжиться.

– Подбрось поленьев в камин и ступай, – велит Яков Филиппович. – Да, погоди! И принеси коньяку, лимон и мне большую сигару.

– Дядя, вам врач не велел...

Дядя не ответил – племянник не посмел настаивать.

Али в точности и быстро исполнил все распоряжения хозяина, и уже стоит подле в ожидании новых указаний.

– У нас серьёзный разговор, – наказывает Яков Филиппович слуге. – Если кто будет спрашивать, скажешь, что я занят, и я-де не велел беспокоить, кроме как по крайней необ-

ходимости. Сегодня я никого не жду и не принимаю. Ты понял меня?

Али кивнул.

– Тогда ступай.

Али поклонился и, бесшумно ступая ватными бахилами по паркету, вышел из зала, плотно притворив за спиной дверь.

Аркадий Наумыч меж тем разглядывал в дрожащем свете пламени свечей содержимое конверта. На пригласительном билете было написано от руки красивым круглым почерком с завитушками:

Прошу Вас прибыть завтра к 20.00.

Без опозданий.

Форма одежды – светская.

Адрес и схему проезда генерал нашёл на оборотной стороне пригласительного билета.

– Я, дядя, завидую вам белой завистью, – проговорил он в заоблачной задумчивости, всё ещё теребя в руках пригласительный билет. Губы чуть тронулись завитками мечтательности, и в уголках поселилась загадочная улыбка. – Такого, как Али, ещё поискать надо. Вот только не больно вышколен...

Дядя с нескрываемым выражением любопытства в глазах подглядывал за племянником, и его губы тоже осветила всё понимающая улыбка. Меж тем он отвечал:

– Али не адъютант. И каблуками щёлкать не приучен. Даже не денщик. Он обычный слуга. Слуга всевышнего. Али меня за бога почитает, а это, знаешь ли, совершенно иное.

– Ну, вы-то для него и в самом деле как сам господь...

– Ты знаешь, Аркаша, что я имею в виду.

Аркадий Наумыч всё с тем же задумчивым видом отложил в сторону конверт. Щёлкнул портсигар, щёлкнула зажигалка, и облачко дыма в свете дрожащего пламени свечей потянулось к жерлу камина. Закурив, он взял в руки бокал с коньяком и пригубил.

– А впрочем, – говорит Яков Филиппович, обращаясь к племяннику, – так, без электричества, даже лучше. Соответствующе обстоятельствам.

– Каким обстоятельствам?! – Встрепенулся вдруг Аркадий Наумыч.

– Жаль только, что музыканта не позвали.

– Какого ещё музыканта?!

– На будущее, – заметил Яков Филиппович, и в его голосе зазвучало нечто такое, что не могло не успокаивать мятежных чувств тревогу, – надо бы приглашать пианиста, чтоб сопровождал вечера соответствующей обстоятельствам музыкой, и обязательно при свечах. С выключенным светом. Где только найти такого, чтоб слепой да глухой разом был, а музыку кожей чувствовал? Так что дождь и гроза с молнией, за неимением более щадящего нервы аккомпанемента, весьма и весьма соответствуют...

– Нет, я, конечно, поищу слепого музыканта, но ещё чтоб глухой...

– Оставь! Пустое. Это я так, к слову сказал.

– Дядя, вам нездоровится?

– Мне – нездоровится?! Ха! Да я не помню, когда бы чувствовал себя лучше. Я не здоров, как бык, я любого быка здоровее!

Честно говоря, будучи посвящённым в тайны образа его жизни, трудно было не признать правоту этих самонадеянных слов. Можно, впрочем, только мечтать: за восьмой десяток хорошо перевалило, а ему хоть бы хны – и даже к девкам бегают. Такое впечатление, будто с годами он становится не только умнее и выдержаннее, но и крепче. Вот только настроение духа подкачать бы.

– Все, кто был близок мне, ушли – или одной ногой уже там, за чертой. – Голос дяди звучал заунывнее осеннего ветра, что завывал за чёрным оконным стеклом. – Никого не осталось на всём белом свете. Один ты родной. Тревожно мне.

Лицо генерала, в свете дрожащего огня, ожило движением черт да бегом теней.

Яков Филиппович отсёк гильотиной кончик сигары, опалил его по краям, затем смочил в бокале с коньяком и, вставив в рот, принялся, причмокивая, медленно раскуривать с толстого конца.

Большая сигара долго курится, обстоятельно, как и слова,

которые требуют, чтоб не только слушали, но и чтоб с душевным трепетом внимали им, ибо суть не в словах, а в том, что за словами кроется.

– Ты задумал... принять приглашение, да? – наконец прервал старик затянувшееся молчание.

– Софья Андревна – женщина ангельского образа...

– Забудь!

– Что забыть?

– Забудь даже думать!

– Вы меня пугаете, дядя.

– Я с Софьей Андревной связан тесно – пожизненным договором, и каждый своё слово блюдёт пуще, нежели генералиссимус собственный мундир. Как видишь, жив и даже преуспеваю, а иные – сам знаешь, на какой свалке жизни нашли себе приют. На кладбище.

– Дядя, я не понимаю.

– Каждый человек ведёт свою собственную игру, но с Софьей Андревной я бы тебе играть не советовал. По трём приоткрывшимся случайному взгляду картам разгадывать пасьянсы, которые она раскладывает... нет, не нам, топтателям земли родимой. Оставь надежды всяк глядящий в её зелёные глаза.

– Скажите мне, дядя, прямо, к чему вы клоните?

– В душеприказчики я не нанимался, ни в духовники... Я больше делами земными интересуюсь. И тебе того советую. Поэтому очень долго живу, так долго, что уже боюсь и

задаться вопросом, а где же заблудила моя безногая карга с клюкой? Во всяком случае, Софья Андревна всегда уверяла, что если горбатая стучит в дверь, то эту дверь не следует открывать. Постучит, да так ни с чем и уберётся восвояси. И чем дольше живу, чем дольше знаюсь с Софьей Андревной, тем больше веры её словам... Я-то договор скрепил, но вглядывался ли тогда, с кем подписывал да каковы его условия? Не напрасно сказывают сведущие люди, будто в каждой женщине свой бес сидит, а в каждом человеке – свой бог.

– Да полноте!

– То-то и оно! Зачем просить у бога того, чего можно спросить с завхоза?!

Генерал невольно усмехнулся.

– Не твоя вина – беда, что ты даже вообразить не можешь, как это выпасть из своего времени и остаться один на один с самим собой пред ликом вечности.

Аркадий Наумыч хотел было сказать, но промолчал, чтобы не перечить.

– Ты думаешь, я смерти боюсь? – внушал Яков Филиппович. – Пуще смерти человек должен бояться, что смерть во все никогда не пожалует. Ибо смерть, чтоб ты знал, дарована человеку в награду за жизнь.

– Дядя, вы мне пеняете с укором во взгляде и горечью в словах, а делитесь со мной собственными печальями, которые я готов, разумеется, разделить... Но я отказываюсь понимать, при чём тут я. В чём прегрешения мои, на которые

вы намекаете!

Во взгляде племянника читалась некоторая недосказанность – как фигура умолчания: толкуете, дескать, о горькой судьбе собаки, что среди собачьей шумной свадьбы тоскует по цепи, с которой по недоразумению как-то с дуру сорвалась и вкусила жизни вольной и голодной...

– Ты же пойми, Аркаша, не только дела и деяния – слова наши с неопределённого времени начинают учреждать иную реальность. Именно поэтому в мои времена, случалось, людей даже казнили за бездумно оброненное словечко.

– Но в чём моя вина?

Вперившись в непроглядную черноту холодного стекла, Яков Филиппович так и застыл, и только кресло-качалка поскрипывала, раскачиваясь в тишине – туда, сюда. Скрип-скрип-скрип-скрип... Глаза застекленели и, подобно холодному окну в ночи, отражали всякий свет, не позволяя ни лучику просочиться в себя и рассеять сгустившийся там сумрак недобрых предчувствий. Свой взгляд Яков Филиппович будто вовнутрь обращал.

И вдруг голос зазвучал особенно проникновенно, как будто бы говорящий вкладывает в слова всю силу убеждения, на которую способен не разум, а душа, – как будто бы из неведомых глубин извлекал свои слова:

– Я не вечен, даже не бессмертен... Я – неумираемый! Когда проповедуют бессмертие души – сами мечтают о бессмертии тела. Ибо тот, кто овладеет таинством жизни, тот и

будет властвовать не только над жизнью, но и над смертью.

– Я всё равно не понимаю, – покачал головой Аркадий Наумыч, и его губы тронула глуповатая с виду кривизна беспечной улыбки.

Генералы не приучены держать свои души нараспашку. Казать себя глупее, нежели ты есть на самом деле, – обыкновение бывалых и умудрённых. Ума генералу на стороне было не занимать, ну разве что извилины его, весьма глубокие, были чуточку спрямлены рьяной и долгой службой на благо отечества.

– Чувствую, однако же, что не достучался до тебя. А жаль. Искус, который дарит Софья Андревна, столь велик, что не вынести обычному смертному. Но душа моя покойна: я тебя предупредил, а дальше... Думай сам. Но запомни твёрдо: что бы и как бы там ни сложилось, а я тебя, как кровиночку родимую, не сдам, чего бы это мне ни стоило...

Меж тем ночь покрыла вечер, и порывы ветра уже горстями швыряют полновесные капли в стекло. И ненастье за окном не может не удручать, случись вдруг ненароком посетила тебя унылая грусть и угрызает муками раскаяния.

Без четверти восемь вечера большая чёрная машина остановилась на той самой заветной площади, мощённой булыжником, где машинам вовсе не полагалось бы быть. Из машины вышел стройный мужчина в элегантном длинном плаще, в шляпе и с зонтом в руке. В другой руке он держал большой

букет алых роз.

Здание старинного особняка, добрая половина которого вросла в землю и должна была бы по обычаю называться подвалом, занимало угловую часть двух сходящихся улочек. С торца помпезное крыльцо пристроено, – новодел, с мраморными ступенями и дверями в два человеческих роста, вёл как раз на второй этаж, где некогда, видать по замыслу архитектора, было место балкону. Над самым входом, на коньке крыши, казалось слишком тесно даже для той невзрачной театральной афишки, которую сквозь морозящий пылью дождь и разглядывать-то ниже всякого достоинства. Тем более странно, что у входа снуют какие-то люди и спрашивают у прохожих, а нет ли лишнего билетика. Впрочем, пускай не большой, даже не малый театр, пускай на первый взгляд захудалый, но всё ж таки храм лицедейных искусств, а значит, здесь возможны всякие чудеса, в том числе и расширяющееся по мере действия внутреннее пространство.

Мужчина, а это и был Аркадий Наумыч собственной персоной, вошёл внутрь, подал приглашительный билет, прошёл в фойе и важно огляделся. Изнутри здание тоже мало напоминало театр – тут, скорее бы, музею или ресторану быть. В обмен на плащ и шляпу с зонтом, гардеробщик выдал программку и бинокль.

Аркадий Наумыч отказывался понимать, с чего бы это вздумалось Софье Андреевне именно здесь назначить ему свидание, тем более что никогда и слыхом-то не слыхал, чтоб

в заядлых театралках кто числил её. Тем не менее, он не удивлялся выбору места и времени: надо полагать, не только промысел божий, но и причуды очаровательных созданий – неисповедимы.

Дышалось Аркадию Наумычу неровно.

Он не посмел отлучиться в буфет, чтобы опрокинуть для бодрости рюмашку коньяку под сигаретку, и остался на посту, выглядывая с высоты орлиным взором всяк входящего в чрево храма лицедейных искусств. И был едва ли не немедленно вознаграждён за терпение и стойкость прекрасным её явлением, достойным кисти художника, ежели б тому холстом служил лёд, а красками – снега. Аж дух захватило, когда взглядом издалека поймал её взгляд, – и устремился навстречу с букетом цветов. Софья Андреевна привечала его с прохладцей.

Как снежная королева – вся в белом. Бледные жемчужно-розовые губы. Сиятельные, изумрудами чистейшей воды лучатся глаза.

Несвойственная его стану и театральным обстоятельствам, робость вдруг овладела генералом, когда коснулся губами небрежно протянутой ему на одно лишь мимолётное мгновение руки – не удержать в своих ладонях, не испытать тепла от прикосновения к чудесному, волшебному, чарующему. Кольнуло – задело: как будто деловое свидание. Он ощущал натянутость и принуждённость, а мечтал о лёгкости и надеялся на флирт.

В пять минут девятого они уже располагались в отдельной ложе, и для Аркадия Наумыча этот загадочный, таинственный вечер в театре начинал наполняться волшебством. Чуть-чуть кружилась голова, когда он бросал быстрый взгляд вниз, в партер, что заполнялся публикой под характерный гул с призвуком перекастистого эха под сводами. Но страха высоты не выказывал. Он ждал, не смея заговорить первым и тем самым разрушить изрядно затянувшийся послед очарования.

– Вы знаете, Аркадий Наумыч, – отвечала, словно бы отгадав его мысли, Софья Андреевна на незаданный им вслух вопрос, – что мнение моё о вас не очень высокое. Но после случая с Казановских-младшим вы просто пали в моих глазах, так что я даже не хотела ни видеть вас, ни слышать о вас. Я даже запретила в моём присутствии упоминать ваше имя.

– Софья Андреевна, голубушка, помилуйте! Да что ж такое вы говорите?!

– Не перебивайте. Исключительно благодаря тому, что вам покровительствует ваш дядя, я всё ж таки склоняюсь к тому, чтобы терпеть вас где-то по соседству.

– Ну, слава богу, слава богу! Вы меня просто к жизни вернули!

Софья Андреевна вдруг оскалилась, и зубы сверкнули будто лезвие клинка на солнце. Надо было быть столь бравым и бесстрашным, каким и чувствовал себя генерал по жизни, чтобы холодный пот не прошиб, когда кровь в жилах

стынет.

– Доверия моего вы пока что не заслуживаете, и, тем не менее, я считаю, вы отнюдь не потерянный пока что для меня материал. Наверное, стоит нам сойтись поближе.

Аркадий Наумыч весь будто сжался в единый трепещущий комок, готовясь к душевному порыву, как тот нежного цветка созревший бутон, который, миг покрывшись росой, со всей своей пылкой страстью распускается навстречу восходящему на горизонте солнцу, – и уж так и сыплет он комплиментами до самоуничижительных определений:

– Я б своими бровями до блеска начистил мысики ваших туфелек, лишь бы только снискать ваш благосклонный взгляд...

Она приподняла кверху бровь, и он замолк мгновенно. Прозвучал первый звонок, и генерал зашептал:

– Это была просто шутка. Я имел честь лично объясниться с Казановских-старшим. Ну, приключился, дескать, небольшой казус. С кем по неопытности не бывает? Казановских-старший, скрепя сердце, вынужден был признать правоту моих доводов. Молодой человек счёл, будто это я его изнасиловал, когда никто вовсе не собирался насиловать его. Слава богу, недоразумение разрешилось самым естественным образом. Затем я имел объяснение с молодым человеком, и Руслан принёс мне свои извинения. Мы пожали друг другу руки, по-дружески обнялись... и я почувствовал лёгкий трепет, исходящий от него. Поэтому я принял решение,

на правах старшего и более опытного товарища, откровенно обсудить многие стороны интимной жизни...

Раздался второй звонок, а Аркадий Наумыч, будто не слыша, продолжал торопливо оправдываться:

– Кстати, Софья Андревна, а вы знаете, что Руслан Казановских имел не очень продолжительный, но весьма бурный роман? И это после всего того, что он, как сам утверждает, пережил! Причём сразу с обеими сестричками. Кто бы только мог подумать?! Хм, губа не дура. Весьма очаровательные и пылкие создания, впрочем. Одна рыженькая, другая чёрненькая...

– Наслышана изрядно об этих бестиях. Надо будет повнимательнее к ним приглядеться.

– Ну, молод, не опытен, а самомнение – просто через край. Его немножко полюбили, чуть позабавились, а он – едва не изнасиловали. Избалован больно, я так скажу. И нежен, как недотрога. Кто по молодости не питал несбыточных иллюзий?

– Роман закончился?

– Да, Жанна его бросила, а он так распереживался, что после разрыва с Жанной выбросил из сердца заодно и Лёлю. И кто кого, скажите мне, тут насиловал?!

Софья Андреевна, придав лёгкую кривизну банту уст своих, чуть допустила искорки в зелень глаз – и ожила саркастическим любопытством на лице.

– Теперь же, после всего, что случилось с Русланом Каза-

новских, – генерал спешил высловить свои благородные помыслы, – я чувствую себя ответственным за его судьбу.

Она позволила себе лёгкий смешок и говорит:

– Не долее, как три дня тому назад, сей робкий мальчик стоял посреди улицы передо мной на коленях, не стесняясь толпы зевак, каялся и умолял. Он едва не напугал меня своей страстностью.

– Убью! – сжав кулаки, с жаром воскликнул Аркадий Наумыч.

– Это уж как вам угодно будет.

– Могу только представить, что он вам наговорил!

– Нет, не можете. Даже не представляете. Он мечтал о том, чтобы это была я – та, которая пришла к нему в ночи и изнасиловала.

– Он что, совсем с ума сошёл?!

– Я бы так не стала утверждать. Вы знаете, что я в самом деле могу изнасиловать, а иногда именно таким образом и поступаю, когда это считаю для себя полезным. Но насилие претит моим чувствам и противно убеждениям.

– Если я вам по секрету признаюсь, – Аркадий Наумыч пытается взглянуть прямо в глаза ей, – что я тоже мечтал бы, чтоб вы меня изнасиловали, то не обижу ли я вас таким своим откровенным признанием?

– Я подумаю над вашим предложением, – усмехнулась Софья Андреевна, не оставляя ему и намёка на надежду. И вдруг впервые позволила себе волнительные шероховато-

сти в ровном тоне голоса, совершенно бесстрастном до сего мгновения: – Ваш главный враг – вы сам себе и есть.

– Это почему же?

– Если не в состоянии познавать мир, – опять впадая в состояние отчуждённой задумчивости, молвит Софья Андреевна, как будто бы рассуждая про себя, – то хотя бы создай свой собственный убогий мирок и не млей, ежели где чуть что зашебаршит в прошлогодней пожухлой листве. – И вдруг спросила Софья Андреевна: – Ведь вы, генерал, кажется, даже не мечтатель?

– Ещё какой мечтатель, когда думаю о вас!

– Ну, в данном случае, это уже – ваше наказание... – лёгкая улыбка тронула завязь её уст, и Софья Андреевна, очевидно утратив интерес к разговору, обратила взгляд к сцене, задёрнутой бархатным красным занавесом с горчичного цвета подолом. – Впрочем, давайте помолчим. Всё только начинается.

Раздался третий звонок.

В зале воцарилась напряжённая тишина, точно бы все замерли в предвкушении того момента, когда начнёт мягко гаснуть свет. Пауза затягивалась. И Аркадий Наумыч вдруг вспомнил о программке, которую нервно мял в руках, так и не заглянув в неё даже краем глаза.

Но только лишь, поёрзав, разместился с удобством в своём большом мягком кресле и раскрыл программку, как погас свет – и внезапно хоть глаз коли.

– Вот тебе раз! – возроптал от неожиданности Аркадий Наумыч, едва не испугавшись темноты и тишины. И щёлкнул зажигалкой, чтоб в свете дрожащего язычка пламени разглядеть там название спектакля и хоть по верхам, да пробежать глазами колонку с действующими лицами.

– Помолчите, – успокоила его Софья Андреевна, не скрывая раздражения. – И погасите, будьте столь любезны, своё кресало.

– Так темно же!

– Слушайте же: представление началось! Вы мешаете.

– Извините, я не подумал.

– И научитесь вести себя прилично в моём присутствии.

Театр – это вам не казарма.

И он смущённо покосился, да и притих. В полуметре не то что лица не разглядеть, а бледное пятно не узришь на фоне горчичного бархата задрапированных стен.

Темно. Тихо. Время тянется медленно – и ничего не происходит.

Любопытство заразно, подобно вирусу, и потому оно неизменно берёт верх над всеми прочими чувствами, которыми наполнен человек едва не до самых краёв своего существования. И генерала уже начинало разбирать – любопытством, а что там, дескать, на сцене будет, когда поднимут занавес и вспыхнут софиты. Он сам начинал осознавать себя толикой начинающегося на подмостках действия, вдруг вспомнив слова классика: театр – это жизнь, и все мы в ней – актёры.

Ни шороха, ни вздоха. Таким должен был быть весь мир наш накануне вселенского взрыва, породившего самую жизнь... И тут внезапно, вместо взрыва, будто скрип какой в тишине – кто-то где-то скребёт, то ли чешется, то ли скоблит, то ли точит или грызёт

Лифт в преисподнюю

Трагедия

Как знать, что – небо, что – земля?

Николай Филиппович Павлов

Действующие лица:

Генерал – весьма моложавый бравый господин, а с учётом генеральской звезды на погонах, так и вовсе многие скажут: молодой, – кое-кто, впрочем, добавит: да ранний; а значит, и как тут не отдать должное обоим резонам, вполне, дескать, преуспевающий в движении по карьерной лестнице чиновник репрессивного ведомства. Щёточки ёжиком стриженных густых усиков, прикрывающих губ прорезь посреде лица, и тронутые сединой виски придают особый шарм его строгому красивому статному облику. Но его особенностью является не чин, не выправка, не наносной антураж в виде всяких там усиков да седых висков и прочего макияжа, а именно лицо: один раз взглядевшись, уже никогда не забудешь ни черт его, ни их выражения, – настолько своеобразен абрис с точки зрения геометрии и рельефа. Случись некоему этнологу системообразующими красками описать эту внешность как типаж, то сразу же невольно напрашивается вывод, будто сии черты несут в себе определённый племенной при-

знак.

Полковник – по возрасту, должности и темпераменту в шаге от генеральской звезды, которую мечтает нацепить на погоны, но, увы, заветная звезда вряд ли светит ему. Даже по выходу на пенсию не стать генералом, пускай даже свадебным. Лицом, сразу видать, не вышел: простовато до свинского выражения, да и рвение проявляет чрезмерное, что в совокупности должно вызывать неприязнь и опасение у чуть выше стоящих на лестнице, ведущей к вершинам служебной пирамиды. Ну разве что госпожа удача покровительственно улыбнётся ему свысока, когда, карабкаясь по ступенькам, поскользнётся. Прикоснись кто злобредный к нему пальцем, ведь кубарем низвергнется долу. Чтобы выбиться в наперсники судьбы, нужно не терять нюха. А вот с нюхом... В общем, тут тонкость и чувствительность природы проявить бы и не плевать презрительно против, когда ветер в лицо дует. Не против, не поперёк – в соответствии с течением бы курс выверять. Однако ж, зело упрям сей норовистый мужик. Сам себе на уме, а стало быть – увы ему.

Петрович – оперативный служака, этакий коренной, вечный майор, который в мундире должен бы ощущать себя как рыба в воде, и случись ему занять место во главе шеренги, ни за что не отличить бы от дюжины ему же подобных, да вот экая досада: мундир так редко обнимает своего владельца за плечи, что давно, видать, пропах нафталином на вешалке в шкафу. В штатском же, слегка подмятом и дешёвом костю-

ме, он смахивает скорее на отставного военного прапорщика. Главным разочарованием в его службе было то обидное обстоятельство, что ему всегда поручалась самая грязная, самая трудная и неблагодарная работа, которая ни при каком рвении не могла снискать ему лавров. Серьёзных обид, впрочем, он ни на кого в частности не держал. Пускай и не в петлицы дубовые веточки, об этом он даже и мечтать давно не помышлял, а хотя бы почётных знаков отличия и благодарных слов, уважения – вот чего ему желалось на худой конец. Поэтому выражение непреходящего разочарования, казалось, на веки вечные отпечаталось на его унылом лице, как у сторожевого шелудивого пса, который не только готов служить, но и служит... при каком-нибудь общественном заведении, типа гаражного кооператива. К сожалению, именно в таких местах безобидного зверя и поджидает опасность: мечта о том, что укусит тебя лис – и сам взбесишься от жизни такой. Пускай на час, хоть на мгновение, но наконец ощутишь себя таки в седле главнокомандующего. Мечты-мечты... Как сладко грезить в тиши о буре!

Сан Саныч – спец по филигранной работе, профессиональные навыки которого никогда не омрачают тенью обманчиво дружелюбное выражение на лобастом скуластом лице. Кабы не деловые качества и не спортивная подготовка, делающие его незаменимым в своей работе, то лет пять как уже отдыхал бы на заслуженной пенсии, где, будь уверен, без дела не засиделся бы. Звание и должность не определены ввиду

тёртых джинсов и хлопчатой ветровки, которые давно стали его второй кожей. Единственная отличительная черта, по которой безошибочно можно выделить его лицо в безликой толпе, – это рассечённая бровь и горбинка на приплюснутом носе как нетленное наследие давнего боксёрского поединка. А ещё, пожалуй, умное проницательное выражение глаз, которые привыкли не только незаметно следить за противником, но и бегло скакать по строкам словарей и энциклопедий. Многолетнее хобби – разгадывание кроссвордов в долгие часы ожидания вызова – сослужило, в конце концов, ему хорошую службу: о нём шла молва как об эрудите, а потому ему всегда выпадали наиболее неисполнимые и в чём-то двусмысленные задания, требующие не абы каких способностей, а потому откровенных провалов он в принципе не мог знать, и конфузиться не привык. Ну а уж коль достанется когда за огрехи, так не беда – отряхнётся, да и пойдёт себе как ни в чём не бывало.

Жан – с определённой никто не скажет, имя ли, прозвище ли носит этот едва не юноша с мраморно бледным лицом, наделённый женской красотой и стройностью. Сдаётся, не только пол, но и возраст размыт в его утончённом смазливом облике. Чем-то пикантным, французским так и веет от этого ловкача с длинными волнистыми кудрями цвета спелой сливы, забранными в пучок на затылке. Но кое-кто о нём и иначе судачит: маленький пёсик – всегда забавное щеня. Зубки только отточил не по-щенячи острые.

Другие лица – упоминаются и даже не только правом голоса, но и собственным именем наделены, однако ж до поры до времени держатся в тени, воздействуя на развитие событий из-за занавеса сцены.

Место действия – казённое учреждение в стиле советского неоклассицизма, куда по собственной воле мало кому взбредёт в голову наведаться, а если и взбредёт, то могут и не впустить, а если впустят, то могут и не выпустить.

Время действия – окончание смутных времён начала XXI века.

Характер действия – если бы тайком взглянуть со стороны и при этом непредвзято сопоставить подмеченные особенности, то характер тут показался бы весьма отличным от того, который можно было бы предположить в подобном месте в любое время дня и ночи.

Иными словами, **триединство** места, времени и действия каким-то образом расстроено – если не по форме, так по сути.

Действо первое

Занавес медленно поднимается.

Кромешная тьма. Тишина.

И вдруг явственно доносится до слушающих, как где-то кто-то то ли скребёт, то ли что-то грызёт – очень громко и совершенно не опасаясь, что его услышат. Этот неприятный звук, действуя на нервы, напоминает скрежет, как

если бы напильником – да о кромку стекла.

Скрипнула дверь. Скрепки мгновенно затихли. Щелчок выключателя – и вспыхивает яркий свет.

Генеральский кабинет. Расположен хотя и не под самой крышей, однако всего лишь на расстоянии одного лестничного пролёта до самого высокого кабинета и тоже устлан мягким ворсистым ковром, на котором весьма жёстко и неудобно стоять едва ли не всякому, кого сюда приглашают особым способом – так, что отказаться нельзя.

В кабинет входят двое: генерал и полковник. Мирно беседуют на отвлечённые темы. Но поначалу речь их не членораздельна – междометия да смешки, так что при первом же взгляде со стороны очевидно, что эти двое не связаны вертикалью власти и условностями субординации. Этаким дух панибратства витает в воздухе, несмотря на казённую обстановку кабинета и промелькивающие местами командные нотки в голосе.

Тем не менее, когда всем становится понятным, о чём идёт речь, то всякому слушающему и наблюдающему уже заметно, что полковник исходит нетерпением и слегка раздражён; напротив, генерал как будто то ли не замечает, то ли не хочет замечать нетерпения своего собеседника: он спокоен, снисходителен и чуточку даже надменен. Ну а если и придавливает порой с нажимом, так это только потому, что звание обязывает, со временем перерождаясь во вторую натуру.

Во всём прочем всё как обычно. Генерал говорит громким уверенным баритоном, слова разделяет, с особым тщанием ударяя предлоги и союзы, иногда на непривычный лад смещает акценты. Полковник менее шумный, мягко грассирует, на месте «г» произносит звонкое «х» и тянет полуударное «о» на манер южнорусского говорка.

Генерал: Полковник, я вот что скажу вам. Я никогда не встречался с Иваном... Как, бишь, его там по батюшке? Горыныч?! Нет, Егорычем, кажется, кликали,— так, да?

Полковник: Так точно, товарищ генерал. Иван Егорович Кривонос.

Генерал: Но наслышан изрядно. В старые добрые времена об этом хромом сыщике слагались настоящие легенды. И до сих пор нет-нет, да и услышишь, как какой-нибудь безусый сопляк рассказывает анекдот про Ваньку Каина, Хромого...

Полковник: О мёртвых, сами понимаете: или — или...

Генерал: Погодите, полковник, не перебивайте. Так вы выставите меня таким э-э... чёрт знает кем!

Полковник: Что вы? У меня и в мыслях! Не держал я ничего такого...

Генерал: Ладно, забудем. Проехали! Мы с вами, полковник, люди одного круга. Я знаю, что такое честь. Я знаю, что такое долг, память, наконец — взаимовыручка. Для меня это, поверьте, не пустые слова. И мне вполне понятны мотивы, которые движут вами. Это вызывает чувство уважения.

Именно поэтому, вопреки здравому смыслу и даже в чём-то преступая должностные полномочия, я и согласился принять участие во всей этой аванюре. Но всему есть свой предел...

Полковник: Генерал! Но мы оплатили...

Генерал: Да, голубчик, оплатили. Ваших скудных средств хватило разве что на бензин да соляру. И только-то. А люди? Вы когда-нибудь просматриваете в прессе биржевые сводки? Ценами на нефть интересуетесь? Если нет, тогда лучше промолчать бы.

Полковник: Да, но если нам удастся найти партийную кассу...

Генерал: Чего ж вы не искали её в своё время – по свежим-то следам?! Да знаю, знаю! Сейчас вы запоёте: развал Союза, парад суверенитетов и прочая... Вам-то что до всей этой чиновничьей возни?

Генерал неопределённо взмахивает рукой и опускает её тяжёлой дланью вниз на две пухлые папки, лежащие прямо перед ним на столе, чуть придавливая сверху. Полковник не спускает глаз с папок и молчит, скрепя норов.

Генерал: И о какой партийной кассе идёт речь? Разве она партийная?! Факты – упрямая вещь. Они свидетельствуют совершенно об иной, изнаночной стороне – зеркальной, где всё шиворот-навыворот: левое отражается справа и наоборот...

Генерал опять поднимает руку, упреждая всякие возра-

эжениа.

Генерал: Ладно, зёма, не будем об этом. Большая тема. В конце концов, я вам не начальник, а вы не подчинённый мне. Мы договорились о терминах, определились с позицией. Остаётся открытым финансовый вопрос.

Полковник: Всё сходится в одну точку. Это большая удача, что мы вышли на след.

Генерал: Как там, зёма, у вас говорится: не кажи гоп... Видишь, не забыл. А ты пеняешь...

Полковник: Я?! На что?

Генерал: Я тебе так, по-свойски, скажу. Делить шкуру неубитого медведя – вещь отнюдь не благодарная, особенно когда на весь брянский лес ни одного медведя, а охотники едва ли не за каждым кустом прячутся, и не с двустволкой, заметьте, а едва ли не со снайперской винтовкой и приборамии ночного видения. Всё это, батюшка вы мой, папахивает обыкновенной басней, а до сказок любой нынче горазд. Платить-то кто будет?

Полковник: Генерал, за что?! За что вы пытаетесь меня обидеть? У меня на руках проверенные данные!

Генерал: Боюсь, что ваша так называемая версия, которой вы морочите мне голову, зиждется на ничем не подкреплённом подозрении, опирающемся на логическое умозаключение. Априори я приведу вам с дюжину таких же взаимоисключающих друг друга предположений, и каждое будет иметь право на жизнь. И всё это исходит из каких-то полуза-

бытых, седым туманом покрытых времён и непонятно к чему ведёт. Мы с вами профессионалы. И не к лицу нам гадать на кофейной гуще. Нужны факты, а не домыслы. Представляете, что будет, если мы с вами схватим ни в чём не повинного человека? Да ещё шуму наделаем!

Полковник: Вы шутите?

Генерал: Какие могут быть шутки?!

Полковник: Да вы только дайте мне этого невинного козлёночка в руки – я голыми руками с него живого овечью шкуру сдеру. Запоёт как миленький. Не запоёт – заблеет.

Генерал: Знаю я – эти ваши голые руки. Я, между прочим, в это кресло и помещён, чтобы этих самых невинных от беспредела оберегать. А вы мне... Да, в общем так...

Генерал смущённо откашливается, пряча лукавую улыбку в кулаке. Полковник пристально смотрит в упор упрямым взглядом, привыкшим.

Генерал: Ваши проверенные данные, откровенно скажу вам, ломаного гроша в базарный день, я так подозреваю, не стоят. Теперь слушайте, как говорят у вас, – сюда.

Полковник: Это не у нас – так в Одессе говорят.

Генерал: Да какая разница, полковник? Денигин Николай Ремизанович и Рублёв Николай Евграфович – разные лица. Это установлено. Причём доподлинно. Их объединяет всего лишь то, что они тёзки, а к тому же внешне удивительно схожи, как братья родные. Антропометрический анализ, проведённый экспертами, действительно подтвердил неко-

торые крайне редкие совпадения, но различия однозначно указывают на то, что на двух фотографиях не одно и то же лицо. Фотографии сделаны хотя и в разное время, на различном оборудовании, но с разных физиономий. И возрастные изменения тут ни при чём. Увы – вам увы, а значит, и мне. Вот так-то. Это во-первых.

Во-вторых, коллега. Все свидетели, в том числе и близкие родственники, сотрудники, соседи и прочее и прочее, однозначно подтверждают обособленность одной фигуры от другой. Кстати, установлен факт их знакомства. Зафиксированы встречи на сугубо деловой основе, причём тому есть тоже очевидцы. Источники заслуживают доверия.

Полковник: Это обычный маскарад. Даю голову на отсечение.

Генерал: Голова, зёма, не тот орган, которым в нашем деле стоило бы столь легкомысленно пробрасываться.

Полковник, сжав зубы, опускает взгляд вниз, на руки, со сцепленными добела толстыми пальцами, и напряжённо молчит. Это свидетельствует о его крайнем нетерпении, но также и о том, что полковник не был бы полковником, если б не умел смирять свой характер в интересах дела. Годы службы научили его не только делать вид, будто он слушает, но и в самом деле внимательно слушать и даже слышать, безжалостно подавляя в себе позывы упрямства. Иной вопрос, насколько его обычно хватает.

Генерал краем глаза наблюдает за ним и тоже мотает

на ус.

Генерал: Фактическая сторона дела вырисовывается следующим образом.

Денигин погиб насильственной смертью. Обычная пьяная драка на улице. Пострадал как невинный человек, решивший проявить благородство. Ну, дурак. Бывает. Оказался не в то время и не в том месте. И был похоронен. Убийцы (или убийца) не найдены. Его смерть подтверждена документами и не вызывает никаких сомнений. Могила, как вы сами утверждаете, там, где и положено ей быть, – на городском кладбище. Эксгумация тела на территории иностранного государства, увы, не в моей компетенции. Тут вам и карты в руки.

Рублёв спустя год тоже погиб насильственной, но не случайной смертью. Заказное убийство. Застрелен на пороге дома, где скрывался от своих недругов последние месяцы. Дом сгорел. Обгоревшие останки найдены и исследованы. Наёмники, уходя от погони, подорвались. Авария на скользкой зимней дороге. Кроме того, подозрение на взрывное устройство. Обычное дело: наняли и устранили. Либо случайный взрыв в результате аварии. Детали уже никому не интересны...

Полковник: Но дело-то и состоит из частных – из деталей.

Генерал: Бросьте! И не пытайтесь учить меня уму разуму. Не выйдет. Здесь тоже всё подтверждено документаль-

но: экспертиза, опрос свидетелей, следственные мероприятия, протоколы, акты и тому подобное – в полном ажуре. И прошу обратить внимание. Мы не выясняем, кто стоял за заказным убийством.

Полковник: Почему?

Генерал: Много лет прошло – и никому уже не интересно. Но мотив-то очевиден. Так что круг заинтересованных лиц установить легко – даже сегодня. Стоит ли ворошить прошлое?

Полковник: Ну, знаете ли, генерал, одно дело – подозрение, и совершенно иное – факты. Всякому можно пришить мотив ограбить банк, но не каждый идёт грабить банк. Так что намёки ваши...

Генерал: А я ни на что и не намекаю. Я объясняю вам причины отсутствия мотивов рыть дело хрен знает какой давности. Я в историки, а тем более археологи, не нанимался. Впрочем, если у вас есть к тому живой интерес...

Полковник: Плевать я хотел на исполнителей, которых убрали, чтоб не проболтались, а также мотивы и ниточки ведущие к заинтересованным лицам. Мне дела нет до заказчика!

Генерал: Но вы приходите ко мне и говорите, будто оба трупа воскресли зараз, воплотившись в некое третье лицо.

Полковник: Ну как вы не поймёте?! Оно-то, лицо это, и хочу лицезреть собственными глазами...

Генерал: Лесник по имени... запомятовал. Это что: имя,

кликча, псевдоним? Бред! Паспорт установлен, а имя – нет...

Полковник: Иными словами, вы исключаете маскарад и игру в двойников?

Генерал: Абсолютно исключено. Ну а уж о тройнике... Не тот уровень. Даже ЦРУ до такой многоходовки не додумалось бы.

Полковник: Неужели вы не допускаете самой мысли, что человек может быть хитёр, ловок и предусмотрителен настолько, чтобы инсценировать собственную смерть?

Генерал: Если человек умер дважды, и это установлено экспертами, то это был – не человек.

Полковник: И кто же?!

Генерал: Не вынуждайте меня говорить того, чего мне не хотелось бы сказать.

Полковник: Я бы ещё раз всё перепроверил – лично. Не доверяя неопытным лейтенантам или, хуже того, практикантам.

Генерал: Ну разве что на коммерческой основе. А так – не вижу смысла. Далее. Та самая валютная проститутка, за след которой вы так рьяно ухватились, оказалась вполне добропорядочной женщиной, матерью, женой весьма уважаемого и достойного бизнесмена, кстати сказать, родственника Ивана... Горыныча...

Полковник: Иван Егорович Кривонос.

Генерал: Э-э, Егорыча, стало быть, да? Что, собственно

говоря, и настораживает. Но алиби железное. Мотив отсутствует...

Полковник (*обе руки и голову в недоумении разводит в разные стороны*): Как отсутствует?! Сорвать банк – это ли не мотив?

Генерал: Они не картёжники, играющие партию в покер. Да и свидетели – в один голос: быть такого, мол, не может. Характеристика просто исключает и намёк на то, будто он хоть каким-то боком мог быть там замешан. То, что два человека какое-то время имели деловые отношения между собой, вполне в порядке вещей. И что с того? Люди встречаются, обнаруживают общие интересы, сходятся – расстаются... Бывает, даже ссорятся, чего-то не поделив. Ничего эдакого необычного здесь не вижу.

Кстати говоря, мы тоже не зря свой хлеб едим. Анализ бизнеса, происхождение капиталов г-на Кривоноса-младшего показал, что там всё чисто. По крайней мере, с точки зрения закона. Он приватизировал часть имущества, которым управлял ещё со времён перестройки. Воспользовался случаем, и под себя подгрёб, но за деньги...

Полковник: За три копейки!

Генерал: Нам бы кто по три таких копейки в те времена ссудил! Так что за деньги, причём замечу – заработанные на торговле импортными товарами. А оборотные средства в виде кредитов были заимствованы в банке. На сегодняшний день он один из акционеров этого же банка, весьма солидно-

го.

Полковник: Вот видите!

Генерал: Свою уставную долю он внёс тем самым некогда приватизированным имуществом. Именно в этом здании и расположен главный офис банка. При покупке год тому назад этого же самого банка западным инвестором он увеличил свой уставной капитал за счёт прибылей от своей торговой деятельности. Таким образом, он совладелец. Младший партнёр. Многократные проверки свидетельствуют о полной обоснованности происхождения его капиталов и вполне легальном, а стало быть, законном бизнесе. Если бы все бизнесмены в нашей стране так вели свои дела, то можете поверить мне, что работы у некоторых подконтрольных мне подразделений убавилось бы в разы. И мы бы с вами, как в старые добрые времена, годами копили бы на какую-нибудь ржавую «волгу» или, и того хуже, подержанные «жигули», а не... В общем, тут тоже всё ясно и прозрачно.

Полковник: Это и должно настораживать! В чистом виде схема по отмывке капиталов – потому и комар носа не подточит...

Генерал: Ну, знаете ли, дружище, с такой логикой мы с вами зайдём в тупик: если во всяком гражданине, именно ввиду его законопослушности и успешности, подозревать преступника и негодяя, то как же мы должны относиться к тем, кто и в самом деле не в ладах с законом?

Полковник: Я этого не говорил...

Генерал: И наконец...

Полковник: Генерал, вы забываете – вы упустили из виду возраст ребёнка этой проститутки. Всё сходится, одно к одному – тютелька в тютельку.

Генерал: Ну да. Ему столько же лет, сколько вы идёте по следу...

Полковник: Именно! Сорвали куш – и залегли на дно. Ну и на радостях, от нечего делать...

Генерал: Да, полковник, вы, думаю, попали в самую точку: когда случаются перебои с электричеством, в стране резко повышается рождаемость. И это факт. Так что советую вам подбросить рацуху в качестве дополнения к одному из небезызвестных национальных проектов.

Полковник: Вы смеётесь?

Генерал: Какие шутки, полковник? Не смеяться – плакать в пору.

Полковник: Вполне согласен с вами. Но тогда надо глядеть в самый корень!

Генерал: А если в самый корень, то был ли, спрашивается, вообще младенец?!

Полковник: Как это?! Вы что, не доверяете мне? Агентурные данные...

Генерал: Засуньте их сами знаете куда. Факты! Нужны факты!!! Иисус, все знают, по воде ходил, ног не замочив. Это вера. А вот когда вы пройдёте по воде у меня на глазах и объясните мне, как вы это сделали, тогда я вам поверю. Вот

это и будет факт, если два независимых свидетеля подтвердят...

Полковник: Отсутствие трупа, позвольте заметить, никогда не свидетельствовало о том, что убийства не было. Для этого надо предъявить живого человека, что будет свидетельствовать лишь о том, что именно этот человек не был убит. А другой?

Генерал: Да не обижайтесь, полковник. Я-то как раз вас понимаю. И готов помочь. И очень хочу помочь. Но!

Полковник: Я просто не понимаю, как можно отрицать очевидные вещи.

Генерал: Вещи, говорите? Но ни у нас в отечестве, ни в одном из уголовных дел как вещдок, ни на одном из известных аукционов, ни на чёрном рынке – нигде не мелькал ни один из тех предметов, которые вы указываете в перечне. При этом – заметьте! – ...дцать полных событиями лет прошло... Я вообще сомневаюсь, не с очередным ли мифом мы имеем дело? Это смахивает на обыкновенную утку, что с годами всё жиреет да жиреет, оттого что кормят её всякими небылицами. Летать даже разучилась.

Полковник вскидывает обе руки вверх, как будто выражая тем самым полное несогласие со словами генерала. Но виду, что оскорблён, не подаёт.

Генерал: Ну, послушайте! Двадцать лет прошло с тех пор, как кто-то (неизвестно кто!) вынес (краном через окно, что ль?) три засыпных сейфа из разных частных квартир

отставных провинциальных шишек, при этом не только не оставив следов, но и скрыв каким-то чудесным образом сам факт хищения от самих же собственников. Чудеса в решете, да и только!

Полковник: Не вынес, а опустошил.

Генерал: Да какая разница! Вынес или опустошил, или подменил... Ну вот объясните мне, что эти драгоценные сейфы там делали – без охраны? Мы ведь говорим не о дилетантах с улицы. Если речь идёт, конечно же, о партийной кассе, пускай и чёрной.

Полковник опять вскидывает обе руки кверху. Глаза навывкате от возмущения.

Генерал: Ну не белая же! Или в конце концов вам следует объяснить мне, каким таким чудесным образом касса, чья бы она ни была, может миновать бюджет и остаться белой и пушистой? Давайте будем называть вещи своими именами. Налоги-то уплачены сполна?

Полковник: Чёрная ещё не значит преступная. Тогда в эти слова вкладывалось совершенно иное понятие.

Генерал: А я и не утверждаю. Просто пытаюсь понять и разобраться. По нашим, однако ж, временам подобное сообщество людей в погонах обычно называют определённым термином – «оборотни». А подобная складчина – воровской общак. Впрочем, если вам так больше нравится, можете и впредь называть её кассой взаимопомощи.

Полковник: Генерал?! Вы же нагло передёргиваете...

Генерал: Молчать! Пока я говорю. Извините. Я ведь не об этом. Сами знаете. А то выставите меня тут этаким... Депутатом, прости господи... Без мыла в любую сраную дырочку готовы полезть, лишь бы имя засветить своё в прессе, а то и на голубом экране, как вечерняя звезда на небосклоне, замелькать. Голоса им, видите ли, честь заменяют.

Полковник: Да уж.

Генерал встаёт из-за стола, подходит к бару, наливает в пузатые бокалы коньяку и ставит на стол. Рядом блюдечко, с кружочками нарезанным лимоном. Сам одной своей мягкой половинкой полуприседает на край стола, другая половинка свисает – на расстоянии вытянутой руки от полковника.

Генерал: Думаю, не стоит препираться по всяким пустякам.

Полковник: Согласен, товарищ генерал. В свою очередь тоже приношу вам свои извинения.

Выпивают. Закусывают лимоном. Закуривают.

Генерал: Тут, я подозреваю, пахнет совершенно иным душком. В течение нескольких месяцев эти заслуженные по тем временам ветераны нашей с вами службы один за другим отчаливают в мир иной по вполне естественным причинам. Причина эта – возраст и старческие болезни. Никаких подозрений. Я бы вот чем заинтересовался в первую очередь.

Полковник: Да вот за давностью лет... Мне что, вы ду-

маете, заняться больше нечем?

Генерал: Ну а на нет, так и суда нет. Если и виться ниточке, так откуда же ещё, как не от трупa. Притом заметьте, сразу от трёх трупов. А три сплетённых ниточки образуют вполне крепкую верёвочку. За неё, за косичку, как морковку за хвостик, и надо было дёрнуть в своё время. Да и сейчас, кажется, не совсем поздно...

Полковник: Время упустим. Дело надо делать сегодня. Пока горячо. А не копаться в прошлом. Ждало почти два десятка лет – может подождать и ещё чуть-чуть. Не за начало – нам бы за кончик ниточки ухватиться, тогда и весь клубочек смотаем. С конца да в начало.

Оба смотрят на часы – каждый на своей руке.

Полковник: Упустим. Осталось два часа до первой посадки. А мы...

Генерал: Помните (сколько лет тому уже минуло?), однажды я с вашей подачи поднял в небо две боевые машины. Когда они вообще не летали, ввиду отсутствия керосина. Небо над столицей было закрыто. А я поднял. Танки по Белому дому стреляли. А я поднял. И что?! С меня чуть погоны не посрывали. Чуть за решётку заодно с этими... придурками, прости господи!... едва не угодил. Если б не папа...

Полковник: Вынужден напомнить вам, товарищ генерал. Если бы не Сонечка, то и министерский портфель потерял ваш папа и вас бы не вытащил из того дерьма, в которое мы с вами вместе окунулись – по милости, напомню, этого гов-

нюка.

Генерал: Да-а, обосрал он, конечно, всё, что мог, в том числе и нас с тобой. И потому мне, поймите только меня правильно, неприятны ваши необоснованные намёки.

Полковник: Если бы не обстоятельства тогдашние, сейчас мы бы с вами об этом неприятном инциденте иначе говорили.

Генерал: Поднял – потому что поверил! Вам, тогда ещё майору, на слово поверил.

Полковник: Прошу заметить: вы – генерал, а я пока ещё только полковник, несмотря...

Генерал: Плевать! Поверил во всякие рассказы про каких-то там волосатых чудиков, домовых – в летающих безголовых мальчиков и несметные сокровища, которые старые, выжившие из ума склеротики хранили в засыпных сейфах у себя в доме. И тряслись над ними, наживая инфаркт миокарды.

Никто из серьёзных людей в глаза не видел этих чудесных сейфов, не говоря уж о сокровищах, запертых в них. Сим-сим откройся – байки восточного сказочника, да и только!

Полковник: Я понимаю, о чём вы говорите, генерал. Не первый день, как на свет родился. Дело очень непростое. Но факты – вещь неумолимая...

Генерал: Какие факты? О чём, полковник, говорите вы! Не о тех ли фактах, которые я, самолично, собрал вот в эти две папки с вашей подачи? И над которыми смеётся вся-

кий здравомыслящий человек! Спасибо, хоть надо мной пока ещё не смеются. Вы козыряете передо мной не своими фактами, а тем досье, что я собрал для вас и которое свидетельствует об одном лишь только: я полный болван – по вашей милости.

Полковник: Я тогда ещё майором был, а вы капитаном под моим началом. Помните историю с домовым? Было же!

Генерал: Очевидного отрицать не стану. После литра водки и бессонной ночи, проведённой в загородной баньке с прелестницами лёгкого поведения, и не такое примерещится...

Полковник: Полноте, генерал. Мы оба знаем, о чём говорим.

Выпивают ещё по глоточку. Закусывают лимоном. Закуривают по второй сигарете. Молчат какое-то время, каждый думая о своём.

Полковник: По моим агентурным данным, Рублёв – он же Денигин, он же Копейкин, а теперь вот Золотовым обернулся. Сегодня он вылетает чартерным рейсом в Париж якобы на художественную выставку...

Генерал: Да хоть в Пекин! Что вы меня, как девочку, уламываете?

Полковник: А мы с вами теряем драгоценное время в пустых препирательствах. Отдайте приказ – и не пожалеете!

Генерал: Я не позволю, извините за неприличное выражение, шмонать добропорядочных туристов в международ-

ном аэропорту. Не те времена за окном. Маски шоу на этот раз не состоятся. Исключительно из уважения к г-же Сонечке, ввиду личной моей симпатии к ней, я выделяю вам трёх лейтенантов поставой службы во главе с опытным капитаном спецслужб. И всё. Свою добрую волю готов проявить в последний раз. Знаете ли, мне мои лампасы пока что не трут. И погоны не в тягость, тем более, что со дня на день жду, когда же наконец потяжелеют на чуть.

Полковник: Ну, заранее не поздравляют...

Генерал: Тьфу ты, вот только не хватало мне, чтоб сглазил кто!

Генерал трижды плюёт через левое плечо и стучит по столу костяшкой указательного пальца правой руки. При этом брови идут вразлёт, и он так пучит глаза, что зрачки уж готовы вылупиться из покрасневших белков.

Полковник воротит в сторону козыю морду, чтоб скрыть красноречивую гримасу: как же, блин, достал, а?! – и начинает придавливать, особо чеканя каждое слово и отделяя слово от слова.

Полковник: Но позволю напомнить вам, что в прошлый раз мои агентурные данные получили подтверждение из независимых источников. И вы это хорошо знаете.

Генерал: Не смешите меня. Ничего не подтвердилось.

Полковник: А как же рапорт пилота?

Генерал: Ха!

Полковник: Вы что, будете отрицать и рапорт?

Генерал: Короче. Обосновываю своё частично положительное решение исключительно тем, что в прошлый раз, когда МИГи были подняты в небо, один из пилотов утверждал, будто обнаружил некую цель, похожую на частный спортивный самолёт, который каким-то чудесным образом с необычайной лёгкостью оторвался от современной боевой машины.

Полковник: Вот видите?!

Генерал: Сей невероятный факт зафиксирован в рапорте пилота как НЛО. Если случится нечто подобное и на этот раз, то милости прошу прямо к уфологам. Я пороюсь в своей картотеке и спишу вам, так и быть, парочку надёжных адресов от щедрот душевных, и совершенно безвозмездно.

Генерал поднимает руку, категорически упрямая всякие возражения.

Генерал: И последнее, что хотелось бы сказать. На прощание. Поскольку времени и в самом деле в обрез.

В Париж действительно вылетают сразу три художника по фамилии Рублёв – каждый с такой фамилией. Разными рейсами. Там конкурс имени Рублёва. Не знаменитого средневекового иконописца, а художников по фамилии Рублёв. И проводит этот конкурс какая-то, прости господи, вшивая ассоциация то ли двойников, то ли однофамильцев...

Полковник: Вот видите?! Я же говорил вам!

Генерал: Но наш-то, как вы сами только что битый час мне доказывали, уже не Рублёв. Он Золотов. В общем, оче-

редная чушь собачья! Среди пассажиров, кстати сказать, наш Рублёв не значится тоже.

Полковник: Вот мы и проверим.

Полковник смотрит на часы на руке, и генерал – на свои. Протягивают друг другу руки для крепкого мужского пожатия. Ну разве что по скупой слезе не уронили на прощание.

Генерал: Вам и карты в руки. Удачи, полковник. Держайте. И передавайте, будьте столь любезны, мой наинижайший поклон прелестной Софье Андревне. Всенепременнейше! Рад буду оказать любую посильную услугу. А теперь всё, полковник, извини. Служба. Ни пуха, ни пера!

Полковник: К чёрту!

Полковник трижды плюёт через левое плечо и с достоинством покидает кабинет, стараясь держать уверенный бодрый шаг.

Действо второе

Всё тот же кабинет. Та же обстановка.

Генерал снимает телефонную трубку и, едва дождавшись ответа, отдаёт приказание. В его голосе смешивается нетерпение с раздражением.

Генерал: Бегом ко мне!

В дверь кабинета стучат – три коротких отрывистых громких удара.

Генерал: Войдите!

Петрович: Вызывали, товарищ генерал?

Генерал: Слушай, Петрович, бери группу и давай, дуй следом за полковником. Маршрут, контакты, звонки – в общем, чего тебя, старого волка, учить буду уму разуму? Работай! Себя не обнаруживать ни при каких обстоятельствах. И цель, смотри, не потеряй, как тогда...

Петрович: А кто ж мог знать, что вместо парня из подъезда выйдет древняя горбатая старуха? Мне что, ориентировку кто дал?! Она шмыг по подземному переходу на ту сторону проспекта, подняла руку и на грузовике – за угол. Пока мы разворачивались, – там 300 метров до разворота! – пока рыскали по закоулкам в поисках грузовика, и след её простыл! Вот и всё. Передо мной стояла задача не думать, а следовать.

Генерал: Вот и наследил, больше некуда.

Петрович: Чего меня-то попрекать?! Я, что ль, его переодевал?

Генерал: Да не попрекаю я. Не попрекаю! Я просто напоминаю. Пока вы гонялись за старухой в грузовике, парень преспокойненько вышел из подъезда, свернул за другой угол – и след его простыл.

Генерал смотрит на часы и качает неодобрительно головой.

Генерал: Теряем напрасно время. Всё! Жду подробного доклада.

Петрович: Есть!

Петрович выбегает из кабинета. Звонит телефон.

Генерал: Слушаю... Да, папа... Нет, папа, я не могу сейчас. Служба... Да, папа...

Генерал отстраняет от уха трубку и морщится. Нажимает кнопку на аппарате и, положив трубку на стол, встает с кресла. Мягко крадучись ступает по ковру, с тем чтобы на том конце провода ни о чём таком не догадались. Шагов не слышно. Как будто бы не слушает, вернее – слушает, но издалека, так чтобы не слышать.

Папа: Послушай, сынок, я ведь тебе только добра желаю. Уйди в тень. Заболей. Ляг в больницу. Слинйай. И не связывайся ты с Соней. Поверь мне, до добра эта затея не доведёт тебя. Напрасно я всё рассказал. Извини ты, старого дурня. У тебя карьера, вся наша дружная семья... Чего ещё желать? Подумай наконец обо мне, если себя пожалеть не хочешь.

Генерал: Да, папа, конечно. Я выбросил из головы. Да и времени у меня нет. Столько дел навалилось! Давай потом поговорим. Ну хоть за ужином обсудим. В субботу, устроит?

Папа: Не отмахивайся от советов своего умудрённого опытом отца. Меня на мякине не проведёшь!

Генерал: Да говорю ж тебе. У меня был только что посланец от Софьи Андревны. Я отказал ему в помощи, отослав ни с чем.

Папа: У тебя перед глазами судьба твоего дяди – моего родного брата. Связался, дурачина этакий, с Сонькой – и кранты. Был мужик что надо, а стал тряпка-тряпкой.

Генерал: Я не дядя, а если и связываюсь с кем, так те свя-

зи у меня, ты знаешь, мимолётные, несерьёзные, лёгкие...

Папа: Все так говорят, а когда до дела доходит, так и голову теряют, не успев даже задуматься.

Генерал: Ты меня не слышишь. Я тебе русским языком объясняю. У меня был человек от Софьи Андревны. Просил помочь поймать одного ничтожного человечка...

Папа: Зачем ты в это лезешь?

Генерал: Я никуда не лезу. Я просто дал ему троицу постовых во главе с опером и приставил филёра – на всякий случай, чтоб приглядывал. Считаю, отправил ни с чем...

Папа: Не смей, я сказал, лезть в такие дела. Это нечистые дела. Не смей!

Генерал: Так я ж и не лезу. Это обычная интрига. Если поймают, кого им нужно, так с моей помощью, и первым об этом узнаю я – первым и доложу. Если нет – с меня спроса тоже мало. Не я вёл дело. Не я давал наводку. Ну а случись какой скандал или конфуз – и того лучше. Каким бы боком дело ни обернулось, всюду же с выгодной для меня стороны.

Папа: Сердцем чую: доиграешься. Ох уж эти гены...

Генерал: Ну, папа! Хватит уже. Я давно не мальчик...

Папа: Вот моё слово! Узнаю только, ни на чин, ни на возраст – ни на что не посмотрю. Выпорю, как самого последнего сорванца! Спущу тебе штаны до колен – и выпорю ремнём по голой заднице. Ты меня знаешь!

И динамик сердито замолчал. Генерал нажал на кнопку, давая отбой, и сел в кресло, качая головой и весело усмехаясь

словам отца.

Зазвонил телефон.

Генерал: Слушаю! Да, на проводе...

Медленно встаёт с кресла. Рука, прижимающая трубку к уху, дрожит, и ладонь покрывается потом. Но голос, по-прежнему решительный и твёрдый, не выдаёт возбуждённого состояния говорящего. Привычное порывивание, впрочем, обращается в бархатистый шелест, как если бы обёртку шоколадки разворачивал перед микрофоном.

Генерал: Софья Андревна? Легки на помине. Только что беседовал с человечком от вас. Пытаюсь помочь...

...Ах, совсем, стало быть, наоборот надо было? От рук, говорите, отбился полковник? Самодеятельностью занимается?! Вот даже, значит, как?! Ну и засранец же – кто бы только мог подумать. Это совершенно меняет дело.

...Разумеется, с моей помощью, дорогая Софья Андревна, мы легко опустим его с заоблачных небес на нашу грешную землю... То бишь что значит в прямом, а не переносном смысле?

...Понимаю, конечно. Я не только догадлив, но и предусмотрителен. К нему уже приставлен человек – так, на всякий случай...

...Нет-нет, маслом каши не испортишь. Я понимаю. А какого характера работёнка предстоит им?

...Да, полковник на след вышел. Это точно. Как пить дать. И делов, поскольку он, похоже, совсем неуправляем стал, на-

воротить может ещё тех...

Генерал удивлённо озирается вокруг, пытаясь вспомнить, что и когда заставило его встать и разговаривать по телефону стоя, вытянувшись в струнку, как будто перед самым высочайшим начальством. Качает в недоумении головой. Тянет руку к бокалу с коньяком – не дотягивается. Нажимает на кнопку в телефонном аппарате и обходит огромный стол, чтобы взять наконец бокал, наполненный янтарной горючей жидкостью, и промочить пересохшее от волнения горло.

Софья Андреевна (из динамика на весь кабинет): И зарубите себе на носу, генерал. Это колючее и своевольное растение, но отнюдь не ядовитое, а вот та толика яда, которая в нём всё-таки присутствует, она-то для нас и полезна. Поэтому оберегать как Кощей тот дуб, где в дупле схоронен ларчик, в котором притаилась утка – наседкой на яичке, а в яичке, сам знаешь, что за иголочка схоронена. И слегка, неназойливо подгонять к нужным нам дверям, а за ним двери плотненько прикрыть, но только не хлопать. Не дай бог вспугнём – улизнёт из мышеловки. Улизнёт – не заманим снова. Не заманим – не поймаем.

Генерал (самодовольно): У меня не улизнёшь. Я ему Кузькину мать...

Софья Андреевна: Это я тебе такую Кузькину мать покажу, что икотой поперхнёшься – не отдышишься! И помните, генерал, что сей великовозрастный мальчик по-

прежнему необычайно прозорлив, находчив и, главное, удачлив. И смотри мне! Чтоб ни один волос с его головы...

Генерал: Могли бы и не напоминать. Я всё прекрасно понимаю.

Софья Андреевна: Понимать-то понимаете, да вот работать привыкли топорно. Поэтому, будьте уж любезны, держите руки в стороне – как от бокала горного хрусталя с глубокого похмелья. Не дай бог разобьёте.

Генерал: Ну а если ситуация выйдет из-под контроля?

Софья Андреевна: А она и выйдет из-под контроля. И контролировать сам господь бог не в силах. Поэтому сама буду... Соблазнять буду, приручать буду. Улещать. Умасливать. И как пить дать – безуспешно. Главное, держать руку на пульсе. И вам, генерал, велю там быть – и чтоб само обаяние излучали. Ни взгляда, ни нотки, ни намёка на ревность чтоб. Иначе глаза выщарапаю, язык вырву, ручонки выкручу – с мясом и не раздумывая.

Генерал: Ну, Софья Андреевна, это же просто пытка какая-то невыносимая. Лучше сразу казните! Ну, разве что в награду за муки адовы меня ждёт награда...

Софья Андреевна: Я обещаю, но только время и место определю сама. За терпение, вы меня знаете, я вознагражу вас так, как вам и не снилось даже в самом сладком, сказочном сне.

Генерал: Целую ручки, целую ножки.

Софья Андреевна: Пошляк!

Генерал: Рад слышать, и очень жаль, что слышу, но не имею удовольствия лицезреть.

Софья Андреевна: Такое удовольствие я вам вскоре предоставлю.

Раздаются короткие гудки. Генерал тяжело вздыхает и кладёт трубку на рычаг. Сахарное выражение сменяется разочарованными каплями с его лица, и с глубоко задумчивым видом он оседает в своё кресло. Как свеча растаявшая от жара огня.

Время бежит. Телефон молчит. Дрёма подкрадывается незаметно, и набрякшие веки, тяжело опустившись, предательски незаметно заслоняют мир от его пытливых глаз. Голова клонится чуть вбок и вперёд. Из приоткрытого рта, через оттопыренную нижнюю губу, ползёт тонкая тягучая струйка слюны и тянется прямо к лацкану, украшенному жёлтым витым листом.

Генерал вздрагивает и резко выпрямляет спину. Утирает рукавом слюну.

Голова опять падает, слюна течёт – дыхание останавливается. Тишина, и только где-то в углу кто-то тихонько украдкой поскрёбывает. Как говорится, солдат спит – у генерала служба год за два идёт... Генерал вскрикивает во сне, всем телом вздрагивает от собственного крика и подхватывается с места, ошалело шаря глазами по углам кабинета.

Выхватывает пистолет из кобуры подмышкой, снимает

с предохранителя, передёргивает затвор. Обходит кабинет по кругу, заглядывает под стол. Открывает дверцу шкафа, заглядывает внутрь, затем почему-то за шкаф. Приседает в углу и нащупывает нить, осторожно подёргивает, проверяя, цела ли. Потом дважды обходит с дозором все углы кабинета и проверяет натянутую паутиной тоненькую, невидимую глазом ниточку.

Возвращается к столу, выдвигает ящик, достаёт указку и с указкой в одной руке, а в другой – с пистолетом наизготовку опять продвигается пружинистым бесшумным шагом к шкафу. Приседает на корточки и, ткнув указкой в щель, отскакивает на шаг назад.

Тух! – громко клацает в щели с призвуком металла.

Генерал подпрыгивает, вертится волчком, целя пистолетом по углам. Замирает, зажав пистолет меж двух рук и направив дуло пистолета от плеча в потолок. Палец на спусковом крючке. Глаза стреляют по углам.

Выжидает секунду, другую, третью... Прислушивается к безмолвию. Тишина – глубокая гробовая тишина.

Успокаивается, наконец. Подходит к окну и выглядывает. Вздыхает с очевидным облегчением. Мотает головой и вроде как ухмыляется с ехидцей – как если бы самому себе в назидание.

Мышеловка сработала – вхолостую.

Ставит пистолет на предохранитель, суёт в кобуру и возвращается к столу. Опрокидывает толику коньяку в

глотку и бросает следом кружок лимона. Зажёвывает, не позволив оскомине исказить кривой гримасой его лица благородные черты.

Звонит телефон – хватает трубку и долго молча слушает, многозначительно кивая головой.

Генерал: Я понял тебя, Петрович. Молодец. Переходим к варианту «Ч». Да, я объявляю начало операции под кодовым названием «Полковник, ты не прав». Ты и возглавишь операцию. Подельники уже выдвигаются. Самолично опустишь этого засранца с небес на землю.

Вскакивает с места – брови вразлёт выражают крайнюю степень негодования.

Генерал: Что значит – как? А я почём знаю?! Сам думай – на то тебе и голова прилагается.

Кричит в трубку, и голос его ужасен в окрике гневном.

Генерал: А нет, провалишь дело, так я тебя самолично опущу! Понял?! Тогда выполняй! Всё остальное тебя не касается.

Не присаживаясь в кресло, быстро нажимает кнопки на телефонном аппарате и кладёт трубку на сукно.

На третий гудок аппарат оживает скучным, едва ли не с зевотой голосом.

Голос: Слу-ашаю.

Генерал: Послушай, Сан Саныч, хватит зевать. Подними две группы своих орлов – и срочно по машинам. А пока то да сё, дуй ко мне, за инструкциями. И живо. В темпе

вальса.

Динамик аппарата изрекается на весь кабинет громким обиженным голосом старого избалованного служаки, который служит командиру не за страх, а за совесть.

Сан Саныч: Я тут было в кафешку намылился. Звонок ваш меня в дверях застал. Ребята уже заказ сделали – ждут, верно, когда официант принесёт чебуреки с бульоном...

Генерал: Сегодня на обед тебя пончики ждут.

Сан Саныч: С чем пирожки?

Генерал: С таким! С чем ещё? Короче, некогда по всяким кафешкам рассиживаться. Отменяй свой заказ – и живо дуй ко мне. Работёнка есть. Время не терпит.

Сан Саныч: Как же я отменю заказ, если я здесь, а ребята там – заказывают?

Генерал: Значит, не отменяй. Не время зубоскалить! Ты меня понял? Не до шуток.

Генерал обходит вокруг стола. Плеснул в рюмку коньяку. Маханул залпом, сглотнул. Бросил в рот кружок лимона, зажмурился – и уже опять ходит по ковру кругами.

Берёт бутылку и бокалы и несёт к бару. Убирает внутрь. Запирает дверцу бара на ключ. Ключ кладёт в карман.

Возвращается к столу, тянет руку к портсигару и вдруг, как будто бы опомнившись, отдёргивает. В воздухе нетерпеливо клацает большим и средним пальцем правой руки: щелчок – вспомнил!!! – и бежит к шкафу, присаживается на

корточки и запускает руку в щель между стеной и задней стенкой шкафа.

Отворяется входная дверь без стука, и в кабинет вваливается этакий стареющий бодрячок.

Вошедший застаёт генерала врасплох за весьма престранным занятием: тот сидит в углу у шкафа на корточках и натягивает пружину мышеловки.

У вошедшего брови ползут вверх, причём левая бровь как бы разъезжается в стороны обеими своими рассечёнными половинками.

Сан Саныч: Что это вы, товарищ генерал?

Генерал: Что-что! Не видишь, что ль? Мышеловка!

Сан Саныч: Разве у нас завелась какая мышь?

Генерал: Ну, мышь не мышь, а тварь какая-то ползает. Это точно. Особенно по ночам...

Сан Саныч: Надо бы службу вызвать...

Генерал: Кончай базар. Сам разберусь с поскрёбышем чёртовым. Не мышей же ловить позвал тебя?!

Генерал сует мышеловку со взведённым механизмом на своё место за шкафом и, присев к столу в кресло, переходит на деловой тон.

Сан Саныч приглашения не ждёт – садится в кресло напротив стола. Куда только подевалась рыхлость, вальяжность, выражение панибратства, когда он подобрался подобно пружине внешне и внутренне и был самой вниманием и готовностью.

Генерал: Наш коллега, – всем нам хорошо известный, поэтому не будем называть имён, – в данный момент находится на пути в аэропорт. С ним в машине капитан и трое постовых. Ну, и как водится, местное отделение в курсе происходящего. Им приказано оказывать всяческое содействие, работать в контакте и так далее. На хвосте у него Петрович с ребятами. Негласно. Подглядывает. Подслушивает. Перехватывает – даже мысли читает. Твоя задача. Первая группа одним глазом следит за полковником, другим за Петровичем. Попутно отслеживает, оценивает, анализирует. Вторая группа страхует первую и подчищает хвосты. В контакт не вступать. Себя не обнаруживать. Обо всех шагах докладывать.

Сан Саныч: Слушаюсь!

Генерал: Это хорошо, что тебе понятно. О себе этого не скажу. В общем, будь готов ко всякому. Даже самому необычному, я бы сказал – самому невероятному. Особое внимание всевозможным мелочам, нелепостям, совпадениям и так далее...

Генерал замолкает, задумавшись на мгновение, несколько раз оценивающе вскидывает свои пытливые глаза и ловит в фокус глаза подчинённого, словно бы ищет там ответа на незаданный вопрос.

Встаёт с кресла и идёт к бару. Достает ключ из кармана, отпирает бар. Плескает в пузатый бокал коньяку, выпивает залпом и закусывает кружочком лимона. Крякает

от удовольствия.

Сан Саныч сглатывает так, что слышно, как судорожно дёргается кадык в пересохишем горле, и облизывает шершавым языком губы. Ещё раз сглатывает – на этот раз слюну.

Генерал возвращается к столу. Берёт в руки золочёный портсигару, достаёт сигарету, прикуривает. Присаживается на стол и подталкивает портсигар Сан Санычу.

Генерал: Закуривай.

Сан Саныч: Я привык к своим.

Генерал: Правильно. Меньше кашлять будешь. Тем более, что своих ты сроду никогда не имел. Так что угощайся. Без стеснений.

Сан Саныч берёт чужую сигарету и молча закуривает.

Генерал: Ты сам знаешь: к тебе я не равнодушен. Можно сказать, в любимчиках ходишь. Поэтому, для тебя лично, у меня особое задание. Работать будешь отдельно от группы. Один. Коньяку не предлагаю. Тебе потребуется сегодня трезвая голова. Выпьем потом – на брудершафт.

Сан Саныч: Инкогнито?

Генерал открывает рот, но ни звука не вылетает из приоткрытого пространства. Очерчивает рукой неопределённый круг в воздухе. И молча плотно сжимает губы, стискивая к тому ещё и зубы так, что желваки завязываются на порозовевших скулах в фигурный узел и слышен характерный скрип. Опять открывает рот и молчит, как будто всё ещё размышляет над тем, говорить или не говорить даль-

ше, и всё-таки решается рассказать.

Генерал: Тут такая, видишь ли, петрушка. Давняя, очень давняя история. С бородой. Ещё из советских времён тянется ниточка, да никак не оборвётся. Нам и предстоит взять ту ниточку за кончик да и продеть в ушко иголки.

Сан Саныч: А что за иголка такая?

Генерал сминая в пепельнице окурок. Отходит к бару. Выпивает коньяку. Закусывает лимоном. Возвращается к столу. Садится в кресло. Закуривает новую сигарету и говорит, глядя прямо в глаза Сан Санычу.

Генерал: Думаю, могу тебе полностью доверять. Язык будешь держать за зубами. Не могу не рассказать. Иначе не прощу себе, если что... Тьфу-тьфу-тьфу! Трижды через левое плечо.

Генерал трижды стучит по столу костяшкой согнутого в суставе указательного пальца и трижды плюёт через левое плечо – каждому, стало быть, из трёх чертей прямо в глаз, то бишь в самое яблочко.

Генерал: В бытность капитаном вёл одну шлюшку...

Генерал замолкает и сглатывает слюну, как будто пытается проглотить ком, застрявший в горле.

Сан Саныч тоже молчит, опустив глаза долу, и следит за своими пальцами, которые подушечками нетерпеливо барабаниют по подушечкам пальцев другой руки, из чего опытный взгляд сразу же распознал бы в нём левшу, поскольку именно пальцы левой руки ударяют, а подушечки пальцев правой

руки принимают на себя эту нервную дробь. При этом великий спец даже не подозревает, какой прокол допускает из разу в раз, не изменяя этой давней привычке.

Генерал наливает в бокал коньяку и только после того, как выпил, продолжает свою проникновенную речь.

Генерал: Банальная история. Иностранцы, валюта, всякие там фарцовые дела. А с другой стороны, конструкторское бюро НИИ. Не почтовый ящик. Тем не менее, скажу я так, в серьёзное дельце выливались все эти связи. По тем, разумеется, временам. Рыбка клевала на наживку – и вдруг сорвалась с крючка. Облом. Дело разваливается. Главные свидетели молчат. Подозреваемые исчезают. Телефон раскаляется от звонков сверху. Мне угрожают, меня пугают.

И всё бы ничего. Как говорится, кто старое помянет, тому и глаз вон, если бы не одно очень и очень престранное обстоятельство.

Сан Саныч: Многие, я слышал, товарищ генерал, судачат, будто было дело, которое едва не стоило вам всей карьеры.

Генерал: На роток не привернёшь крючок. Поэтому даже и не знаю, как приступить к рассказу так, чтобы не прослыть... скажем мягко – не от мира сего. Дело, видишь ли, если вкратце обрисовать, было нечистое с самого его начала.

Вызываю я подозреваемую на допрос, а вместо дамочки в кабинет вваливается какое-то волосатое чудище и с четверть часа мутузит меня. Прямо в кабинете. И никому до этого нет

дела. Более того. Мне шьют аморалку... Обычная подстава. Самая подлая и гадкая из всех, какие только могут быть: баня, девки, водка и пьяный дебош, с дракой из-за девок. Отстраняют от ведения следствия и передают дело в чужие руки. Ну, понятно, как обычно – по тем временам. Похоронили дело. Меня же и обвиняют, якобы это я развалил. А дело-то, можно сказать, уже в шляпе было! Спорить и доказывать бесполезно: всё на лице написано – как ни отпирайся, а красноречивее улики сам господь бог слов не сыщет.

Сан Саныч: И?

Генерал: Что «и»? Сам соображай. Хуже всего, что всякие, понятно какие, сплетни достигли семьи... Холостяк я с тех пор, так что у всякой неприятности есть и свои приятные стороны, как видишь. Хорошо ещё, что погоны не посрывали за то, что сунул свой нос не туда, куда надо. А как не в своё дело?! Чьё же? Дело-то было моё – да сплыло!

Шлюшка тем временем как в воду канула, а с нею – и все концы в воду. Но за ниточку, пускай и скользкую, я всё ж таки ухватился. Я опытный и очень терпеливый охотник. Вспугнул зайца – и жду, пока он по своему кругу бежит, а как круг петлёй затянется, тут-то он сам и выскочит на меня: я его за уши – да под рентген, чтоб просветить насквозь. А за плечами у зайца мешок, да не простой мешок – мешок с деньгами. Ну а мне говорят: не твоё, мол, дело, не за чем и нос свой любопытный совать. Так, мол, не ровён час и носа лишишься. Деньги, дескать, найдены. Они в матрасе были

защиты, на матраце некий швейцар в своей берлоге почивал. Ну а как издох, то матрац и вскрыли ненароком неловкие людишки – вот денежка по ветру и разлетелась. Так что дело закрыто. Один только рублик рваный да мокрый и остался – свидетель в нашем деле тот ещё. Знаю я их ветер! У меня не только рублик драный заговорит – у меня стены имеют уши. И матрац был, и деньги в нём зашитые, и даже ветер. Только раскопал я дело Швейцара и выяснил, что место то же, да время выпало не то. Неувязочка у них вышла. На мякине меня не проведёшь. Да и пугать не испугаешь: я не заяц, я не из пугливых. Пошёл тогда я по старому заячьему следу на свой страх и риск, да вот незадача какая случилась: и след его к тому времени уже простыл – оборвался, как будто у зайца того крылья выросли, и он улетел.

Сан Саныч: Куда улетел?

Генерал: Куда-куда?! Известно куда! В тёплые края. Куда наши руки короткие, чтоб дотянуться.

Сан Саныч: А какого цвета был заяц? Белый или серый?!

Генерал: Сметливый, как погляжу, ты, однако ж. Бывают зайцы белые – бывают серые, а вот мой заяц был просто безбилетный.

Сан Саныч: Неужели тот самый?!

Генерал: В самый корень метишь. Потому и поручаю тебе это непростое дело. Дело-то с бородой! Упустишь на этот раз – ни на что не посмотрю: сниму штаны и выдеру как Сидорову козу.

Сан Саныч: Разрешите поинтересоваться, товарищ генерал: что за коза и кто такой Сидор?

Генерал: Нашёл, блин, время для шуток.

Сан Саныч: Понятно.

Генерал: А раз понятно, то и задача твоя предельно ясная: поймать зайца и отбрить. И дело в шляпе. Проколешь-ся, так и знай: опушу по полной программе!

Сан Саныч: А что это за волосатое чудище такое было?

Генерал: Домовой.

Сан Саныч: Как домовый?! Какой домовый?! Кличка, что ль, такая?

Генерал: Свидетели, я их как орешки расколочил, показали на допросе. Клички его я так и не узнал. Знакомые звали его Капкой. Фамилию тоже не удалось выяснить. Род занятий – домовый.

Сан Саныч: Товарищ генерал, вы простите, что туплю, но я, честно признаюсь, ничего не понял из вашего рассказа.

Генерал: К сожалению, не вы один такой. Я тоже ничего не понял. Поэтому я и прошу, Сан Саныч: отнесись к поручению со всей серьёзностью и осторожностью. Верю. Надеюсь. И, не удивляйтесь моим словам, молюсь за удачу предприятия.

Сан Саныч: Ну, а в рапорте вы это всё отразили? Наверное, с вами беседовали, задавали вопросы?

Генерал: Кто ж такое отражает в рапорте?! Примут ещё за чокнутого! И вопросы, само собой разумеется, задавали.

И по душам беседовали... Кстати, знаете, почему все вокруг говорят о боге, но никто его в глаза не видел – собственными ушами не слышал? Как если бы следы есть, а того, кто наследил, – того нет и никогда, уж кажется, не было. Один помин остался.

Сан Саныч: Честно сказать, никогда не задумывался.

Генерал: Да потому, что в начале было слово, но слова богу никто не давал. Все только просят. Себя слушают – не его.

Сан Саныч: Надо будет запомнить.

Генерал: Да уж, запомните. В начале было слово, а потом только бог объявился. Слово то, на правах первого, он, видать, и прикарманил. Только не шутка это. Шутить будем потом. Когда вся эта нечистая шатия-братия окажется в обезьяннике, а обезьянник в глухой камере с метровыми стенами без окон, без дверей, а за стенами камеры – высокий забор с колючей проволокой под напряжением. У клетки автоматчики, вдоль стен изнутри и снаружи по периметру автоматчики. И всё это внутри бетонного бункера замуровано – да глубоко под землю закопано, а сама земля на необитаемом острове посреди океана...

Сан Саныч внимательно взглядывается в лицо генералу. Молчит. Озадаченно.

Генерал: Да не гляди ты на меня, как на сумасшедшего. Я в своём уме. В здравом. В трезвом рассудке, не тронутым коростой безумия. И с памятью у меня тоже всё в полном

порядке. Коньяк, он знаешь, не даёт извилинам коснеть. А лимон нюх обостряет. Дядя мой меня научил – и я тебе совету. Только по чуть-чуть и не в служебное время...

В общем, Сан Саныч, будем считать, что я тебя предупредил. А дальше твоё дело. Давай, время пошло. Удачи. И помни: с этими тварями нечистыми шутки плохи.

Сан Саныч бодро, но в странной задумчивости покидает кабинет своего непосредственного начальника. Генерал окликает его – на пороге.

Генерал: Случись, пересекутся где наши стёжки-дорожки, не удивляйся и виду не вздумай казать, будто узнал. А теперь ступай, и с богом!

Сан Саныч: Есть!

Генерал: Да, и захвати с собой очки.

Сан Саныч: Зачем?

Генерал: Чтоб зорче читать по бровям. Или совсем забыл такой немой язык, которому тебя учил?

Сан Саныч: Что – издалека читать?

Генерал: Почему издалека? Кто сказал издалека?

Сан Саныч: Нет, я к тому, какие очки брать – приближающие или отдаляющие?

Генерал: И те и те – увеличивающие и уменьшающие разном. Ещё вопросы есть?

Сан Саныч: Последний вопрос, мой генерал. А не прорабатывали ли вы версию заячьих ушей?

Генерал: Ну-ну, смелее же!

Сан Саныч: Не замаскировал ли тот, на кого идёт охота, под уши свои крылья, чтоб если что не так, к богу взлететь и там, как на дно, залечь, чтобы переждать, пока шумиха во-круг ни уляжется. Кому придёт идея в голову искать его у бога за дверью – на хате в углу?!

Генерал: В самом деле, надо будет проверить эту версию тоже. Чем чёрт не шутит?! В общем, схватим за уши, сбреем бороду – и посмотрим, на кого он похож... А до тех пор, чтоб ни волосок с головы его не упал. И не упусти! Ещё есть вопросы?

Сан Саныч: Никак нет, товарищ генерал.

Генерал: Задачи понятны?

Сан Саныч: Так точно!

Генерал: Тогда круу-гом! Шагоом арш!

Сан Саныч: Есть!

Сан Саныч аж присвистнул и уж готов был приступить к исполнению этого непростого поручения, когда генерал опять окликнул его, в дверях на полушаге.

Генерал: Да, и ещё, дружок. Пришли-ка ко мне, пожалуй, ещё и Жана. И скажи ему, чтоб одна нога там – другая здесь. Знаю я его повадки.

Наконец Сан Саныч покидает кабинет. Уже едва ли не бегом.

Генерал сидит какое-то время, размышляя о чём-то своём, да и опять хватается за телефон. На этот раз трубку прижимает плотно к уху.

Генерал: Начальника лаборатории...

Ждёт долго, настолько долго, что кабинет погружается в зловещую тишину, и, чтобы разрядить эту гнетущую атмосферу, где-то в углу, слышать, зашебаршился поскрёбьши, снова принявшись за своё назойливое точило. Но генерал, глубокую думку думая, как будто бы не слышит поскрёбывания в углу и, плотно прижав к уху телефонную трубку, напевает, точно кот мурлыкает себе под нос: отчего я не сокол – отчего не летаю, отчего же ты, боже, мне крыльев не дал?!

Вдруг он встряхнул головой, прогоняя с глаз долой застывшую их мечтательным облачком туманную дымку, очнулся от грёз и говорит вполголоса, разве что не шепчет.

Генерал: Ты, брат, меня не грузи всеми этими своими заумными терминами. Будь проще...

Генерал: Да. Да. Да. Ничего? Вообще ничего?! А мыши?

Генерал: Нет, говоришь, мышей? Странно. Может, кошка?

Генерал: Ну да, в самом деле. Откуда ж здесь приблудиться кошке?! Хм... А что с шерстью, которую я сдал на анализ?

Генерал: Ага. Теплее. Если не шерсть, то что...

Генерал: Вот-вот-вот. Это уже интересно... Хм, чем интересно, спрашиваешь? Да тем и интересно, что не три шерстинки из корня, а одна – всего-навсего одна волосина. Вот так-то...

Генерал: Ладно, сейчас сам буду. Я спущусь к тебе – там, внизу, и потолкуем по душам. Да-да, кладу трубочку и спускаюсь в твоё полуподвальное царство. Встречай!

Генерал опять прикладывается к коньяку и быстрым шагом направляется к выходу из кабинета, когда вдруг, словно спохватившись, замирает перед дверью, делает характерное движение рукой, чтобы высвободить запястье из-под манжета и глянуть на часы. Стоит в нерешительности, глядя на циферблат часов едва не с четверть минуты, затем машет в отчаянии рукой и качает неодобрительно головой из стороны в сторону. Тянется к ручке двери и... Дверь отворяется помимо его усилий. Навстречу ему – Жан. Кошачьей походкой.

Разговор короткий. На пороге кабинета.

Генерал: Ну и где тебя черти носят?! Сколько можно ждать!

Жан: Да я... у меня, товарищ генерал, одна нога там – другая здесь. Я что?

Генерал: А ничего! Посмотрите только на этого красавца, а?! Поразбрасывал ноги – туда, сюда, ещё хрен знает куда... А самого не дождёшься.

Жан: Нет, ну я...

Генерал: Ладно, слушай. Задание ответственное и сложное. И рассусоливать тут некогда. Твоя задача быть впереди на шаг, а то и два.

Жан: Впереди кого?

Генерал: Того, на кого идёт охота.

Жан: А на кого идёт охота?

Генерал: В том-то и дело, что точно пока неизвестно, понятно? Поймаем за уши, как бабочку за крылья, отбреем – тогда и узнаем.

Жан: Хм, а как же мне узнать?

Генерал: Ты меня спрашиваешь?!

Жан: А кто у нас охотник?

Генерал: А вот это уже не твоего ума дело! Ещё есть вопросы?

Жан: Никак нет, товарищ генерал. Но мне всё равно непонятно...

Генерал: А если не понятно, тогда надо исполнять приказы. В точности. Скрупулёзно. И внимать, когда старшие по званию говорят, раз своего ума мало. Теперь понятно?

Жан: Так точно, товарищ генерал.

Генерал: Тогда слушай. Петрович, отсекая следопыта, сядет на хвост тому, за кем идёт охота, и будет у него за плечами. Рядом пристроится Сан Саныч. Как бы с боку с припёку. Следи и будь впереди на шаг – другой.

Жан: В контакт вступать?

Генерал: По обстоятельствам. Себя не обнаруживать.

Жан: Насколько тесный контакт?

Генерал: Для непонятливых повторяю: по обстоятельствам! Но если пойдёшь на контакт, то будь уж любезен – настолько тесный, чтобы объект приклеился к тебе сам и ни

за какие коврижки на свете не захотел отлепиться. Теперь всё понятно?

Жан: Так точно.

Генерал: Тогда действуй.

Жан: Есть!

Жан бежит из кабинета. Следом покидает кабинет и генерал, хлопнув дверью. Когда эхо от удара о косяк затихает, то в мёртвой тишине раздаётся раздражающее слух поскрёбывание.

Действо третье

Смена декораций, но не настолько существенная, чтобы нарушить обусловленное обстоятельствами действия единство места. Время то же.

Кабина лифта. Открываются двери лифта.

Генерал (вслух самому себе): Если полковник прав, то как звать того, кого сначала зарезали да похоронили глубоко во сырую землю, а когда воскрес, тогда застрелили, сожгли вместе с домом, косточки обугленные обследовали и вторично догорать отправили в крематория печь. И кабы опять восстал бы Ты из мёртвых – так кто еси Ты?! Я не Понтий Пилат – я генерал. Да пусть хоть генералиссимус! Пасть на колени и, воздев к небу очи, молиться о доле горемычной своей – о душе, погрязшей в грехах? Нет!!! Сия роль не про меня. Потому не быть полковнику – правым! Никогда!!! Пусть даже земля разверзнется у меня под ногами...

Генерал сжал кулаки и, воздев над головой, грозно потряс ими в воздухе.

Генерал (в гневе): Опущу собственноручно – в разверзшуюся твердь под ногами!

И по-генеральски bravо и бесстрашно вступил в лифт.

Над раздвижными дверями световое табло, с указанием всех надземных и подземных этажей. Напротив дверей – зеркало. Сбоку, слева от входа, на стенке кнопки, большие и с подсветкой. Маленький диванчик. Рядом в углу столик. Телефонный аппарат. На полу пушистый красный ковёр.

Генерал (уже рассудительно): Мудра, однако ж, Софья Андревна. Ох и мудра, плутовка! Опустить полковника, и точка!!!

Жмёт пальцем на кнопку с литерой «П», и двери закрываются у него за спиной.

Лифт мягко трогается вниз – в подвал. Циферки на табло плывут, как обычно подмигивая: ...7, 6, 5... Генерал, рассматривая своё отражение в зеркале, поправляет причёску, приглаживает усики, почёсывает брови, смахивает ладонью с покрытых погонами плеч волосинки и крохи упавшей перхоти – будто грехи отпускает. Как если б то были лохматые снежинки, упавшие с неба... 2, 1, 0, П...

Генерал оборачивается лицом к двери и вдруг с недоумением поднимает взгляд на световое табло.

Генерал: Куда?! Стоять!!!

Лифт, вопреки команде, падает вниз, да ещё и ускоря-

ясь: – 1, – 2, – 3...

А шкала мелькает.

–10, – 11, – 12...

Вот уже и тело невесомо.

–20, – 30, – 40...

Генерал: Боже ж ты мой! Папочка, родненький, миленький, – помоги!!!

То ли слышится, то ли мнится генералу голос папы.

Голос: Сын, я тебе говорил – я тебя умолял. А ты не слушал советов отца родного. Теперь сам расхлёбывай...

Генерал обеими руками хватается за голову.

Генерал: Ужас, о, боже!!!

В громкоговоритель, как в метро, объявляют низким утробным скрипучим голосом.

Голос: Уважаемые господа пассажиры! Следующая остановка – конечная: «Преисподняя». Лифт ниже не падёт. Просьба освободить помещение...

И гробовая тишина.

Двери открываются...

Лифт пуст.

Время замирает на месте, опрокидываясь в вечность.

Заключительная сцена

Генеральский кабинет. Та же обстановка. Ни души. Ни звука. Зарёй обгажены окна.

Звонит телефон: долго, нудно. Замолкает.

Тишина.

Звонит телефон: долго, нудно. Замолкает.

Тишина.

Звонит телефон: долго, нудно. Замолкает.

Тишина.

Звонит телефон: долго, нудно. Звонок обрывается – и тут же опять звонит. Обрывается звонок – звонит. Звонит – звонит – звонит.

Звонит второй телефон, третий.

Безумолку.

Трио надрывается, как будто невидимый дирижёр за сценой размахивает без усталости палочкой, нагнетая, убыстряя, взвинчивая до безумия сумасшедшую какофонию.

И вдруг тишина.

И вот по коридору уже бежит эхо сразу от нескольких пар каблучков.

Эхо высокое: Генерал назначил себя главнокомандующим и уехал воевать вселенское зло.

Эхо низкое: С таким успехом можно зайца назначить вагоновожатым.

Эхо дуэтом в терцию: Впустив в мир зло, должно понимать, что оно не уйдёт из мира не солоно хлебавши, кроме как заземлившись через чью-либо заячью душонку.

Эхо дуэтом, взяв квинту: И жди, что семена будут посеяны и злаками беды да горя взойдут на ниве, окропленные горько-солёными слезами.

Многоголосье : Земля – это рай, воздух в котором испортили люди. Познаешь тот рай, лишь побывав в аду, в который сам себя человек и опускает.

Эхо смолкает. Наступает тишина – мёртвая. За окном полыхает кровавая заря, и кабинет окутывают сумерки – всё гуще и гуще.

Средь оглушительной тишины в полном мраке вдруг явно слышно, как кто-то поскрёбывает в углу. И точит, и точит, и точит...

ЗАНАВЕС

медленно опускается

Генерал и его мыша

Театральный разъезд

Не называй её небесной

И у земли не отнимай!

Николай Филиппович Павлов

Под оглушительные аплодисменты зала, которые наверняка были слышны вне стен здания театра, достигши даже ушей скучающих от безделья водителей двух представительских автомобилей, что нудились у театрального разъезда, Аркадий Наумыч вскакивает в негодовании с места, и восклицает так гневно, что едва не перекрывает своим командным голосом овации:

– Можно подумать, быть генералом – постыдное дело!

Аркадий Наумыч не помнил, когда бы последний раз в своей жизни он так краснел от негодования, и чувство жжения по самой кромке ушей и горение щёк совершенно не смущало его. Праведный позор – как праведный гнев. Он пылал изнутри, и бесчестья красок загар не в мочи был притушить даже густой сумрак, окутавший ложу.

Трудно сказать, слышали в партере его слова или нет. А ежели расслышали, то кто же они и сколько их было – тех, разумеется, у кого столь чутки уши, чтоб услышать, как по-

скрёбывает мыша в углу генеральского кабинета?!

Поднялся занавес, и воссияла сцена в огнях софитов.

Актёры выходили под крики «Браво!» и кланялись – кланялись, казалось, в направлении ложи. При взгляде снизу вверх можно было подумать, будто в затемнённой ложе почивают на лаврах драматург и режиссёр сего представления. В чём-то, должно быть, зрители были не так уж и неправы, особенно, если вывернуть слова наизнанку да передёрнуть их смыслы.

– Скажи, какой генерал бравый, а?!

А к какому из двух, однако ж, генералов обращены её обидные слова?

Софья Андреевна бросила с размаху на сцену букет, который преподнёс ей от всего сердца Аркадий Наумыч при свидании. Казалось, она напрочь растоптала его чувства, всколыхнувшись было в нечаянной надежде, и он не понимал, отчего же так случилось вдруг, но стоял, ожидая продолжения скандала.

– Bravo! Брависсимо!!! – воскликнула она.

Генерал на сцене поймал на лету букет и, послав в ответ широким жестом воздушный поцелуй, склонился в бесконечно низжайшем поклоне.

На сцену летели цветы – точно бы с небес падали снежки, образуя пёстрые благоухающие сугробы. В театральном зале поднималась живая волна – под бравурные крики, свист и шквал аплодисментов актёры неистово кланялись, впервые,

может статься, встретившись в своей артистической карьере с таким небывалым успехом. Глаза лучились.

Поистине, это был фурор: зрительный зал, словно обезумев, неистовствовал от восторга.

Круто развернувшись, Аркадий Наумыч двинулся было в гневном порыве к выходу из ложи, когда услышал в спину:

– Генерал и его верная мышь – как славно, не правда ли?!

Решительно ухватившись рукой за бронзовую ручку, так и застыл он вполоборота при выходе из ложи, отвернув голову и гордо откинув назад вороные пряди волос. Должно быть, он полагал, что в этот момент он чертовски красив и необыкновенно импозантен, а главное, горд наперекор судьбе. Всем своим видом говорил генерал, будто генералы никогда не сдаются на милость врагам, но враг генерала пленяет коварством, как порой шестёрка бьёт туза.

Отчего-то, однако ж, руки повисли, и нахлынуло безволие, – и генерал не устоял и минуты в своей праведной позе.

– За что вы меня так?

Ему показалось на миг, будто в груди у него проснулось маленькое серое существо, которое по ошибке кто-то именует душой, и защемило. Сие странное существо вдруг выпростало изнутри себя ручонку, да и махнуло квёло в сердцах – не безразлично ли?

– Зло должно быть наказано – таковы законы жанра.

Он обернулся на голос, точно очнувшись, да вдруг как закричит, глядя мимо неё – едва сам не бросаясь за бархатные

перила ложи:

– Бра-во! Бра-во!! Бра-во!!!

И партер, чуть-чуть было попрутись и, должно быть, сдвинувшийся уже на пару шагов к выходу из зала, опять словно взорвался, и волна зрительская хлынула к сцене. Столпившись, приветствуют и будто ждут продолжения. А продолжения нет. Артисты берутся за руки, широко распахивают сияющие глаза на яркий свет гигантской хрустальной люстры, свисающей над головами в партере на цепях, и вздымают волной руки да вдруг преклоняются дружно ниц в благоговении пред восхищённым залом.

– Что ж вы не бежали, повинясь первому зову сердца? – Софья Андреевна роняет тихое слово с незлым укором. – Может, это было бы и в самом деле лучшим для вас исходом.

– Я... я не знаю, что и сказать-то. Мне стыдно...

Ни словом не обмолвившись в ответ, она встала с кресла и быстро вышла из ложи. Аркадий Наумыч поспешил следом, чуть-чуть позади и в стороне, в почтительном полушаге. Она пересекла пустынное фойе, оделась, позволив ему накинуть себе на плечи меховое манто.

Когда генерал хмуро надвинул шляпу на лоб, Софья Андреевна глянула презрительно и обронила:

– Шляпа вам не к лицу. Выбросьте её в мусорную корзину. Ну, и зонтик заодно: занимает руки.

И пошла на выход.

Аркадий Наумыч в отчаянии смял в руках свою шляпу и

бросил назад гардеробщику, что подавал ему плащ с зонтом, и бросился вослед.

Мела влажной пылью сентябрьская морось.

Водитель большого красного автомобиля распахнул перед Софьей Андреевной заднюю дверь.

– Вы не обязаны следовать за мной, – сказала она, ни манием не выражая намерения.

– Вы гоните меня от себя?! – в отчаянии воскликнул генерал.

Софья Андреевна вошла в автомобиль, и прежде, чем водитель захлопнул за ней дверь, с досадой промолвила:

– В своей машине я привыкла ездить сама.

Опустилось вдруг стекло, и Софья Андреевна, как если бы противно чувствам своим, но из жалости одной, сказала ему в назидание:

– Да, и будьте столь любезны, чтоб зарубить себе на носу: алые розы – это пошло...

Аркадий Наумич открыл рот, онемев, – да так и окаменел, будто фигура изо льда. Залучись тут солнышком её улыбка, он бы попросту растаял – и осталось бы у театрального разъезда одно мокрое пятно от бравого генерала.

Софья Андреевна махнула рукой водителю:

– Поехали!

Красный автомобиль сорвался с места и помчал по мостовой, звучно хлопая по брусчатке большими колёсами.

Едва придя в себя, генерал в нетерпении замахал рукой – тут же подкатилась большая чёрная машина. Он впрыгнул на переднее сидение, чем несказанно удивил шофёра, и велел коротко:

– Следом! – И за неимением других слов, добавил для вящей ясности: – Потеряешь – уволю.

Взгляд молний не метал, голос раскатами грома не рокотал, но любой мало-мальски знакомый с Аркадием Наумычем человек с полувзгляда определил бы: генерала обуяло ледяное бешенство, и в ослеплении он готов убить и не заметить.

Шофёр вцепился в руль обеими руками, утратив вмиг вальяжные манеры. При взгляде со стороны, могло показаться, что ни один пешеход, из тех зрителей, что вдруг валом повалили из дверей при театральном разезде и были очень неосмотрительны, пребывая ещё под впечатлением трагедии, не угодил под колёса только благодаря невероятному везению или, что вероятнее, обыкновенному чуду.

На хвосте удержаться никак не удавалось, особенно на поворотах, когда задние огни исчезали из виду на несколько томительных секунд, но генеральский шофёр не был бы истым докой в водительском ремесле, если бы позволил на улицах города кому-либо вклиниться и заслонить преследуемую им цель.

Какой-то шальной гаишник, с дурацкой полосатой палочкой в руках и свистком во рту, вдруг бросился под колёса,

телом преграждая дорогу. Шофёр едва удержал машину на мокром асфальте.

– Придурок! – заорал в окно, взбесившись, Аркадий Намыч отпрыгнувшему старлею с лицом, как та бледная луна, что испуганно спряталась за хмурыми низкими тучами в неласковом небе. – Сгинь к чёрту! К чёрту!! К чёрту!!!

И кричит на шофёра:

– Вперёд! Трогай, рыба снулая!

Драгоценные секунды, однако ж, были потеряны – безвозвратно. Так неизменно случается, когда теряешь время, и не ценишь текущих мгновений вечности бытия.

Дорога была мокрая, грязь летела в лобовое стекло, и щёточки не переставали шаркать туда – сюда, вызывая ещё большее нетерпение.

– Упустили, – выдохнул наконец шофёр и обречённо добавил: – Можете сразу убить, не сходя с места. Или уволить.

И машина причалила к обочине.

Весь материальный мир будто схлопнулся внутрь себя, и установилась мёртвая тишина, подобная, наверное, мгновению накануне вселенского взрыва. Время остановилось...

Удар кулаком сотряс изнутри машину – и жизнь потекла своим мерным чередом.

– Трогай!

– Куда?

– Куда-куда! В театр, куда ж ещё?! За шляпой, за зонтом...

Едва Аркадий Наумыч поднялся по ступеням ко входу в театр, как парадная дверь открылась навстречу – и сквозь щель услужливая рука протянула ему плащ, смятую шляпу и зонт. Как будто ждали. Перекинул через локоть плащ, нацепил шляпу и, раскрыв зонт над головой, медленно пошёл вниз.

Водитель распахнул перед ним заднюю дверь машины.

Дождь внезапно прекратился.

Бросив плащ на сидение, Аркадий Наумыч возвёл тоскливый взгляд к ночному хмурому небу и не ощутил мокрых капель на своём лице. Закрыв зонт и буркнул:

– Отставить!

За весь вечер он не выкурил ни сигареты, и даже не ощущал позывов. Забыл. Это было настолько удивительно, что он пожал плечами и полез в карман за золочёным портсигаром.

Отошёл к колонне при входе. Прислонился спиной к холодному камню, который уже сушил ночной сентябрьский ветерок, и закурил, задумавшись.

Мглу неба окрасили в розовые тона ночные огни большого города, и сквозь разрывы туч проглядывали одинокие звёзды. Налетел резкий ветерок, и стало совсем свежо. Генерала передёрнуло: изнутри пробрало холодом. Зябко. Не за горами, по всему видать, морозные утренники, украшающие инеем жухнувшую прямо на глазах траву да ветви деревьев, ещё

не успевших разоблачиться. Совсем скоро скинут с себя наряды поры ласковой и тёплой, и будут стоять убогими, корявыми и бесконечно сиротливыми.

То ли холод камня передался его нутру, то ли свежесть осеннего ветерка пробрала до мозга костей, – внезапно он ощутил настоятельные позывы нужды более острой и безотлагательной, нежели дымок сигареты. Не успел осознать, как вдруг приспичило, да так, что терпеть стало невозможно. Он посмотрел на недокуренную сигарету и, не найдя пепельницы в поле видимости, без сожаления отщёлкнул от себя бычок. Очертив красную, огненную дугу, окурок приземлился далеко, озарив обиженной искрой мостовую при театральном разъезде.

Аркадий Наумыч торопливо подступил к парадной двери театра и дёрнул на себя за массивную резную бронзовую ручку, похожую скорее на перила.

Холод металла отозвался нестерпимым мучением внизу живота, и он запрыгал на месте. Вспомнил с завистью вдруг про мальчика, который умел взлетать и парить в воздухе, когда б его избавили от грехов, притягивающих долу. И даже ухмыльнулся с ехидством про себя: кто бы его сейчас взял да и облегчил от настоятельных прегрешений и острых излишеств?!

В нетерпении, переминаясь с ноги на ногу, он барабанил в дверь и дёргал на себя ручку до тех пор, пока не отворили.
– Чего тебе? – проворчал ночной швейцар в унисон скри-

пу дверных петель и устался на непрошеного гостя, что, в шляпе, с зонтом и без пальто, отчего-то подпрыгивал перед ним на месте.

– Мне бы зайти...

– В ночной клуб только для членов, и с той стороны. А буфет уже закрыт.

– Вы что – не узнаете? – возвысил голос генерал, краснея от натуги. – Я только что оттуда. Из театра.

– Поздно. Спектакль давно закончился.

– Знаю. Но мне бы вернуться обратно – в уборную...

– Мы не общественный вам туалет, – не без вызова отрезал швейцар и захлопнул пред изумлёнными глазами массивную дверь.

– Да я генерал! – воскликнул Аркадий Наумыч, возмущённый неслыханной дерзостью, и с досады пнул ногой дубовую дверь.

Дверь в то же мгновение отворилась. Швейцар смерил его недоверчивым взглядом своих покрасневших глаз навывкате – от тульи шляпы и до мысиков туфель – и спросил:

– А где лампы?

Аркадий Наумыч забыл и прыгать тут, озадачился едва, с недоумением разглядывая бока брюк своего выходного светского костюма.

Швейцар тоже устался на свои брюки с широкой продольной полосой по бокам. И покачал головой, разведя руки в стороны, – на лице отпечаталась саркастическим оскалом

ухмылка.

– Да что вы мне голову морочите? – вышел из оцепенения генерал и шагнул было через порог.

Швейцар толкнул его в грудь рукой и с силой захлопнул перед самым носом дверь. И был таков.

Аркадий Наумыч растерзал бы швейцара, даром что у того тоже сродственные лампасы на штанах. И убил бы, долго не раздумывая, – прямо из пистолета изрешетил бы. Да вот дверь не отзывалась на удары кулаком, а терпеть ему – уже не вмоготу, и он, пнув напоследок дверь ещё разок, вприпрыжку, чтоб ненароком не обмочиться, поскакал через ступеньку вниз, потом рысцой побежал по дорожке за угол.

Там рос могучий дуб, один единственный на всю округу, и под покровом паветви зеленел лысеющий газон.

Аркадий Наумыч пристроился к огромному корявому стволу в два обхвата. В тени дуба рассвет от уличных фонарей не вполне занялся, а тот фонарь, что за углом скрывался, вдруг потух – и едва не кромешная ночь покрыла сквер. Чертыхнувшись, с мучительным усилием удерживая изнутри себя напор, генерал на ощупь расстегнул непослушную молнию и кое-как направил шипящую струю на корни дерева, чуть замочив пенистыми брызгами мысики тувель.

– Ф-фух! – выдохнул он, чувствуя не столько даже облегчение, сколько истинное наслаждение.

Где-то вверху будто окно зажглось – то выглянула из-за туч полная луна, уронив толику рассеянного света. Забле-

стела искорками трава.

Он отнял руку от ребристого ствола, о который опирался, чтобы не упасть от слабости, внезапно охватившей всё его существо, выпрямился и отступил на шаг, опасаясь, как бы брызги не испортили отутюженной глади брюк выходного костюма.

Зонт подмышкой стеснял движения, придавливая к рёбрам кобуру, с пистолетом в ней. Запрокинул голову вверх и долго испражнялся от обременения, которое вдруг едва не довело его до полного безумия. Над головой раскинулись коричневые ветви могучего дуба, готовые вскоре избавиться от пожелтой листвы. Жизнь в этот миг показалась ему прекрасной, как никогда прежде. Как мало надо человеку для счастья!

Отчего-то вдруг вспомнилось, как по молодости однажды поехал с дядей на охоту. Завалили кабанчика. Пока повар свежует тушу, сами парятся в баньке. И дядя вспоминает, побивая себя берёзовым веником по бокам, как по молодости своей отправился со своим уже покойным дядей на охоту. Сидят у костра, байки травят. Дядя дяде и говорит: схожу-ка, дескать, до ветру. Отошёл в лесок. Присел за кусток. Спустил штаны и кряхтит. Тужится, а не может – травинка щекочет по голой заднице и отвлекает. Никак не сосредоточиться на большом деле. Махнул наотмашь рукой раз, другой, третий – ещё хуже: травинка не просто щекочет, а сучком упирается да холодит. Оглядывается в раздражении...

А там, в свете звёзд и полной луны, морда – медвежья. Косматая! Носом мокрым нюхает зверина и поддевает уже под голый зад...

Штаны в руки – и нужда не нужда. Полетел не хуже, наверное, летающего мальчика – и облегчиться от грехов, что гнетут да давят изнутри, даже не подумал.

Медведь – в противоположную сторону, в чащу леса.

Запрокинул голову назад Аркадий Наумыч и засмеялся... И похолодел враз. Как будто, отступая ещё на шаг назад, зацепился мощной за сук какой нечаянный, и ширинка поглотила набрякший от натуги кончик. Вдруг в штанинах стало тепло... и – о, ужас! – мокро. Он суетливо хватался пальцами за ширинку, пытаясь выудить оттуда... выпростаться... но толку было чуть. Э-эх, чёрт... поздно.

– Так-так! – услышал он за спиной и вздрогнул.

Его кто-то осязаемо потянул, схватив за пояс сзади, и дёрнул, осадив. До него наконец дошло-таки, что за казус нелепый приключился.

Развернулся и утратил дар речи, только глазами моргает от изумления. Что-то внутри булькает, не выходя за пределы побелевших немых губ. Глаза из орбит едва не вылезают. В зобу перехватило, и дыхание спёрло.

– Так-так, – слышит он. – В парке, значит? В общественном месте. В пьяном виде. Да туалет! Другого места, что ль, не нашлось?! – говорит милицейский сержант, скалясь ему прямо в лицо. – Ещё и с зонтиком подмышкой. А пальто?

Из-за спины сержанта другой сержант выходит и, сорвав с головы Аркадия Наумыча шляпу, запускает в полёт по ветру.

– А шляпа где?

За неимением слов, Аркадий Наумыч вцепляется пальцами сержанту в горло – и трясёт, а сам прижимает подмышкой зонт.

– Ты что, урод, позволяешь себе?! – Открылись тут голосовые связки, и командный голос прорезался. – Я – генерал!!! Да я тебя...

– А я генералиссимус, – хохотнул, не теряя равновесия, сержант и двинул кулаком в живот.

Зонт выпал.

Аркадий Наумыч замахнулся, выцеливая... Кулак, однако ж, рассёк пустоту. Он будто провалился. В глазах потемнело, и острая боль в правом боку согнула его в три погибели. Тут же будто разряд молнии ударил его по затылку и пробежал по хребту, до копчика, пронзив до самых пят. Его уронили наземь – лицом в склизкую грязь лысеющего газона. Мелькнула запоздалая мысль: левша, блин, подвернулся под руку некстати.

– Сейчас мы из тебя маршала фаршированного будем делать! – услышал, уже корчась на сырой земле от судороги, когда его дружно отхаживали дубинками по почкам и пинали для пущего порядку коваными ботинками два бравых сержанта.

Боль из него вышибли, и только звёзды яркими вспышка-

ми озаряли мрак затухающего сознания.

Рассвет в то утро в парке для него так и не наступил.

Σύμβαση

Уговор

*О чём молчит душа порою,
И где грехов её тайник?
А может, с мачехой-судьбою
Опять столкнулась напрямик...*
А. Милова

Очнулся Аркадий Наумыч – точно из могилы встал. От чего-то гладко выбрит, острижен налысо. Из носа трубка торчит. В руку воткнута игла. Капельница у койки. Весь опутан полупрозрачными шлангами. Ничего не понимает. Память как тот ослепительно белый потолок, что навис над головой.

Из тумана выплывает знакомое лицо. Сан Саныч, присев на табурет, терпеливо и печально смотрит ему в самые глаза, будто верный пёс.

– Ну, слава богу, – слышит Аркадий Наумыч, словно бы издалека. Оглядывается Сан Саныч и шепчет кому-то: – Оклемались... наш генерал...

– Потопчем ещё, стало быть, нашу грешную землю, – слышит и узнаёт родной голос и, переведя вдаль мутный взгляд, в ореоле тумана различает искажённое состраданием лицо

дяди, что с сочувствием глядит на него свысока. – Будь уверен! И крепись.

Сан Саныч постукивает подушечками пальцев левой руки по подушечкам пальцев правой, и говорит между тем:

– Уж и не чаял. Теперь всё будет хорошо. Софья Андревна, умница, на ноги всех подняла...

Вспомнил!!!

Аркадий Наумыч едва-едва шевелит пересохшими губами, силясь вымолвить.

– Ле-ле-левша... – только и выдохнул.

Сан Саныч понимающе кивает головой.

– Извините, мой генерал, привычка, – и прячет руки за спину.

Аркадий Наумыч пытается рассердиться оттого, что они не понимают, что высловить он силится. Он хотел сказать им очень важное, да мысли спутались, язык не слушается...

– Вам, товарищ генерал, вредно волноваться, – говорит Сан Саныч. – Врачи уже готовят для вас операционную. Осталось только договор подписать – на операцию. – Подумал недолго и, приложив руку к груди, добавил, наверное, чтоб внести спокойствие и ясность: – Я посмел выступить в качестве вашего душеприказчика. Я распорядился, посоветовавшись с товарищами: левую почку изыдем у левши, а правую – у правши. Эти подонки уже под наркозом, на операционном столе.

Отворилась бесшумно половинка дверей, даже сквозняка

не возбуждав. И в палату, накинувши на плечи просторный белый халат, быстрым деловым шагом вошла Софья Андреевна. Как всегда воздушной, небесной походкой, точно бы не касаясь земли. Подошла к койке, нежно потрепала генерала рукой по щеке, пригладив большим пальчиком раскудлатившиеся брови, и он боднулся в ответ, как ласковый котёнок.

– Ну, как ты? – спросили её заботливые глаза, наполнившись влагой солёной и горькой слезы.

И Аркадий Наумыч благодарно смежил веки.

– Ты... мне... снишься... – в беззвучном шевелении губ угадывались немые звуки речи.

– Крепись, генерал – маршалом станешь! – сказала Софья Андреевна и обернулась на скрип.

Открылись на этот раз обе створки двери. Вошла медсестра со шприцем в руке, следом санитары катили тележку на колёсах. Остановились посреди палаты в ожидании – расступились, пропуская вперёд маленького толстого лысого человека в белом халате, с большим свитком в руках.

– Σύμψαση – сказал тот, останавливаясь у койки.

На глазах у всех присутствующих здесь, в палате, раскрыл свиток, держа обеими руками за края сверху и снизу. Софья Андреевна одним мгновенным взглядом охватила записанный на козлиной шкуре текст и благосклонно кивнула. Затем тот развернул текст на шкуре ко взгляду из койки и будто мысли вслух выговорил – громко и внятно, с тем чтобы все услышали и осознали:

– Не осквернённый.

– Будем подписывать Пергамон, если генерал не против, – молвила Софья Андреевна и обернулась словно бы в ожидании.

Яков Филиппович, грузнее обычного опираясь на трость, сделал два шага навстречу и остановился послушно в полшаге. В его глазах, с нескрываемой кручиной вззирающих на племянника, читался укор и одновременно досада: я же, дескать, предупреждал тебя... и не отвратил.

– Разве есть выбор? – спросил Яков Филиппович, не отрывая грустного взгляда от глаз племянника.

– Выбор есть всегда, – только и обмолвилась Софья Андреевна.

Яков Филиппович уронил голову на грудь. Опустил глаза долу. Вдохнул тяжело и прошептал: «Уговор дороже смерти!»

– Подписываем, стало быть, – после долгого задумчивого роздыха едва выдавил из себя и, отступая на два шага назад, уже твёрдым голосом заключил: – Договор.

– На одной хартии кровью собственной рукой, – торжественно изрёк тот маленький толстый лысый человек в белом халате да положил раскрученный свиток на грудь генералу. Сам же быстрым движением одной руки извлёк из нагрудного кармана вещь – нечто вроде медицинского инструмента, ежели б гранили те из алмазов чистой воды, а другой рукой крепко ухватил генерала за запястье и, дважды по-

лоснув, сделал крестообразный неглубокий надрез. Прыснула кровь – фонтанчиком по дуге на пергамен. Не выпуская из своих рук запястья, поднял вверх гранёную вещь и, поворачивая для обозрения из стороны в сторону, громко произнёс:

– Писало!

Приложил писало к кровоточащему надрезу – кровь, когда отнял, свернулась прямо на глазах, и рана перестала кровоточить; затем вложил писало генералу в правую руку между большим, средним и указательным пальцами, при этом приподнимая свободной рукой голову больного и поддерживая её на весу, чтоб не упала.

Сан Саныч – тут как тут верный левша! – поддержал левой рукой правую руку своего шефа и услужливо нацелил её писалом на свиток. Аркадий Наумыч поставил росчерк своей собственной кровью на пергамене и, совершенно изнемогая от этого усилия, безвольно откинулся на подушку, едва-едва сдерживаясь, чтоб не сомкнуть глаз.

Маленький толстый лысый человек в белом халате принял из рук генерала писало, вставил его каким-то образом в свиток, где, очевидно, был предусмотрен крепёж, а сам свиток туго закрутил, перевязал бечевой и протянул Софье Андреевне.

– Вот и всё, – сказала она, обращаясь к Аркадию Наумычу. – Как вы того желали. До скорой встречи – в новой жизни!

И отступила, освобождая проход к койке больного.

– Сейчас сделаем укольчик, – бодрым голосом молвит медсестра, подступая со шприцем. – Это совсем не больно. Вы досчитаете до десяти и заснёте, ничего не почувствовав. А как проснётесь, то ощутите себя совершенно здоровым, и сбросите годков этак с двадцать зараз. Помяните мои слова: и месяца не минует, как наших медицинских сестричек уже будете хватать за мягкие места.

Говорит, а сама улыбается, нащупывая обескровленную вену.

Кивает согласно Сан Саныч из-за её плеча и бодрится:

– Вот такая палата! – Показывает большой палец. – Не палата, а мечта. Пять звёзд. И девочки все – что надо, как на подбор.

Погружённый в смятённые раздумья, хмуро поглядывает из своего тревожного далека Яков Филиппович и безмолвствует, не смея выказать жалости крупницы.

– Я сам всё досконально проверил, шеф, – спешит доложить Сан Саныч. – И лично удостоверился. Почки хорошие, здоровые, камней нет, червей нет. Так что всё обойдётся, и будет как нельзя лучше. Слава богу, этим ублюдкам есть чем ответить за свои бесчинства...

Во взгляде Софьи Андреевны будто тлеют тёплые добрые угольки, и ободряюще лучатся её глубокие зелёные глаза сочувствием и поддержкой.

Аркадий Наумыч ощутил холодок на руке, запах спирта,

затем укол.

– Считайте, – велела медсестра.

– Раз, два, – послушно шевельнул пересохшими губами Аркадий Наумыч, будто задумался на мгновение, заглядывая в вечность, и выдавил из себя: – Где же ты была?! Была... была...

– Считайте!

Последнее слово было:

– Три...

На счёт три он лишился чувств и воли.

– Уговор дороже смерти, – послышалось, как шепчут чьи-то губы.

Или только мнилось ему.

А что есть слово, тем более последнее слово, и какая неведомая сила в нём заключена – непознанная и неразгаданная, ежели в начало всех начал положено слово, и слово есть конец любому делу? Тщетны наши помыслы, и тщетны дела наши без слова, и даже сам господь бог бессилен пред нашими суетными словами.

– В конце концов, – задумчиво проговорила Софья Андреевна про себя так, что никто, кроме неё самой, не мог расслышать её печальных слов, – каждый человек сам себе готовит свой ад – своими собственными руками.

Она вышла из палаты. За ней проследовал Яков Филиппович, опираясь на трость.

Сан Саныч дождался, пока эскулапы ни погрузят сонное,

бесчувственное тело генерала на тележку, чтоб увезти на экзекуцию, и проследил до самой операционной.

– Будь уверен, мой генерал, – проводил напутственным словом, и в голосе его натянулась медная струна. – Мы ещё покажем всем, кто тут настоящий генерал!

Сан Саныч, в непривычном для себя белом халате, накинутом на плечи, расположился на кушетке в больничном коридоре. Извлёк из кармана ветровки смятую газету, расправил её и приготовился коротать время за разгадыванием дежурного кроссворда.

Жупел

Он видел её во сне

...и молнию и жупел она бросает из себя.

Н. М. Языков. Отрок Вячко

Сон без сновидений смежает веки. Уже без чувств. И без тревог. Без угрызений.

Навалилась ночь и раздавила – взорвала изнутри. Ласка трепетных касаний разжигает снова жар в груди. И ищут губы губ прикосновенья. И грудью льнёт к груди душа и просит жажды утоленья. Влеченьем гасится тоска. И вновь стремленье быть, и жить, любить и радоваться страсти утоленью. И так всю жизнь без начала и конца.

Была та ночь длинна. Без меры. Без исхода. Глаз не сомкнуть. Сомкнёшь – не разомкнуть.

Была та ночь короче, чем вдох и выдох, и пуста, как жизнь, прожитая без грёз и без любви.

Вот так свой век томиться, и тлеть, порой взрываться страсти взрывом и изнемогать едва не до утра. А потом в какой-то день и час вдруг лишиться чувств и умереть, так и не познав себя.

Кто смерти не вкусил, тот не отведал жизни. А жизнь дана нам в наказание – пуще пытки плотской: защемив небесных

членов проявления, позволить фибрами души махать в тщете, но не парить.

То был лишь сон – ужасный сон, как будто бы кошмарный жупел наяву.

Конец